

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Антонов Михаил Александрович

**ПРЕЗУМПЦИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Соловых Светлана Жорисовна

Саратов – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕЗУМПЦИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	20
§ 1.1. Правовая природа и ценностные основания презумпции недобросовестности	20
§ 1.2. Недобросовестность в системе смежных гражданско-правовых категорий.....	50
§ 1.3. Формы закрепления презумпции недобросовестности в российском гражданском праве.....	79
ГЛАВА 2. ОТДЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕЗУМПЦИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	103
§ 2.1. Презумпция недобросовестности при оспаривании кабальной сделки	103
§ 2.2. Презумпция недобросовестности при заявлении о применении исковой давности	127
§ 2.3. Презумпция недобросовестности при искусственном дроблении закупок малого объема.....	147
§ 2.4. Презумпция недобросовестности при осуществлении потребительских прав	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	199
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	211
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	249

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Гражданский оборот не может существовать в условиях постоянного недоверия его участников друг к другу. В связи с этим важнейшее значение при осуществлении гражданских прав имеет принцип добросовестности, который закрепляет нормативное требование к поведению участников гражданского оборота. Практическое следствие данного принципа воплощается в презумпции добросовестности, закрепленной в 5 статьи 10 Гражданского кодекса РФ¹, которая является элементом правового механизма и упрощает доказывание в конкретной ситуации, освобождая от доказывания собственной добросовестности.

Между тем, общее правило не всегда способно учесть те ситуации, когда лицо внешне действует в пределах предоставленного права, использует допустимую правовую форму, но фактический результат его поведения уже не согласуется ни с назначением права, ни с интересами контрагента. Непосредственно доказать такую направленность поведения бывает крайне сложно.

На практике встречаются случаи, когда все юридически значимые сведения находятся у одной стороны, тогда как другая сторона может подтвердить только внешние обстоятельства ее поведения. При сохранении обычного распределения бремени доказывания подобная нехватка доказательств работает в пользу лица, действия которого и вызвали сомнение. В результате судебную защиту может получить формально правомерная модель поведения, которая, по существу, такой защиты не заслуживает. Полагаем, что именно здесь проявляется проблема, имеющая значение не только для доказывания по конкретному делу, но и для всего механизма защиты гражданских прав.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2026. № 24. Ст. 3099

Дополнительное звучание указанная проблема приобретает в условиях конституционализации частного права. Так, положения Конституции РФ¹ закрепляют ценностные ориентиры, связанные с устойчивостью экономических отношений, взаимным доверием и солидарностью. Из этого отнюдь не следует, что любой частный интерес должен уступать интересам других лиц. Однако, осуществление принадлежащего лицу права не может строиться таким образом, чтобы внешнее соблюдение закона позволяло полностью переложить на контрагента последствия поведения, не соответствующего назначению этого права. По этой причине гражданскому праву необходим такой правовой способ, который позволял бы оценивать и те действия, которые не нарушают прямого законодательного запрета, но имеют явно сомнительную направленность.

В качестве одного из подобных способов предлагается рассматривать презумпцию недобросовестности. Речь идет не об общем недоверии к участникам гражданского оборота и не об отказе от правила, установленного п. 5 ст. 10 ГК РФ. Презумпция должна применяться только при установлении совокупности обстоятельств, объективно ставящих добросовестность поведения под сомнение. В такой ситуации доказательственный риск переносится на лицо, избравшее спорную модель осуществления права, поскольку именно оно имеет возможность объяснить причины и действительную направленность своих действий. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что исследование презумпции недобросовестности необходимо для выравнивания доказательственных возможностей сторон, повышения предсказуемости судебной практики и, в конечном счете, сохранения доверия между участниками гражданского оборота.

Степень разработанности темы диссертационного исследования.

Проблема доброй совести и ее значения для гражданского права имеет достаточно продолжительную историю научного осмысления. Еще в трудах

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. № 0001202210060013.

М.М. Агаркова, И.Б. Новицкого, Л.И. Петражицкого, В.П. Грибанова, А.В. Венедиктова были поставлены вопросы, без которых современное исследование добросовестности вряд ли возможно: о связи права и нравственности, о доверии в гражданском обороте, о пределах осуществления субъективного права, а также о недопустимости использования юридически допустимой формы вопреки той цели, ради которой соответствующая правовая возможность предоставлена лицу. Для настоящей работы принципиально важно и другое направление указанной научной традиции – необходимость соотносить частный интерес не только с буквальным содержанием принадлежащего лицу права, но и с интересами других участников оборота и правопорядка в целом. Тем самым добросовестность перестает выглядеть исключительно нравственным пожеланием и приобретает качество юридически значимого критерия поведения.

В современной цивилистике названная проблематика получила дальнейшее развитие в исследованиях К.В. Нама, Е.В. Вавилина, А.В. Волкова, А.Г. Карапетова, К.И. Скловского, В.В. Витрянского, Е.А. Суханова, М.Ф. Лукьяненко, В.Г. Голубцова, В.И. Емельянова, Т.С. Яценко, Ж.И. Седовой и других ученых. В соответствующих работах добросовестность анализируется как принцип гражданского права, исследуются пределы ее применения, соотношение со злоупотреблением правом, разумностью, справедливостью, гражданско-правовой виной, судебным усмотрением. Вместе с тем исследовательский интерес, как правило, сосредоточен либо на раскрытии положительной модели добросовестного поведения, либо на отдельных вариантах ее нарушения. Вопрос о том, при каких обстоятельствах исходное доверие к участнику гражданского оборота может быть заменено обязанностью именно этого участника объяснить собственное поведение, самостоятельного и последовательного раскрытия не получил. Иными словами, презумпция недобросовестности в качестве отдельной правовой конструкции в указанных исследованиях специально не выстраивалась.

Самостоятельный массив составляют работы о правовых презумпциях. В.А. Ойгензихт, В.К. Бабаев, Е.Ю. Веденеев, О.А. Кузнецова, Л.А. Астемирова, Н.А. Никиташина, Б.А. Булаевский, О.В. Баулин обращались к их вероятностной природе, опровержимости, отличию от юридических фикций, месту презумпций в правовом регулировании. Обращение к данным положениям позволяет уйти от понимания презумпции недобросовестности как результата свободного усмотрения суда. Для ее возникновения недостаточно самого сомнения в поведении лица. Необходим установленный фактический состав, с которым правопорядок связывает возможность временно принять определенный факт за существующий до тех пор, пока заинтересованное лицо не докажет обратное.

Процессуальная сторона вопроса разработана в трудах С.Ф. Афанасьева, В.П. Воложанина, К.С. Юдельсона, И.В. Решетниковой, Ю.А. Серикова, Л. Грось, С.Ж. Соловых, М.Н. Зарубиной, А.В. Юдина, О.Н. Шеменевой и других представителей науки гражданского и арбитражного процесса. К учению о презумпциях обращалась и В.И. Каминская, хотя уже применительно к уголовному судопроизводству. Указанные исследования для настоящей работы важны по вполне конкретной причине. Презумпция недобросовестности затрагивает не только вопрос о том, как следует оценить поведение участника гражданского оборота. Не менее существен и другой вопрос: кто понесет последствия нехватки доказательств, если необходимые сведения фактически сосредоточены у одной стороны, а другая ими не располагает.

Недобросовестному поведению как самостоятельному объекту гражданско-правовой оценки посвящены работы Ж.И. Седовой, Т.С. Яценко, А.Г. Карапетова, Е.В. Вавилина, А.А. Волоса, К.Г. Савина, О.В. Гутникова, Е.Ю. Усольцева, А.А. Малиновского, О.А. Поротиковой и других авторов. В них раскрываются отдельные признаки такого поведения, его связь со злоупотреблением правом, пределами осуществления гражданских прав, рассматриваются последствия отрицательной правовой оценки. Вместе с тем из названных положений еще не складывается самостоятельная конструкция презумпции недобросовестности. Вопросы о том, при каких обстоятельствах она

возникает, до какого момента действует и каким образом может быть опровергнута, в их взаимосвязи специально не исследовались.

Отдельные элементы исследуемой проблематики обнаруживаются и в более специальных работах. Применительно к кабальным сделкам и иным сделкам с пороками воли учитывались позиции Д.Д. Савранской, И.Ю. Динесмана, А.В. Зарубина, С.В. Потапенко, А.А. Карповой, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского. Вопросы исковой давности рассматривались с опорой на исследования Д.А. Грибкова, Л.Г. Востриковой, Л.К. Беджаше, К.Г. Савина, М.Я. Кирилловой, П.В. Крашенинникова, А.П. Сергеева, Т.А. Терещенко, А.В. Потеевой, А.А. Власова, Л.З. Двалишвили, О.Н. Шеменевой. При обращении к искусственному дроблению закупок малого объема использованы работы Р.А. Жабровского, Г.Б. Добрецова, М.Ю. Тарасова, Е.В. Ступаченко, О.М. Родионовой и иных авторов, исследовавших пределы применения неконкурентных процедур. Наконец, проблематика осуществления потребительских прав и так называемого потребительского экстремизма получила отражение в трудах В.В. Богдан, А.Н. Кузбагарова, И.Л. Нилова, И.В. Поснова, Р.А. Темботова, Ю.А. Голановой, Е.Ю. Усольцева, Г.А. Ожеговой, Т.В. Закупень, В.А. Шагалиевой и других авторов.

Проведенный обзор показывает, что научная основа настоящего исследования достаточно обширна: отдельно разработаны вопросы добросовестности и злоупотребления правом, правовых презумпций, доказывания, а также конкретных проявлений недобросовестного поведения. Однако сама презумпция недобросовестности в механизме защиты гражданских прав самостоятельным предметом цивилистического исследования до настоящего времени не являлась. По существу, открытыми остаются вопросы о ее правовой природе, соотношении с закрепленной в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцией добросовестности, условиях перехода от первоначального доверия к проверке поведения лица, а также о значении иррациональности внешне правомерных действий. Аналогичная неопределенность сохраняется и применительно к тем специальным составам, которые рассматриваются далее:

кабальной сделке, исковой давности, дроблению закупок малого объема и осуществлению прав потребителем.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке научно обоснованной конструкции презумпции недобросовестности в механизме защиты гражданских прав.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих **задач**:

- выявить сущность презумпции недобросовестности, признаки и ее значение для распределения бремени доказывания и доказательственного риска;
- рассмотреть соотношение недобросовестности с незаконностью, неправомерностью, злоупотреблением правом, гражданско-правовой виной, разумностью и ошибкой, определив критерии их разграничения;
- выявить случаи закрепления презумпции недобросовестности в гражданско-правовых нормах и актах их судебного толкования, а также определить условия ее применения, пределы действия и стандарт опровержения;
- выявить специальные фактические составы, при наличии которых презумпция недобросовестности может применяться в механизме защиты гражданских прав как средство перераспределения доказательственного риска;
- обосновать возможность применения презумпции недобросовестности контрагента при оспаривании кабальной сделки;
- определить условия применения презумпции недобросовестности при заявлении о применении исковой давности;
- раскрыть искусственное дробление закупок малого объема как фактическое основание для презюмирования недобросовестности;
- установить пределы применения презумпции недобросовестности при осуществлении потребительских прав;
- сформулировать предложения по совершенствованию гражданского законодательства, направленные на закрепление специальных презумпций

недобросовестности в целях повышения эффективности механизма защиты гражданских прав.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением и защитой гражданских прав, в которых оценка поведения участников гражданского оборота с позиции добросовестности и недобросовестности влияет на выбор и применение гражданско-правовых способов защиты, распределение доказательственных обязанностей и конечный результат судебной защиты.

Предмет исследования составляют нормы гражданского и процессуального законодательства РФ, правовые позиции высших судебных инстанций и материалы судебной практики, в которых закрепляются либо выводятся условия применения презумпции недобросовестности при осуществлении и защите гражданских прав, критерии выявления недобросовестного поведения, правила распределения бремени доказывания и доказательственного риска, а также гражданско-правовые последствия квалификации поведения как недобросовестного в механизме защиты гражданских прав.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют научные работы в области:

конституционного права – Г.А. Гаджиева, А.Ю. Бушева, С.А. Агамагомедовой и других авторов;

общей теории права – С.С. Алексеева, Ю.Б. Фогельсона, А.Ф. Черданцева, З.М. Черниловского и других авторов;

гражданского права – Л.А. Астемировой, В.К. Бабаева, Н.А. Баринова, О.А. Беляевой, М.Н. Бронниковой, Б.А. Булаевского, Е.В. Вавилина, Е.Ю. Веденеева, А.В. Венедиктова, Ю.В. Виниченко, В.В. Витрянского, А.В. Волкова, А.А. Волоса, А.В. Габова, В.Г. Голубцова, Б.М. Гонгало, Е.П. Губина, О.В. Гутникова, И.А. Емелькиной, В.И. Емельянова, М.Н. Илюшиной, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетова, Т.В. Кашаниной, П.В. Крашенинникова, О.А. Кузнецовой, Д.Н. Латыпова, М.Ф. Лукьяненко,

А.А. Малиновского, Д.И. Мейера, А.В. Милькова, С.В. Михайлова, К.В. Нама, Н.А. Никиташиной, И.Б. Новицкого, В.А. Ойгензихта, И.А. Покровского, К.Г. Савина, Ж.И. Седовой, К.И. Скловского, Е.А. Суханова, Е.Ю. Усольцева, З.И. Цыбуленко, Т.С. Яценко и других авторов;

гражданского процессуального и арбитражного процессуального права – В.П. Воложанина, Л.А. Грось, М.Н. Зарубиной, Н.Б. Зейдера, А.Ф. Клейнмана, Е.Г. Потапенко, И.В. Решетниковой, Ю.А. Серикова, С.Ж. Соловых, М.К. Треушникова, К.С. Юдельсона, А.В. Юдина и других авторов.

Философско-правовые основания соотношения права, нравственности, воли и внешнего поведения учитываются с опорой на идеи В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, И.А. Ильина, В.С. Нерсисянца, И. Канта и других мыслителей.

Нормативно-правовую основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, действующего российского гражданского и процессуального законодательства.

Эмпирическую основу настоящего диссертационного исследования составили материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, а также опубликованные материалы правоприменительной судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов различных инстанций.

Методологическую основу составила совокупность общенаучных и специальных юридических методов познания, выбор которых обусловлен целью исследования и поставленными в работе задачами.

При выборе методов исследования мы исходили из поставленной цели и содержания рассматриваемой проблемы. Поэтому наряду с общенаучными способами познания в работе использованы специальные юридические методы, каждый из которых применялся не формально, а для решения определенной исследовательской задачи.

Диалектический подход потребовался при рассмотрении добросовестности и недобросовестности как противоположных, но содержательно связанных категорий. Раскрыть недобросовестность вне того стандарта, отклонением от которого она является, представляется

затруднительным. Именно такой взгляд позволил прийти к выводу, что презумпция недобросовестности не отрицает презумпцию, закрепленную в п. 5 ст. 10 ГК РФ. Ее действие начинается только при наличии собственного фактического основания.

Системный метод использовался при определении места презумпции недобросовестности в механизме защиты гражданских прав. Представляется неверным рассматривать ее как самодостаточный прием юридической техники. Исследуемая презумпция связана и с пределами осуществления прав, и со способами защиты, и с доказыванием. Через такую связь и раскрывается ее практический смысл: она не разрешает спор вместо суда, а влияет на порядок правовой оценки поведения и распределение риска недоказанности.

Метод анализа применялся тогда, когда требовалось рассмотреть отдельные элементы конструкции: вероятность, опровержимость, фактическое основание, пределы действия. После этого посредством синтеза полученные положения были соединены в общее представление о презумпции недобросовестности. Речь идет о самостоятельном, но производном от принципа добросовестности предположении, рассчитанном на исключительные случаи внешне правомерного поведения, вызывающего обоснованное сомнение.

Индуктивный метод имел значение прежде всего при обращении к судебной практике. Сопоставление повторяющихся ситуаций позволило обнаружить ряд признаков, которые по отдельности еще ничего окончательно не доказывают: игнорирование интересов контрагента, несоразмерность средства и цели, использование правовой формы не по назначению, сохранение правовой неопределенности, несовпадение заявленной цели и результата, иррациональность поведения. В совокупности их значение меняется. Дедуктивный метод использовался в обратной логике - общие положения о добросовестности, презумпциях и пределах осуществления гражданских прав проверялись применительно к специальным составам второй главы.

Формально-юридический метод применялся при анализе норм о добросовестности, злоупотреблении правом и пределах осуществления

гражданских прав, а также положений о кабальной сделке, исковой давности и иных норм, содержание которых допускает постановку вопроса о презумпции недобросовестности. В результате удалось выделить два варианта ее существования: прямое нормативное закрепление и выводимое правило, которое обнаруживается при системном прочтении нескольких взаимосвязанных положений.

Метод юридической интерпретации использовался при работе с позициями Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и ранее действовавшего Высшего Арбитражного Суда РФ. Причина такого обращения очевидна: в исследуемой сфере содержание доказательственного правила не всегда исчерпывается буквальным текстом закона. В ряде случаев именно судебное толкование показывает, при каких обстоятельствах обычное распределение доказательственного риска может изменяться.

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить общее правило п. 5 ст. 10 ГК РФ со специальными конструкциями, в которых законодатель уже использует иное распределение доказательственных обязанностей. Такое сопоставление было необходимо, чтобы проверить внутреннюю совместимость предлагаемого подхода с действующим гражданским правом, а не представить презумпцию недобросовестности как совершенно чуждый ему механизм.

Историко-правовой метод применялся при обращении к развитию доброй совести от *bona fides* и *exceptio doli* до современного принципа добросовестности.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем научно обоснована презумпция недобросовестности, которая выступает разновидностью отрицания недобросовестного поведения и трансформирует принцип добросовестности в процессуальный инструмент, позволяющий преодолеть доказательственный формализм.

Отдельно доказана самостоятельность презумпции недобросовестности как специального правового предположения, не сводимого к презумпции добросовестности, презумпции вины, запрету злоупотребления правом либо

общему правилу о распределении бремени доказывания. Данная конструкция имеет собственное основание применения, выраженное в совокупности объективируемых обстоятельств, указывающих на вероятное отклонение поведения лица от стандарта добросовестного поведения, а также собственное функциональное назначение, заключающееся в обеспечении практической реализации принципа добросовестности посредством перераспределения доказательственного риска в механизме защиты гражданских прав.

Предложена система отрицательных признаков, при наличии которых исходного доверия к участнику оборота уже недостаточно для правовой оценки его поведения. Исходное предположение о добросовестности сохраняется до тех пор, пока обстоятельства конкретного дела не дают оснований усомниться в соответствии поведения лица обычно ожидаемой модели. Поэтому для возникновения презумпции одного утверждения о недобросовестности недостаточно. Требуются факты, которые такое сомнение делают обоснованным. Если они установлены, дальнейшее значение приобретает объяснение самого участника оборота. Оно должно соотноситься с тем, что уже установлено по делу, и допускать проверку. В этой связи в работе рассматривается и иррациональность поведения. Отдельно взятая, она ничего не доказывает. Однако отсутствие понятного объяснения внешне правомерных действий в сочетании с другими обстоятельствами способно указать на то, что их действительная цель отличается от внешне заявленной.

В работе тем самым получила оформление самостоятельная презумптивная конструкция. Ее содержание раскрывается через факты, с которыми связывается возникновение предположения, пределы его действия и возможность представить доказательства обратного. При этом для существования такого правила прямое употребление законодателем слов «презумпция недобросовестности» не является обязательным. В одних случаях соответствующее предположение закрепляется непосредственно, в других обнаруживается при совместном прочтении взаимосвязанных норм и сложившегося их толкования.

В настоящем диссертационном исследовании **на защиту выносятся следующие положения**, отражающие научную новизну исследования:

1. Дано авторское определение презумпции недобросовестности, под которой понимается установленное законом или сформированное судебной практикой правило, согласно которому при наличии определенных фактов (обстоятельств) поведение участника гражданского оборота рассматривается как недобросовестное, пока он не докажет обратное.

2. Установлено, что недобросовестность выступает самостоятельной оценочной категорией, не сводимой к формальному нарушению императивных предписаний. Догматическое разграничение недобросовестности со смежными конструкциями имеет принципиальное значение. В отличие от злоупотребления правом, локализованного стадией осуществления уже существующего субъективного права, недобросовестность охватывает весь цикл: от его приобретения до защиты. При этом недобросовестность не тождественна вине, отражающей психическое отношение лица, и не сводится к ошибке. Неразумность и иррациональность, выявляющие разрыв между внешней правомерностью действий и их типичной целью, выступают лишь фактическими индикаторами, но сами по себе не образуют самостоятельного состава недобросовестности.

3. Доказано, что в российском гражданском праве презумпция недобросовестности может существовать в двух формах:

- закрепленная в норме, когда законодатель связывает установленный факт с предположением о недобросовестности лица либо о другом юридически значимом обстоятельстве, свидетельствующем о ней;

- сформированная правоприменительной практикой, как результат судебного толкования.

4. При оспаривании кабальной сделки (п. 3 ст. 179 ГК РФ) целесообразно закрепить презумпцию использования контрагентом тяжелого положения потерпевшего. Для ее активации истец обязан доказать факты,

вынужденный характер сделки, крайнюю невыгодность ее условий и осведомленность (должную осмотрительность) ответчика о тяжелом положении.

Процессуальное назначение данной конструкции состоит не в предрешении недействительности, а в перераспределении доказательственного риска. Презумпция облегчает установление наиболее труднодоказуемого элемента состава – субъективного факта «использования». Бремя опровержения этого предположения переходит к ответчику. Иные элементы состава основания недействительности подлежат доказыванию истцом в общем порядке.

5. Обоснована возможность обращения к презумпции недобросовестности при заявлении стороны о применении исковой давности в тех случаях, когда пропуск срока обусловлен ее предшествующим поведением. Основание для изменения обычного распределения доказательственного риска возникает, если до истечения срока ответчик своими действиями либо бездействием препятствовал своевременному предъявлению требования или существенно его затруднял. Такое поведение может выражаться в сокрытии сведений, необходимых для обращения за защитой, сообщении недостоверной информации, а равно в создании иных препятствий для предъявления требования. После доказанности подобных обстоятельств связь между поведением ответчика и пропуском срока предполагается. Опровергнуть ее должен ответчик.

6. Разработан подход к квалификации искусственного дробления закупок малого объема через категорию заранее известной единой потребности заказчика. Признаками такой потребности являются взаимосвязанность предметов закупок, единая цель их осуществления, временная близость заключения контрактов и отсутствие самостоятельного хозяйственного значения каждой закупки. При установлении данной совокупности обстоятельств наличие единой потребности заказчика предполагается, пока заказчиком не доказано иное. Участие поставщика, подрядчика, исполнителя в недобросовестной модели определяется с учетом его осведомленности о единой потребности

заказчика, согласованности действий с заказчиком либо иной направленности поведения на обход конкурентной процедуры.

7. Обоснована необходимость закрепления специального доказательственного правила о недобросовестном осуществлении потребителем прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей. Основанием для применения презумпции недобросовестности потребителя выступает совокупность обстоятельств, свидетельствующих об использовании потребительских гарантий в отрыве от их восстановительного назначения, в том числе при осведомленности потребителя об отсутствии оснований для предоставления соответствующей защиты, возникновении таких оснований вследствие очевидной ошибки, технического сбоя, недостоверных сведений, сообщенных самим потребителем, уклонения от необходимых действий либо иного поведения, направленного на создание или существенное увеличение последствий спорной ситуации.

Сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию гражданского законодательства, законодательства о контрактной системе и законодательства о защите прав потребителей, направленные на нормативное закрепление специальных доказательственных правил о презумпции недобросовестности при оспаривании кабальной сделки, заявлении о применении исковой давности, искусственном разделении единой потребности заказчика в закупках малого объема и недобросовестном осуществлении потребителем прав, предусмотренных Законом РФ «О защите прав потребителей». Предложения о внесении изменений и дополнений представлены в Приложении к диссертации.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в обосновании презумпции недобросовестности как самостоятельной юридико-технической конструкции, действующей в механизме защиты гражданских прав. Ее существование, по нашему мнению, не вступает в противоречие с презумпцией добросовестности, поскольку речь идет об исключении, которое возможно лишь при доказанности специального

фактического состава. В исследовании также уточнено соотношение недобросовестности со злоупотреблением правом, незаконностью, гражданско-правовой виной, разумностью и ошибкой. Злоупотребление правом рассматривается как одна из форм недобросовестного поведения, связанная с осуществлением субъективного права, но не исчерпывающая всего содержания недобросовестности.

Предложенная конструкция имеет значение и для понимания доказательственного риска. Она позволяет поставить вопрос о его перераспределении там, где поведение внешне остается правомерным, но совокупность обстоятельств вызывает обоснованные сомнения в соответствии такого поведения назначению права и законным ожиданиям другого участника оборота. Выделение отрицательных признаков, включая иррациональность при отсутствии разумного и проверяемого объяснения, позволяет конкретизировать теоретическое содержание добросовестности и недобросовестности как взаимосвязанных правовых категорий.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в том, что сформулированные в работе положения и выводы могут быть использованы в правоприменительной деятельности при разрешении гражданско-правовых споров, связанных с оценкой добросовестности поведения сторон и квалификацией формально правомерных, но, по существу, недопустимых моделей осуществления права. Разработанные критерии выявления отрицательных признаков недобросовестности и аргументационная модель включения презумпции недобросовестности способствуют повышению качества судебной деятельности, снижению риска произвольных оценок и обеспечению большей предсказуемости правоприменения. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке предложений по совершенствованию гражданского законодательства и разъяснений высших судебных инстанций, а также в учебном процессе при преподавании дисциплин гражданско-правового профиля.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обеспечивается использованием совокупности общенаучных и специальных юридических методов познания, адекватных поставленным целям и задачам. Выводы исследования основаны на изучении значительного массива научных источников, нормативных правовых актов и материалов судебной практики, а также на сопоставлении различных доктринальных подходов. Достоверность полученных результатов подтверждается их апробацией в научных публикациях и обсуждением на профильных научных мероприятиях.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе практической и преподавательской деятельности автора на кафедре гражданского права ФГБОУ ВО «СГЮА». Диссертационное исследование обсуждено на кафедре гражданского права ФГБОУ ВО «СГЮА». Основные положения и выводы работы отражены в шести научных публикациях, четыре из которых опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов докторских и кандидатских исследований, а также в качестве докладов на научных конференциях различного уровня: XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках V Международного юридического молодежного форума «Правовая система и вызовы современности» (международный уровень, г. Уфа, 10–12 декабря 2020 г.); V Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» (международный уровень, г. Тамбов, 28–29 мая 2021 г.); XXI Всероссийской научно-практической конференции «Экономика, управление, общество: история и современность» (всероссийский уровень, г. Хабаровск, 19 декабря 2023 г., материалы опубликованы в 2024 г.); 4.1 Саратовском юридическом форуме «Современная правовая система России: наследие Победы и взгляд в будущее» (г. Саратов, 19–20 июня 2025 г.).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и отражает логику раскрытия заявленной проблематики. Работа включает введение, две главы, объединяющие семь параграфов, заключение, список используемых источников, приложение.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕЗУМПЦИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

§ 1.1. Правовая природа и ценностные основания презумпции недобросовестности

В п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ закреплена презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, согласно которой сторона несет бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий только при наличии доказательств, свидетельствующих о недобросовестном поведении стороны по делу. Однако характер некоторых отношений, складывающихся между участниками гражданского оборота, заставляет задуматься об ограничении данной презумпции. Речь идет о ситуациях, когда доказать недобросовестность лица бывает крайне затруднительно, что может быть обусловлено спецификой тех или иных гражданско-правовых связей, высоким уровнем злоупотреблений в определенной сфере (например, в рамках банкротных правоотношений). В таком случае формальное становится выше фактического, поскольку защиту получают права и законные интересы лица, «добросовестность» которого – результат недостаточных доказательственных возможностей другой стороны. Соответственно, оценка поведения субъекта смещается из сферы материально-правовой квалификации в область процессуальных последствий, где исход спора определяется не столько содержанием спорного поведения, сколько распределением неблагоприятных последствий недостаточных доказательственных возможностей. В классической процессуальной доктрине доказывание рассматривалось как юридическая обязанность участников процесса, невыполнение которой влечет неблагоприятный результат спора¹.

¹ См.: Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права: очерки по истории. М.: Изд-во Московского университета, 1967. С. 23

Указанное состояние следует определять через категорию процессуального риска, который С.Ж. Соловых определяет как «подвергающаяся оценке и волевому регулированию присущая процессуальной деятельности субъектов арбитражных процессуальных правоотношений вероятность несения ими негативных последствий, закономерно связанных с разнообразными факторами объективного и субъективного характера»¹.

Таким образом, ключевым фактором становится не только содержание стандарта добросовестности, но и способ его процессуального обеспечения. Таким способом выступает презумпция (от лат. *praesumptio*), под которой понимается положение, устанавливающее наличие фактов или событий без полного доказательства их существования². Презумпция и предположение являются тождественными понятиями, но презумпция есть предположение правовое³. Необходимость использования предположений в праве обусловлена объективной невозможностью доказать наличие или отсутствие того или иного факта. По этой причине крайне важно отметить, что презумпция – это не истина, а лишь предположение, принимаемое за истинное, основанное на высокой степени вероятности наличия какого-либо факта⁴.

В.П. Воложанин определял юридическое предположение как такое допущение, которое освобождает сторону от доказывания одного факта при условии установления другого, поскольку между ними существует причинная связь, подтвержденная предшествующей практикой и опытом правоприменения. Тем самым подчеркивается функциональная роль презумпций в механизме доказывания, так как их использование позволяет сократить объем подлежащих

¹ См.: Соловых С.Ж. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2019. С. 20.

² См.: Барац С.М. [и др.]; составитель Белов В.А. Гражданское и торговое право (энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) в 10 т. Том 6. «Определение» - «презумпция». М., 2020. С. 383.

³ См.: Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 8, 33-34.

⁴ См.: Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1951. С. 249-250; Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М; Л., Изд-во АН СССР, 1948. С. 46.

установлению обстоятельств, упростить доказательственный процесс и в определенной мере облегчить судебную оценку представленных доказательств. Презумпция в данном контексте выступает не абстрактной теоретической конструкцией, а инструментом процессуальной экономии, встроенным в процесс осуществления правосудия¹. Будучи видом индуктивного умозаключения, презумпция предполагает наличие устойчивых, часто наблюдаемых связей между событиями, фактами. Таким образом, презумпция – это результат определенного коллективного опыта, предоставляющий возможность обойтись без доказывания.

Крайне справедливой представляется точка зрения Л.А. Астемировой, согласно которой «...презумпции есть специфическое средство правового регулирования, связующее принципы права с юридическими нормами»². Данный вывод имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку позволяет рассматривать презумпцию не только как юридико-технический прием, направленный на облегчение процесса доказывания, но и как форму конкретизации общих правовых начал в механизме применения гражданско-правовой нормы. Именно поэтому презумпция недобросовестности может быть исследована как способ прикладной реализации принципа добросовестности в тех случаях, когда совокупность обстоятельств указывает на возможное отклонение поведения лица от назначения принадлежащего ему права.

Философская природа правовых презумпций раскрывается через их двойственную природу как вероятностного знания и нормативно значимого допущения. Предположение формируется на основе повторяющихся связей, часто наблюдаемых в реальности. Закрепление же презумпции в праве переводит

¹ См.: Воложанин В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе. Свердловск, 1953. С. 173.

² См.: Астемирова Л.А. Презумпции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2010. С. 4.

указанный познавательный результат в регулятивную плоскость, создавая исходную предпосылку для юридической оценки и процесса доказывания¹.

Обращение к социально-философскому подходу рассмотрения презумпций показывает, что презумпция опирается на закрепившиеся в сознании и опыте общества представления об устойчивых моделях поведения. Соответственно, правовые презумпции следует рассматривать не только как средство процессуальной экономии, но и как нормативный ориентир для оценки форм внешнего проявления воли², что особенно важно, когда волевою направленность установить крайне затруднительно.

Важно сказать о необходимости отграничения презумпции от фикции. Разница между указанными логическими инструментами заключается в том, что сущность фикции заключается в признании заведомо неистинного положения за истинное, а презумпция, в свою очередь, есть предположение истины, основанное на высокой степени ее вероятности³. Под правовой фикцией следует понимать применяемый в праве технико-юридический прием, которым несуществующее положение объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу закрепления его в правовой норме⁴. Презумпция же возникает тогда, когда установить достоверность того или иного факта не представляется возможным или крайне затруднительно.

Некоторые ученые приходят к спорному выводу о тождественности гипотезы и презумпции⁵. У двух названных явлений, безусловно, есть сходство:

¹ См.: Никиташина Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2004. С. 11–13; Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 215–216.

² См.: Чистякова Ю.А. Социальные презумпции как регулятор общественных отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 10–12, 17.

³ См.: Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. С. 14.

⁴ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 28; Черниловский З.М. Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право. 1984. № 1. С. 98–105; Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854. 127 с.

⁵ См.: Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948. С. 21.

и гипотеза, и презумпция есть предположение, основанное на высокой степени вероятности. Однако в отличие от презумпции, гипотезу необходимо доказать, она не находит своего закрепления в нормах. Кроме того, гипотеза возникает тогда, когда не все еще проверено для выдвижения теории, презумпция же находит постоянное подтверждение в практике; гипотеза основывается на предположении строго научном, а презумпция зачастую – на житейском опыте¹. Исходя из этого становится очевидным, что указанные понятия не тождественны.

Вместе с тем признак закрепленности в нормах права выделяется в качестве обязательного не всеми авторами. Например, Л.А. Астемирова делит презумпции на непосредственно закрепленные в правовых нормах и выводимые из них в результате логических операций². Склонны согласиться с указанной точкой зрения, продемонстрировав варианты логически выводимых презумпций в дальнейшем.

Сказанное выше позволяет выделить основные признаки правовых презумпций:

- 1) основаны на высокой степени вероятности;
- 2) закрепляют определенные юридические факты;
- 3) могут быть опровергнуты.

В науке существуют различные точки зрения по вопросу выделения неопровержимых презумпций, то есть презумпций, опровержение которых не допускается в силу закона. Если исходить из того, что презумпция есть предположение истины, то возможность ее опровержения не должна исключаться³. Исходя из этого, существование неопровержимых презумпций противоречит самой сути этого правового явления. В.К. Бабаев в качестве неопровержимой презумпции приводит в пример презумпцию непонимания

¹ См.: Ойгензихт В.А. Указ соч. С. 14.

² См.: Астемирова Л.А. Указ. соч. С. 7.

³ См.: Треушников М.К. Судебные доказательства. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2004. С. 64

общественной опасности своего деяния лицом, не достигшим к моменту совершения преступления возраста, по достижении которого возможна уголовная ответственность, а также презумпцию недееспособности лица, не достигшего определенного возраста, в гражданском праве¹. По мнению ученого, существование неопровержимых презумпций обусловлено их высокой юридической значимостью.

Данная позиция была подвержена критике со стороны В.А. Ойгензихта, который настаивал на отличии правовых предположений от фактических: «...нельзя согласиться с утверждением В.К. Бабаева о том, что неопровержимость презумпции ответственности малолетнего происходит не по причине абсолютной истинности этой презумпции, а ввиду недопустимости иного решения вопроса с точки зрения правовой нормы...»². Таким образом, следует ограничивать фактические презумпции, лежащие в основе правовой нормы, от юридических. Если то или иное положение невозможно опровергнуть в силу закона, то следует говорить не о юридической презумпции, а об императивном установлении, в основе которого лежит фактическое предположение. Аналогичной точки зрения придерживается Е.Ю. Веденеев³.

Совершенно верной представляется позиция О.А. Кузнецовой, которая в качестве главного признака презумпций называет вероятность, а наделение их свойством законодательной достоверности превращает их в индукции⁴.

В гражданском праве существует большое количество презумпций, и все они играют существенную роль в регулировании общественных отношений, являясь основанием для наступления определенных юридических последствий. Так, презумпция смерти лица приводит к установлению факта смерти судом, что, в свою очередь, является основанием для открытия наследства, прекращения

¹ См.: Бабаев В.К. Указ. соч. С. 47.

² См.: Ойгензихт В.А. Указ. соч. С. 21.

³ См.: Веденеев Е.Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве // Государство и право. 1998. № 2. С. 48.

⁴ См.: Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Ур. гос. юрид. акад. - Екатеринбург, 2007. С. 308.

брака и обязательств данного лица. Презумпция вины, предусмотренная статьей 1064 ГК РФ¹, хоть и не означает признание факта наличия вины, тем не менее становится предпосылкой для применения соответствующих юридических последствий.

Кроме того, существенна роль презумпций и в рамках гражданско-процессуального права: освобождение участников процесса от доказывания определенных фактов, распределение бремени доказывания. Все это позволяет упростить и оптимизировать процедуры рассмотрения дела, совершенствовать юридическую деятельность в целом. Так, И.В. Решетникова видит юридическое значение презумпций в ускорении процесса доказывания, а также в перераспределении бремени доказывания. При этом автор вполне справедливо отмечает, что опровержимый характер презумпций не позволяет рассматривать их в качестве основания для полного освобождения от доказывания, так как избавляет от указанной обязанности только до момента их опровержения².

Продолжая рассуждение о роли презумпции, следует отметить, что ее юридическое значение заключается не только в ускорении процесса доказывания, но и в распределении доказательственного риска. Так, О.В. Баулин справедливо рассматривает презумпции как правовые предположения, перераспределяющие доказательственные обязанности³.

С.Ж. Соловых, раскрывая структуру арбитражно-процессуального механизма обеспечения прав, относит к его специальным юридическим гарантиям процессуальные нормы, закрепляющие процессуальные гарантии как специфические процессуальные средства, основные цели установления которых

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2025. № 26 (часть I). Ст. 3508.

² См.: Решетникова И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 17.

³ См.: Баулин О.В. Указ. соч. С. 8, 20, 33. Автор рассматривает презумпции как правовые, а не фактические предположения, перераспределяющие доказательственные обязанности, и отмечает, что перераспределение доказательственных обязанностей не означает отнесения презюмируемого факта к числу не требующих доказывания.

состоят в определении порядка и условий реализации субъективных процессуальных прав, а также мер охраны и защиты в случае их нарушения¹.

Полагаем, что обозначенное понимание презумпции как способа распределения доказательственного бремени требует обращения к вопросу о соотношении презумпции добросовестности и презумпции недобросовестности. На первый взгляд, сама постановка данного вопроса может показаться достаточно спорной, поскольку п. 5 ст. 10 ГК РФ закрепляет исходное предположение о добросовестности участников гражданских правоотношений. Однако наличие в праве нескольких презумпций не означает их обязательной конкуренции.

В науке неоднократно поднимался вопрос об одновременном наличии в праве нескольких презумпций, а также иных правовых средств, которые могут конкурировать между собой при достижении целей правового регулирования². Так, Б.А. Булаевский, акцентируя внимание на проблеме установления презумпций, прямо противоположных уже существующим (презумпция добросовестности – презумпция недобросовестности), отмечает, что наличие нескольких презумпций «не оказывает влияния на условия их применения и опровержения», соответственно, говорить о конкуренции между ними не приходится. Обосновывая свою точку зрения, Б.А. Булаевский исходит из определенного фактического состава и условий применения той или иной презумпции, которые исключают применение других презумпций³.

¹ См. Соловых С.Ж. Система процессуальных гарантий субъективных процессуальных прав лиц, участвующих в арбитражном судопроизводстве: понятие и эффективность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 5. С. 197-198.

² См.: Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / Науч. ред. В.В. Ярков. М., 2006. С. 141; Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. Пермь, 2002. С. 107 – 109; Грось Л. О некоторых вопросах доказывания в уголовном судопроизводстве с позиций преподавателя гражданского процессуального права // Мировой судья. 2009. № 5. С. 26.

³ См.: Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография / Б.А. Булаевский. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следовательно, презумпция недобросовестности не должна рассматриваться как отмена или отрицание презумпции добросовестности. Она может быть допустима только при наличии самостоятельного фактического состава, образованного совокупностью объективируемых обстоятельств, которые с высокой степенью вероятности указывают на отклонение поведения лица от стандарта добросовестного осуществления гражданских прав. Иными словами, пока указанная совокупность обстоятельств не получила надлежащего установления в конкретном споре, сохраняется исходное доверие к участнику гражданского оборота, а риск недоказанности его недобросовестности остается на стороне, заявляющей соответствующее возражение. Однако при выявлении такой совокупности обстоятельств меняется сама логика правовой оценки, поскольку сомнение в добросовестности лица возникает уже не из абстрактного подозрения, а из внешне выраженной структуры его поведения. В связи с этим последующее обращение к добросовестности и недобросовестности должно быть направлено на выявление тех признаков, при наличии которых возможно поставить под сомнение исходное предположение о добросовестности.

В рамках настоящего исследования обращение к категориям добросовестности и недобросовестности имеет не отвлеченное, а прикладное значение, так как необходимо для того, чтобы определить признаки поведения, при наличии которых исходное доверие к участнику гражданского оборота перестает быть достаточным основанием правовой оценки и уступает место обоснованному сомнению в его добросовестности.

Важно отметить, что в доктрине уже сформирована и обоснована точка зрения, согласно которой добросовестность и недобросовестность необходимо рассматривать в их диалектическом единстве, как противоположные категории, содержание которых раскрывается через их антонимическую соотнесенность¹. Используя указанный подход, считаем

¹ См.: Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.5, 5.1.3. М., 2024. С. 30.

верным выбрать в качестве точки приложения исследовательского интереса выявление типичных признаков недобросовестного поведения как нормативно значимого отклонения, вместо конструирования признаков абстрактной добросовестности в качестве универсальной модели.

Кроме того, Ж.И. Седова отмечает различный уровень абстракции рассматриваемых категорий. Так, добросовестность, будучи общим принципом, адресована неопределенному кругу лиц, сохраняя высокий уровень оценочности. Недобросовестность же, в свою очередь, проявляясь в конкретном правоотношении, обладает большей определенностью и выраженностью вовне¹. Существенное значение для настоящего исследования имеет разработанное Ж.И. Седовой определение недобросовестного поведения, под которым автор понимает «поведение субъекта права, которое обладает признаком реальности (оно не может носить гипотетический характер), имеет прямую причинно-следственную связь с негативными экономико-правовыми последствиями, возникшими у других субъектов права, имеет индивидуализацию (оно связано с конкретным носителем поведения) и по итогу сопоставления со всеми видами отрицания недобросовестного поведения явно свидетельствует о недобросовестности (очевидном отклонении действий от добросовестного поведения), что привело к необходимости применения судом правовых средств отрицания недобросовестного поведения»². Автор, формулируя характеристики недобросовестного поведения, имеющие значение для его квалификации, указывает следующие: «волевой выбор недобросовестного поведения актором»; «его непредсказуемость для контрагента (несоответствие законным ожиданиям)»; «антисоциальность его цели, заведомо противной основам правопорядка или нравственности»; «направленность на несбалансированность интересов участников правоотношений, причинение вреда, нарушение прав и свобод других лиц»;

¹ Там же. С. 220.

² Там же. С. 32-33.

«несоответствие намерений совершаемым действиям»; «использование прав не в соответствии с целью правового регулирования»¹.

Выработанная методологическая модель важна для настоящего исследования, поскольку позволяет вывести анализ недобросовестности за пределы общего рассуждения о нравственной оценке поведения. В центре внимания оказывается не личность участника оборота сама по себе, а совокупность внешних признаков его действий, через которые обнаруживается отклонение от обычно ожидаемого поведения. По этой причине признаки, выделяемые Ж.И. Седовой, имеют значение для последующего определения тех обстоятельств, при наличии которых исходное доверие к лицу может быть поставлено под сомнение.

Вместе с тем обращение к признакам недобросовестности неизбежно подводит к вопросу о правовой природе самой добросовестности. Несмотря на значительный массив научных работ, посвященных исследованию данной категории, недобросовестность не может быть содержательно раскрыта без обращения к тому положительному стандарту поведения, отклонением от которого она и является.

В доктрине отсутствует единый подход к определению места добросовестности в системе правовых принципов. Так, А.А. Малиновский считает добросовестность не общеправовым, а отраслевым принципом, обосновывая свое мнение спецификой гражданско-правовой регламентации общественных отношений, а также особенностями субъективных гражданских прав². Позволим себе не согласиться с мнением ученого, поскольку современное конституционно-правовое понимание добросовестности³ не позволяет

¹ См.: Седова Ж.И. Указ. соч. С. 219.

² См.: Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А.А.Малиновский. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 206-207.

³ См.: Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Бушев А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева // Закон. 2023. № 9. Доступ из справ.-правовой

ограничивать ее значение исключительно рамками гражданского права. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28.12.2022 № 59-П указал, что «требование о добросовестном поведении распространяется, в силу своей универсальности, на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности»¹.

Особое значение требование добросовестного поведения получило в свете конституционной реформы, результатом которой стало закрепление в ст. 75.1 Конституции РФ принципов экономической, политической и социальной солидарности. По мнению С.А. Агамагомедовой, принцип экономической солидарности необходимо рассматривать в качестве комплексной правовой основы, аккумулирующей в себе целый ряд других принципов, в том числе добросовестности². В этом же контексте представляется значимой точка зрения Е.П. Губина, предлагающего рассматривать экономическую солидарность как всеобщий принцип по отношению к другим правовым началам³. Указанные подходы позволяют рассматривать конституционный принцип экономической солидарности в качестве ценностного источника запрета на антисоциальные модели поведения в

системы «КонсультантПлюс». В указанной работе обращается внимание на то, что в условиях конституционализации отраслевого законодательства применение принципа добросовестности предполагает толкование гражданско-правовых норм с учетом конституционных положений, включая принцип экономической солидарности.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2022 г. № 59-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М.Д. Малинина» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 2. Ст. 547; Антонов М.А. «Добросовестность как общеправовой принцип российского права» // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 137–141.

² См.: Агамагомедова С.А. Экономическая солидарность: конституционный принцип и ценность экономического взаимодействия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 125.

³ См.: Губин Е.П. Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права // Журнал российского права. 2022. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданском обороте, что усиливает возможную роль презумпции недобросовестности в качестве элемента механизма защиты гражданских прав¹.

Соответственно, добросовестность в отраслевом законодательстве выступает как форма конституционного требования учитывать баланс интересов и обеспечивать устойчивость экономического взаимодействия², тогда как недобросовестность, будучи антонимической категорией, необходима для фиксации пределов того, что может быть признано конституционно допустимым. В этом и должна проявляться роль указанной категории в механизме защиты гражданских прав, поскольку именно через квалификацию недобросовестного поведения правопорядок выявляет и пресекает поведенческие модели, подрывающие солидарность как конституционно охраняемую ценность.

Весьма примечательно и указание Конституционного Суда РФ на то, что принцип экономической солидарности оказывает серьезное влияние на обеспечение прав и законных интересов участников гражданского оборота, реализовываясь в том числе в качестве требования о добросовестном поведении в материально-правовых и процессуальных отношениях³.

Полагаем, что при подобном подходе правопорядок должен быть ориентирован на выявление и фиксацию часто повторяющихся недобросовестных моделей поведения с целью обеспечения функционирования механизма защиты гражданских прав, ориентированного на пресечение

¹ См.: Антонов М.А. «Добросовестность как общеправовой принцип российского права» // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 137–141.

² См.: Габов А.В. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2022. № 2. С. 272. В работе подчеркивается, что нормы гражданского права, обеспечивая реализацию экономических интересов и воплощение конституционных положений, выходят за пределы частного регулирования и образуют системную основу функционирования экономики.

³ См.: Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407948149/> (дата обращения: 18.01.2024).

антисолидарных практик и коррекцию правовых последствий формально допустимого, но, по существу, недобросовестного поведения.

Следует согласиться с В.Г. Голубцовым, который очень метко назвал принцип добросовестности «солидаристским императивом», расширение действия которого является признаком «социализации гражданского права России». Более того, если мы обратимся к п. 6 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, то обнаружим, что введение принципа добросовестности названо в качестве одной из мер развития экономики и становления гражданского общества в РФ. При этом данное основополагающее начало охарактеризовано в качестве «одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права», а его назначение прямо определено через «конкретизацию лишаемых правовой защиты «иных форм злоупотребления правом»»¹.

Обоснованной представляется точка зрения, согласно которой принципы права имеют нормативно руководящее значение, поскольку формируют «каркас» отрасли права, задают направления развития ее институтов и обеспечивают реализацию нормативных предписаний². Восприятие принципа права, в частности принципа добросовестности, не в качестве некой абстрактной идеи, а обязывающего нормативного критерия оценки поведения позволяет выявлять отклонения от допустимой модели осуществления гражданских прав и тем самым подводит к анализу противоположной категории недобросовестности.

Анализ конституционного и нормативного оформления принципа добросовестности требует дополнения историко-правовой перспективой, поскольку актуальное содержание категории доброй совести формируется не изолированно, а базируется на выработанных правовым порядком устойчивых

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

² См.: Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С. 24–27, 56–57.

представлениях о границах надлежащего поведения субъектов частных правоотношений. Именно ретроспективное осмысление происхождения и эволюции данного начала позволяет выявить его не как результат абстрактного конструирования, а как отражение многовековой правовой традиции, в рамках которой добросовестность изначально осмысливалась через необходимость разграничения надлежащего и недопустимого поведения в гражданском обороте.

У истоков развития принципа доброй совести, ставшего неотъемлемой частью правопорядка многих стран, стоит система римского права. Идея добросовестности (*bona fides*) и выросшее из нее возражение о недобросовестности оппонента (*exceptio doli*) играли огромную роль в развитии римского частного права, позволяя преторам и судам добиваться уточнения, развития и преодоления формальных элементов строгого гражданского права во имя справедливости и в соответствии с изменением социально-экономического и культурного контекста древнеримского общества. Считается, что данные институты являлись одним из основных моторов обновления римского права через так называемое преторское право (*ius honorarium*). Сама идея доброй совести нередко ассоциировалась с понятием справедливости (*aequitas*)¹. Таким образом, уже в рамках преторского права добросовестность проявлялась не только как позитивный ориентир поведения, но и как основание для выявления и пресечения недобросовестных способов осуществления права.

И.Ю. Карлявин отмечает, что термин «*fides*» есть выражение веры как нравственного явления, означающий верность своему слову, своим обязательствам². Вместе с тем обращение к представлениям римских юристов о поведенческих пределах в праве демонстрирует, что указанное требование раскрывается через его отрицательную плоскость, проявляющуюся в запрете ухудшения правового положения другого лица. Яркой иллюстрацией служит

¹ См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2020. С. 156.

² См.: Карлявин И.Ю. Методологическое значение категория *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве // *Lex Russica*. 2015. № 1. (Том ХCVIII). С. 133.

утверждение Гая, что «...естественные и разумные доводы убеждают в том, что мы можем улучшать положение другого лица даже без его ведома и воли, но не можем ухудшить его»¹.

Д.В. Дождев, анализируя понимание принципа добросовестности в римском праве, приходит к выводу о том, что данное основополагающее начало выступает в качестве противовеса правовому формализму². Соответственно, можно с уверенностью заключить, что уже в римском праве формировались границы допустимого поведения, нарушение которых квалифицировалось как недопустимое использование правовой формы³.

Представляется, что дальнейший анализ категорий добросовестности и недобросовестности как правовых явлений невозможен без обращения к вопросам, находящимся в плоскости философии права. Само содержание данных категорий формируется на стыке юридических и нравственных представлений, поскольку термины «добросовестность» и «недобросовестность» адресуют к оценочным понятиям добра, совести и их отрицания, выходящим за рамки сугубо юридической науки⁴.

Русский мыслитель В.С. Соловьев указывал: «...право (то, что требуется юридическим законом) есть низший предел, или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный»⁵.

¹ См.: Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. I. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. С. 397.

² См.: Дождев Д.В. Добросовестность (*bona fides*) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 103.

³ См.: Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2025. С. 192-201.

⁴ См. о добросовестности как единстве нравственного и прагматического начал в структуре правового поступка: Исмаилов А.Ю. Добросовестность - мера присутствия морального начала в правовой сфере индивидуального бытия человека / А. Ю. Исмаилов // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: матер. междунар. науч.-практ. конф. Пенза; Прага, 2011. С. 10.; См.: Зорькин В.Д. Под знаком обновленной Конституции // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96> (дата обращения: 18.02.2024).

⁵ См.: Соловьев В.С. Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. СПб., 1897. С. 26.

Б.Н. Чичерин не соглашался с пониманием права как «низшего предела нравственности», указывая на его самостоятельность, в основе которой лежат иные социальные потребности, в частности потребность в человеческом общежитии¹. Рассуждая о соотношении требований нравственных и юридических законов, русский мыслитель отмечает, что они зачастую противоречат друг другу. Так, например, закон не запрещает разорение должника путем взыскания долгов. Таким образом, правовые нормы, обеспечивая юридический порядок, зачастую способствуют безнравственному поведению².

Интересными представляются воззрения И.А. Ильина на соотношение норм права и нравственности, который утверждал, что паритет двух социальных регуляторов может быть достигнут только в условиях согласования права с требованиями морали. Русский философ отмечает, что законодательные предписания должны содержать только поведение, признаваемое нашей совестью. Как бы развивая идеи римских юристов, И.А. Ильин выражает необходимость правовой оценки, основанной не только на внешнем анализе поведения людей, но и на обращении к его «внутренней сущности и нравственному значению»³.

В.С. Нерсисянц, исследуя вопросы соотношения права и морали, пришел к выводу, что оба социальных регулятора действуют в едином поле общественных отношений, которое невозможно разграничить на самостоятельные системы. Нормы морали, оценивающие поведение людей с позиций добра и зла, проникают во все сферы жизни общества, а посему «все правовое подлежит моральным оценкам». Таким образом, вся правовая действительность может соизмеряться с помощью категорий добра, зла, совести и чести. В то же время

¹ См.: Чичерин Б.Н. Философия права. Избранные сочинения / Б.Н. Чичерин. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 64 // Образовательная платформа «Юрайт»: сайт. URL: <https://urait.ru/bcode/513670> (дата обращения: 27.11.2023).

² Там же. С. 65.

³ См.: Ильин, И.А. Теория права и государства: научное издание / И. А. Ильин. - 2-е изд. доп.; под ред. В.Л. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2014. С. 245.

В.С. Нерсисянц видел в праве «формальную конкретно-историческую меру свободы», оно оценивает внешнюю сторону поведения людей, не обращаясь к внутренним мотивам его поведения¹. Склонны согласиться с тем, что юридическая оценка обусловлена существующими социальными реалиями, но довод о том, что право нейтрально к поведенческим мотивам, кажется небесспорным. Именно в сфере выявления недобросовестных форм осуществления гражданских прав обнаруживается необходимость обращения не только к объективным признакам поведенческого акта, но и к его внутренней направленности². По этому поводу целесообразно привести утверждение И. Канта, подтверждающее указанный довод: «Доброе же или злое всегда означает отношение к воле, поскольку она определяется законом разума – делать нечто своим объектом»³.

В результате проведенного анализа философско-правовых подходов к разграничению правовых и морально-этических норм можно прийти к выводу, что содержание понятия добросовестности не поддается исчерпывающему описанию через моделирование должного поведения ввиду его оценочной природы и абстрактности⁴. Для целей правового регулирования эффективнее использовать противоположную категорию недобросовестности, с помощью которой правопорядок может фиксировать признаки поведения, формально соответствующего требованиям закона, но направленного на использование

¹ См.: Нерсисянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: Учебник / Институт государства и права РАН; Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 230-238.

² См. о соотношении внешней правовой формы и внутренней направленности действия при оценке добросовестности: Федин И.Г. Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 27-28; Поляков М.А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 388.

³ См.: Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 383.

⁴ См.: Антонов М.А. «Философско-правовое понимание принципа добросовестности» // Экономика, управление, общество: история и современность. Хабаровск, 2024. С. 257–259.

предоставленных прав вопреки их назначению, в ущерб законным интересам других участников гражданского оборота и охраняемым публичным ценностям¹.

Сложность в юридическом анализе человеческих поступков вызвана имеющим место несоответствием между волей лица и его волеизъявлением как поведенческим актом. Обращаясь к трудам наших современников, отметим, что К.В. Нам рассматривает смысловое содержание принципа добросовестности через две теории: социального идеала и предполагаемой воли сторон². Однако возникает последовательный вопрос о возможности объективного определения «предполагаемой воли» лица, основанного на анализе ее внешнего выражения.

В.О. Лобовиков, рассматривая потенциал применения математических методов в юриспруденции, приводит два возможных мотива совершения человеком определенного поступка: подчинение регламентирующей его деятельность системе норм без обращения внимания на интересы и потребности другого субъекта (субъектов) и осознание правильности совершаемого деяния, его соответствия интересам и потребностям прогрессивного развития человеческого общества и личности³. Именно второй мотив следует рассматривать в качестве необходимой предпосылки добросовестного поведения. Тем не менее воля лица, согласованная только с законодательно установленными требованиями, ограничениями, представляется абсолютно допустимой с позитивистской точки зрения. Рассматриваемое расхождение между формальной правомерностью поведения и его фактической направленностью позволяет говорить о существовании модели поведения, сочетающей в себе соответствие требованиям закона и одновременное игнорирование интересов других участников оборота, а также публичных интересов.

¹ См. о возможности злоупотребления не только правовыми нормами, но и правовыми идеями: Матузов Н.И. Право и политика: антиподы или союзники? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6 (101). С. 20.

² См. Нам К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 54-56.

³ См.: В.О. Лобовиков. Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1984. С. 224.

В данном контексте необходимо заметить, что сложившееся выделение только двух противоположных форм юридически значимого поведения, добросовестного и недобросовестного, не всегда позволяет описать ситуации, в которых внешнее соблюдение правовых предписаний сочетается с внутренней направленностью на результат, не согласующийся с назначением права. В доктрине для обозначения подобных случаев предложено использование понятия «имморальной добросовестности», под которой понимается поведение, в основе которого лежит вынужденное соблюдение правовых предписаний, не исключающее недобросовестности при отсутствии сдерживающих факторов. В целом поведенческая модель такого лица строится на определенном расчете, а негативное влияние на законные интересы и права другого лица скрыто под формой внешнего соблюдения «буквы закона»¹.

На наш взгляд, использование категории имморальности является не совсем удачным, так как накладывает моральную оценку на уже оценочное правовое понятие. Более методологически точной представляется категория иррационального поведения, позволяющая зафиксировать случаи, когда внешне правомерные действия не находят разумного объяснения ни с точки зрения обычной логики гражданского оборота, ни с позиции собственных хозяйственных интересов лица, за исключением стремления к достижению результата, противоречащего социальному назначению предоставленного права. Не случайно А.В. Юдин, раскрывая злоупотребление процессуальными правами через систему признаков, наряду с осуществлением права вопреки его назначению, искусственностью и неэкономичностью поведения указывает на его неестественность, проявляющуюся в непоследовательной и противоречивой позиции по делу². Позволим себе предположить, что речь идет о том же явлении: иррациональность поведения рассматривается как юридически значимый

¹ См.: Калина В.Ф., Милохова А.В. Гражданско-правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 130.

² См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 11.

признак, который в совокупности с иными обстоятельствами позволяет усомниться в том, что предоставленное право используется в соответствии с его назначением.

При этом иррациональное поведение не подменяет собой категорию недобросовестности и не образует самостоятельного основания для применения неблагоприятных правовых последствий. Его значение заключается в фиксации ситуаций, когда внешне правомерное волеизъявление лица не получает разумного и проверяемого объяснения в логике гражданского оборота. При подобных обстоятельствах иррациональность поведения может рассматриваться как один из признаков, позволяющих поставить под сомнение исходное предположение о добросовестности. Указанный вывод находит подтверждение и в новейшей судебной практике. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, рассматривая пределы применения эстоппеля, указала, что само по себе противоречивое поведение стороны еще не является недобросовестным и не влечет безусловного применения ст. 10 ГК РФ. Юридическое значение приобретает лишь такая непоследовательность, которая с учетом обстоятельств дела подрывает разумное доверие другой стороны, влечет явную несправедливость и позволяет лицу извлечь преимущество из собственной перемены поведения¹.

Полагаем, что после выделения иррационального поведения как одного из признаков, позволяющих поставить под сомнение исходное предположение о добросовестности лица, необходимо обратиться к содержанию самой добросовестности. В связи с тем, что Гражданский кодекс РФ не содержит дефиниции понятия «добросовестность», в доктрине сформировались различные подходы к его определению.

Так, И.Б. Новицкий, раскрывая смысл доброй совести, акцентировал внимание на элементах доверия, учета интересов другого лица и согласования

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08 октября 2024 г. № 300-ЭС24-6956 по делу № СИП-295/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

частных интересов с интересом целого, рассматривая добросовестность в качестве ограничителя индивидуализма и носителя социального начала в гражданском праве¹.

К.В. Нам связывает добросовестное поведение с соблюдением честной деловой практики, справедливости и баланса интересов сторон правоотношения². В рамках сходной логики В.В. Момотов предлагает под добросовестным поведением понимать такое поведение, которое предполагает справедливое отношение к другому человеку³.

Л.З. Двалишвили полагает, что добросовестность есть «проекция человеческой совести на правовую плоскость с необходимыми изменениями»⁴. При этом ученый обращает внимание на то, что совесть необходимо рассматривать как некий объективный усредненный стандарт, конкретизируемый правоприменительной практикой и доктриной, а не как субъективные представления индивида о правильном и должном.

С.В. Савсерис, рассматривая добросовестность в философии и праве, приходит к выводу, что понятие «добрая совесть» по своему содержанию этическое, корни понимания которого находятся в сфере морали и нравственности. Вместе с тем отвечая утвердительно на вопрос о возможности пересечения норм права и нравственности, следует иметь в виду их существенные отличия, главное из которых – степень формальной определенности. Автор выдвигает тезис о том, что наличие в правовой норме ссылки на нравственную приводит к «разрушению» нормы права. Разрешение

¹ См.: Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 131.; Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2 (47). С. 76.

² См.: Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 79.

³ См.: Момотов В.В. Добросовестность как модель поведения в законодательстве и судебной практике: выступление на заседании Клуба имени Д.Н. Замятина 17 июля 2019 г. // Совет судей Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/34063> (дата обращения: 21.02.2024).

⁴ См.: Двалишвили Л.З. О правовой природе принципа добросовестности // Мировой судья. 2023. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

же указанной проблемы возможно путем формализации нравственной нормы, в результате чего происходит ее внедрение в правовую сферу¹.

Достаточно спорной, на наш взгляд, представляется точка зрения П.В. Крашенинникова, по мнению которого, несмотря на наличие в категории добросовестности этической составляющей, она обладает «конкретным прагматичным содержанием». Ученый определяет добросовестность как «стремление участника гражданского оборота максимально исключать возможность нарушения его поведением субъективных прав и законных интересов других лиц, осуществлять свои права в строгом соответствии с их объемом и назначением»². Подобное истолкование поднимает вопрос возможности оценки в поведении субъекта наличия «стремления» действовать добросовестно, которое по своей сути схоже с понятием «воля».

Констатируя наличие в содержании категории добросовестности морально-нравственных представлений, необходимо понимать опасность излишнего субъективизма при их истолковании. Указанная проблема возникает при использовании законодателем оценочных понятий³.

Следует согласиться с мнением И.Е. Кабановой, которая рассматривает принцип добросовестности в качестве «некой оценочной категории», которая может толковаться каждым субъектом по-своему, но не теряет при этом своего универсального характера в рамках больших правовых систем⁴. При этом серьезные вопросы вызывает возможность субъективного толкования, которая, безусловно, негативно влияет на уровень правовой определенности.

¹ См.: Савсерис С.В. Категория «недобросовестность» в налоговом праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2006. С. 10-12.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. С. 26.

³ См.: Голубцов В.Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex Russica. 2019. № 8. С. 46.

⁴ См.: Кабанова И.Е. Некоторые аспекты реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в правоотношениях с участием органов публичной власти и их должностных лиц // Гражданское право. 2014. № 5. С. 25.

М.Ф. Лукьяненко, исследуя особенности использования оценочных понятий в гражданском праве России, приходит к выводу, что вопрос об их содержании решается правоприменителем в результате сложной интеллектуальной деятельности, носящей аналитический характер¹. Аналогичной точки зрения придерживается А. Акопян, который видит необходимость применения оценочных понятий в их функциональном предназначении. Невозможность и нецелесообразность законодательного урегулирования всех возможных ситуаций приводит к «программированию конкретных казусов» в правовых нормах, позволяющему осуществлять индивидуальную регламентацию общественных отношений. В качестве инструмента такого «программирования» и выступают оценочные понятия².

К.И. Скловский, характеризуя содержательную сторону добросовестности, предлагает отказаться от идеи закрепления ее исчерпывающего определения. Ни наукой, ни практикой не может быть сформулирована универсальная дефиниция в силу функциональных особенностей данной категории. Добросовестность, по его мнению, может иметь различное значение в зависимости от ее регулятивной роли применительно к конкретным правоотношениям³. Аналогичной точки зрения придерживается С.В. Михайлов, указывающий на необходимость уяснения содержания данной категории в индивидуальном порядке, руководствуясь конкретными обстоятельствами⁴. В.В. Витрянский полагает, что невозможно сформулировать понятие добросовестности и определить его параметры. Вместе с тем сформировать приблизительные подходы к оценочному понятию все же возможно, но «только по результатам анализа многократно

¹ См.: Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. С. 111.

² См.: Акопян Дж.А. Оценочные понятия в отечественном праве // ИС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30056988 (дата обращения: 05.03.2024).

³ См.: Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 79.

⁴ См.: Михайлов С.В. Значение категории добросовестности для обязательственных отношений и последствий недействительности договоров цессии // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

повторяющейся практики, наиболее типичных ситуаций и в типичных условиях»¹. В целом точка зрения о том, что содержание добросовестности раскрывается через правоприменительную деятельность, весьма востребована в науке².

В доктрине можно обнаружить подход, согласно которому содержание оценочных критериев, используемых для описания состава нормы или правовых последствий, должно быть определено «господствующим правосознанием тех, кто связан с юридическим сообществом»³. Не отрицая роли правоприменительных органов в толковании положений нормативно-правовых актов, выражаем уверенность в том, что построение правовой нормы с использованием оценочных понятий должно быть ориентировано на всех адресатов ее действия. Иными словами, каждый человек должен иметь возможность воспринимать смысл обращенных к нему требований сквозь внутреннюю систему оценивания, что способствует реализации превентивной функции правового воздействия. Так, И.А. Покровский полагал, что невозможность разрешения проблемы определения критериев добросовестного поведения в любом случае приведет к судебскому субъективизму, негативно влияющему на уровень правовой определенности⁴.

Несмотря на отсутствие определения понятия добросовестности в Гражданском кодексе РФ, неопределенность в вопросе понимания данного гражданского-правового феномена попытался устранить Верховный Суд РФ. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского

¹ См.: Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7. С. 131 - 132.

² См.: Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве // Правоведение. 1976. № 1. С. 25; Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 166; Черданцев А.Ф. Толкование советского права: теория и практика. М.: Юридическая литература, 1979. С. 93-102.

³ См.: Ларенц К. Методология юриспруденции / К. Ларенц, К.-В. Канарис; пер. с нем. К.В. Нама. М.: М-Логос, 2024. С. 54.

⁴ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. С. 256-258.

кодекса Российской Федерации»¹ содержится разъяснение принципа добросовестности. В пункте 1 Постановления говорится: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации». Таким образом, Верховный Суд РФ в качестве критерия добросовестного поведения определил его сообразность с интересами других лиц. Между тем, возникает вопрос о степени необходимого учета таких интересов, уровне ожидаемого содействия другой стороне. Эти вопросы вновь погружают нас в плоскость соприкосновения правового и морального в поведении людей, обращают к проблеме дозволенного эгоизма в гражданских правоотношениях. Кроме того, при раскрытии содержания добросовестности необходимо учитывать различие ее объективного и субъективного значений².

Конституционный Суд РФ в своих разъяснениях обращает внимание на такие критерии добросовестного поведения, как надлежащая заботливость, разумная осмотрительность, определенность, однозначность и точность³.

Совокупность рассмотренных доктринальных и правоприменительных подходов демонстрирует, что эффективное правовое регулирование возможно лишь в условиях конкретизации содержания требования добросовестного поведения. В рамках настоящего исследования в качестве средства устранения правовой неопределенности, а также преодоления излишнего субъективизма при

¹ См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8

² См.: Бронникова М.Н. Проблемы применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1. С. 62-63.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6311.

использовании рассматриваемой оценочной категории предлагается презумпция недобросовестности.

Здесь считаем необходимым отдельно акцентировать внимание на процессуальном значении исследуемого конструкта. Согласно ст. 195 Гражданского процессуального кодекса РФ решение суда должно быть законным и обоснованным. И, представляется, что именно презумпция недобросовестности способна выступать гарантией вынесения такого решения в тех случаях, когда суд обращается к оценке поведения лица с позиции добросовестности. Данная оценка в любом случае предполагает пространство для судебного усмотрения, однако такое усмотрение не может быть лишено правовых и доказательственных ориентиров, ведь, как справедливо отмечает М.Н. Зарубина, судебное усмотрение ограничено конституционным толкованием закона, самим законом, оценочными понятиями и единообразием судебной практики, а реализуется посредством судебного руководства¹. Следовательно, презумпция недобросовестности не исключает судебное усмотрение, а придает ему более определенную доказательственную форму, поскольку связывает вывод суда не с абстрактной оценкой поведения, а с установленной совокупностью внешне выраженных отрицательных признаков.

Для решения задачи расширения ее использования в гражданском праве, в первую очередь, необходимо определить содержание категории недобросовестности через систему отрицательных признаков, выявление наличия которых в поведении субъекта может восприниматься правопорядком как выход за пределы допустимого поведения. Следовательно, недобросовестность, будучи антонимической проекцией добросовестности, обнаруживается через устойчивые модели отрицания последней. Близкая по внутренней логике постановка вопроса обнаруживается у А.В. Юдина, который характеризуя злоупотребление правом на обращение, выделяет отрицательные

¹ См.: Зарубина М.Н. Принцип судебного руководства как эффективное средство реализации целей и задач правосудия в исковом производстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 359.

условия, через которые становится возможным вывод о недобросовестности поведения¹. Следовательно, юридическое значение имеет не общая негативная оценка действий лица, а отсутствие тех признаков, которые связывают осуществление права с его правомерной целью.

Аналогичный подход прослеживается и в международном праве, где правовое регулирование выстраивается через отрицание недобросовестного поведения, признаваемого «недопустимым и неприемлемым в любых вариациях, известных практике по состоянию на сегодняшний день»². На основе проанализированных точек зрения относительно содержания требования о добросовестном поведении, можно выделить следующие признаки антонимической категории недобросовестности.

Во-первых, если добросовестность предполагает учет прав и законных интересов другой стороны, то недобросовестность проявляется в их игнорировании при наличии разумной возможности такого учета и при очевидной предсказуемости негативных последствий для контрагента.

Во-вторых, добросовестное осуществление права характеризуется соразмерностью целей и используемых средств, тогда как недобросовестность выражается в выборе заведомо несоразмерных способов реализации права, выходящих за рамки его социального и экономического назначения (нарушение принципа экономической солидарности).

В-третьих, недобросовестность выражается в использовании правовой формы не в соответствии с ее назначением, когда внешне правомерное использование служит средством достижения результата, выходящего за пределы целей предоставленного права.

В-четвертых, добросовестное поведение в гражданском обороте предполагает стремление к определенности и предсказуемости, тогда как

¹ См.: Юдин А.В. «Злоупотребление правом на обращение» по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 109.

² См.: Седова Ж.И. Указ. соч. С. 224.

сознательное создание либо сохранение правовой неопределенности представляет собой модель поведения, иррациональную с точки зрения среднего участника гражданского оборота и потому указывающую на недобросовестность, поскольку такая неопределенность зачастую используется в ущерб другой стороне или публичным интересам.

В-пятых, недобросовестность характеризуется устойчивым несоответствием между формально заявленным назначением действий и их реальным результатом, когда формально допустимая модель осуществления права служит способом достижения иного результата, несовместимого с балансом интересов и требованием доверия в гражданском обороте.

Перечисленные признаки не образуют закрытого перечня возможных проявлений недобросовестности, однако позволяют определить ее основное содержательное ядро. Их значение заключается в том, что сомнение в добросовестности лица возникает только при наличии совокупности обстоятельств, обнаруживаемых в конкретном правоотношении. Именно такая совокупность отрицательных признаков позволяет перейти от общего предположения о добросовестности к вопросу о допустимости презюмирования недобросовестности поведения лица.

Под презумпцией недобросовестности в настоящем исследовании предлагается понимать опровержимое правовое предположение, допускаемое при установлении совокупности обстоятельств, которые указывают на вероятное отклонение поведения лица от стандарта добросовестного поведения участника гражданского оборота. В этом смысле презумпцию недобросовестности следует рассматривать в качестве особого реализационного проявления принципа добросовестности.

Завершая данную часть исследования, целесообразно зафиксировать несколько взаимосвязанных выводов, к которым удалось прийти в процессе решения задачи, поставленной в рамках настоящего параграфа.

Презумпция недобросовестности по своей природе не тождественна истине, обладая свойством опровержимости. Ее необходимо рассматривать в

качестве особого юридико-технического приема, применяемого не вместо презумпции добросовестности, а как исключение из общего правила при выявлении совокупности обстоятельств, позволяющих установить отрицательные признаки поведения.

Сущность презумпции недобросовестности заключается в переходе от исходного доверия к участникам гражданского оборота к проверке добросовестности их поведения, бремя доказательства которой переносится на лицо, избравшее такую модель поведения, которая содержит признаки недобросовестного.

Философско-правовой пласт, рассмотренный в параграфе, позволяет уточнить природу презумпции недобросовестности через связь права с нравственными представлениями о допустимом и недопустимом, а также через рассмотрение принципа добросовестности в качестве реализационного показателя действия принципа экономической солидарности. Требование учитывать баланс интересов и устойчивость экономического взаимодействия получает ценностный источник на уровне экономической солидарности, а недобросовестность выступает способом выявления антисолидарных практик, остающихся внешне правомерными, но по существу подрывающих доверие в гражданском обороте. Расхождение между волей и волеизъявлением, с учетом оценочного характера добросовестности, создает необходимость обращения к категории иррационального поведения не как к самостоятельному основанию квалификации, а как к одному из признаков, позволяющих поставить под сомнение формальную правомерность действий лица и выявить их возможную направленность на результат, не согласующийся с назначением предоставленного права. В совокупности указанные положения позволяют рассматривать презумпцию недобросовестности как элемент механизма гражданско-правовой охраны и защиты, ориентированный не только на реакцию на уже состоявшееся нарушение, но и на превентивное пресечение повторяющихся моделей поведения, которые в условиях доказательственной

асимметрии продолжали бы получать правовую защиту лишь вследствие недостаточности доказательственных возможностей другой стороны.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующий вывод, выносимый на защиту.

Под презумпцией недобросовестности понимается установленное законом или сформированное судебной практикой правило, согласно которому при наличии определенных фактов (обстоятельств) поведение участника гражданского оборота рассматривается как недобросовестное, пока он не докажет обратное.

§ 1.2. Недобросовестность в системе смежных гражданско-правовых категорий

В п. 4 ст. 1 ГК РФ закреплено общее правило, согласно которому никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Законодатель поставил союз «или» между указанными понятиями, формально установив несовпадение их содержания.

Иначе подходил к разрешению указанного вопроса советский цивилист В.П. Грибанов. Не оспаривая точку зрения, согласно которой под противоправным следует понимать поведение, нарушающее нормы права, ученый считал более верным расширительное толкование указанного понятия. Противоправным, по мнению Грибанова В.П., является поведенческий акт, который противоречит не только нормам права с конкретным содержанием, но и «правовым принципам данной системы, отрасли или института права»¹.

По мнению Д.В. Азарова, отличие недобросовестного поведения от неправомерного заключается в различных правовых последствиях. Санкцией за

¹ См.: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 52.

неправомерность выступает понуждение и ответственность, а за недобросовестность – отказ в защите права¹.

По мнению К.И. Скловского, недобросовестное поведение в силу невозможности объективного описания не может рассматриваться как нарушение субъективного гражданского права, правонарушение. В качестве еще одного признака, разграничивающего два рассматриваемых явления, ученый выделяет возможный неумышленный характер недобросовестного поведения, в силу чего такое поведение не может быть запрещено. Попытка локального законодательного воспреещения приведет к девальвации частноправовых отношений, исключения из них элемента необходимого риска, что в конечном счете «подрывает экономические потенции общества, тормозит его развитие»². Иной точки зрения по указанному вопросу, но в контексте злоупотребления процессуальными правами придерживается А.В. Юдин, по мнению которого, умышленные недобросовестные действия представляют собой «особую форму гражданского процессуального правонарушения»³.

Противопоставление названных подходов демонстрирует пределы формально-юридического анализа поведения и указывает на необходимость обращения к внутренней направленности действий субъекта, поскольку именно она позволяет объяснить, почему внешне допустимое поведение приобретает качество юридически недопустимого.

Соглашаясь с позицией Е.В. Вавилина, который указывает на необходимость использования в законе универсальных этических законов, имеющих скорее общелитературное, нежели специально-терминологическое значение⁴, отметим, что недобросовестное поведение – это поведение,

¹ См.: Азаров Д.В. О некоторых вопросах правоприменения по делам о банкротстве граждан // Экономика. Социология. Право, 2023, №1(29). С. 83.

² См.: Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 102.

³ См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.

⁴ См.: Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 328-329.

нарушающее не отраслевой принцип, а принцип отечественной правовой системы. Сказанное позволяет говорить о недобросовестности как частном проявлении поведения неправомерного.

Более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой признание злоупотребления правом правонарушением возможно и при отсутствии прямого запрета в конкретной норме¹. Так, В.С. Ем исходит из того, что в качестве критерия правомерности или неправомерности поведения в подобных ситуациях могут выступать общие начала и смысл гражданского законодательства. Указанный вывод автор обосновывает ссылкой на п. 2 ст. 6 ГК РФ, предписывающий определять права и обязанности сторон исходя из общих начал гражданского законодательства при невозможности применения аналогии закона. Анализируя данное положение, В.С. Ем приходит к выводу, что законодатель тем самым допускает использование принципов гражданского права в качестве самостоятельного критерия юридической оценки поведения, позволяющего квалифицировать его как правомерное либо неправомерное².

Отдельного внимания заслуживает существующее в науке мнение, предлагающее рассматривать недобросовестность в качестве «неправомерности особого рода», заключающейся в нарушении не конкретной нормы права, а «оценочного стандарта доброй совести, кристаллизованного судом при разрешении спора»³. Анализируя недобросовестность как поведение, противоречащее императивному стандарту добросовестности, А.Г. Карапетов приходит к выводу о невозможности квалификации такого поведенческого акта в качестве правомерного, законного.

Полагаем, что для дальнейшего анализа категории недобросовестности необходимо исследовать используемый понятийный аппарат. Так, следует

¹ См.: Яценко Т.С. Правовая категория злоупотребления правом в теории цивилистики // Философия права. 2008. С. 46.

² См.: Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 391.

³ См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2020. С. 224.

отдельное внимание уделить понятию «неправомерное поведение», выступающему общим по отношению к «незаконному».

Н.Ю. Фролова предлагает считать неправомерным такое поведение, которое, во-первых, негативно оценивается государством и обществом, а во-вторых, не соответствует правовым установлениям¹. Данное определение заслуживает внимания применительно к рассматриваемой проблематике, потому как выделяет общественно-государственную оценку в качестве одного из критериев, что в целом соответствует коннотации, используемой применительно к нравственно-этическим категориям.

Д.Е. Захаров полагает, что именно противоправность выступает в качестве демаркационной линии, разделяющей допустимое от недозволительного. Антисоциальная направленность, отклонение от определенных в законе или договоре правил поведения свидетельствуют о наличии в поведении лица признаков противоправности².

В.Ф. Попондопуло акцентирует внимание на том, что принципы гражданского права, в частности принцип добросовестности, следует рассматривать в качестве критериев оценки противоправного поведения³. Исходя из этого, применительно к вопросу соотношения недобросовестного и неправомерного поведения можно сделать последовательный вывод о том, что недобросовестное поведение, то есть поведение, нарушающее принцип добросовестности, является также неправомерным.

И.И. Гаранин, соглашаясь с позицией В.Ф. Попондопуло, предлагает считать неправомерным поведение, вызванное реализацией субъективного

¹ См.: Фролова Н.Ю. Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Казань, 2010. С. 21.

² См.: Захаров Д.Е. Противоправность как условие ответственности за нарушение договора // Вестник экономики, права и социологии, 2019. № 2. С. 55.

³ См.: Попондопуло В.Ф. Ответственность за нарушение обязательств: общая характеристика и проблемы // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 92.

права, но «за пределами права как меры»¹. Критерием разграничения неправомерного и противоправного поведения, по его мнению, являются последствия: противоправное поведение следует рассматривать в качестве разновидности неправомерного, последствием которого является невозможность осуществления субъективного права или его утрата.

По мнению Кротовой Е.Н., недобросовестность есть разновидность неправомерного поведения. В основу данного вывода положен тезис о том, что оценка поведения субъекта с точки зрения правомерности немыслима без обращения к категориям морали, нравственности и добросовестности, составляющим морально-ценностную сферу². Данная точка зрения представляется интересной ввиду того, что в ней прослеживается попытка разрешить вопрос о соотношении нравственных и правовых норм в пользу их неразрывности.

А.В. Коновалов предлагает рассматривать характер нарушения чужого права как фактор, непосредственно влияющий на возможность квалификации поведения в качестве правомерного или неправомерного³. Авторская позиция сводится к тому, что поведенческий акт, не нарушающий четкого законодательного запрета, то есть не являющийся по своей сути противоправным, необходимо рассматривать в некой промежуточной плоскости. Если поведение лица, в результате которого произошло нарушение права, будет признано недобросовестным, то соответствующее деяние следует считать противоправным. Вводимая А.В. Коноваловым промежуточная плоскость поведения методологически важна тем, что указывает на существование зоны, в которой формальное соблюдение права сочетается с искаженной волевой направленностью. Именно в этой зоне классические критерии незаконности

¹ См.: Гаранин И.И. Неправомерные и противоправные действия в системе гражданских правонарушений // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 91.

² См.: Кротова Е.Н. Неправомерные деяния в системе юридических фактов: дисс... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2022. С. 41.

³ См.: Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 7.

оказываются неприменимыми, а недобросовестность приобретает значение инструмента выявления скрытого злоупотребления.

Резюмируя вышерассмотренные мнения по вопросу определения соотношения понятий «недобросовестный» и «незаконный», можно выделить следующие сложившиеся подходы:

- 1) недобросовестное поведение не является неправомерным, противоправным, так как не содержит строго определенных критериев, не всегда является умышленным, а значит подлежит ограничению только в строго оговоренных законом пределах, нарушение которых позволяет квалифицировать деяние лица уже в качестве незаконного;
- 2) недобросовестность как характеристику поведения, нарушающего принципы права, идущего вразрез с «духом закона», следует рассматривать в качестве частного случая неправомерного, незаконного поведения, не являющегося при этом противоправным;
- 3) недобросовестность – разновидность неправомерного поведения, отличающаяся наличием предшествующей правоприменительной оценки как необходимой предпосылки;
- 4) установленная в поведении лица недобросовестность является необходимым условием для квалификации противоправного поведения лица в качестве неправомерного.

В вопросе соотношения понятий «недобросовестный» и «незаконный» придерживаемся мнения, что указанные понятия не являются тождественными, но и не противоречат друг другу. Недобросовестное поведение есть разновидность неправомерного поведения, признаваемое таковым в силу установленного нарушения принципа добросовестности. Верно и то, что для констатации в действиях субъекта признаков недобросовестности необходимым условием является ценностно-оценочная деятельность судебных органов.

В рамках рассмотрения указанной проблемы в теоретической плоскости отметим, что, по нашему мнению, понятие «неправомерный» выступает в качестве общего по отношению к «незаконный», если рассматривать второе в

качестве характеристики поведения, нарушающего конкретное законодательное предписание. Продолжая размышления в данном ключе, можно отчасти согласиться с авторами, считающими, что не любое недобросовестное поведение является неправомерным. Однако данный вывод верен только в том случае, если мы используем категорию добросовестности в качестве морально-этической, вынося за скобки ее правовое значение. Для правоприменительных целей следует разделять социальное и юридическое понимание недобросовестного поведения. Представляется, что второй вариант позволяет квалифицировать такое поведение в качестве незаконного.

Обращаем внимание, что вводимая А.В. Коноваловым «промежуточная плоскость» правового поведения, не нарушающего формального запрета, но объективно затрагивающего интересы другого лица, по своей сути весьма близка к той модели, которая в настоящем исследовании обозначена как иррациональное поведение. В обоих случаях речь идет о внешне корректном исполнении прав и обязанностей, скрывающем внутреннюю установку на достижение результата, противоречащего цели предоставленного права. В этой связи точка зрения А.В. Коновалова позволяет дополнительно обосновать необходимость квалификации подобного поведения в зависимости от установления его недобросовестного характера, поскольку именно обнаружение скрытой волевой направленности выводит рассматриваемый поведенческий акт из указанной промежуточной зоны и позволяет отнести его к категории неправомерных.

Нельзя не обратить внимание на указание К.И. Скловским на возможный неумышленный характер недобросовестного поведения. Согласно п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке»¹ признание права собственности на самовольную

¹ См.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

постройку в судебном порядке является исключительным способом защиты права, который может применяться в отсутствие со стороны истца очевидных признаков явного и намеренного недобросовестного поведения.

Таким образом, развивая мысль от обратного, приведенное положение допускает, что недобросовестное поведение может обладать признаком непреднамеренности. На наш взгляд, допущение возможности непреднамеренной недобросовестности усиливает значение презумптивных конструкций, поскольку переносит акцент с доказывания субъективного намерения на оценку отклонения поведения от ожидаемого стандарта и снижает доказательственный порог для правоприменителя. В условиях, когда волевая направленность поведения не поддается прямому доказыванию, презумпция недобросовестности начинает выполнять функцию перераспределения доказательственного риска между сторонами спора.

Вместе с тем подобный подход разделяется не всеми авторами. В литературе можно обнаружить точку зрения, отрицающую возможность недобросовестного поведения, лишённого умысла. Логика указанной точки зрения строится на рассуждении о содержании понятия вины в гражданском праве. Так, в основу поведенческой концепции, позволяющей определить наличие или отсутствие вины, положена степень заботливости и осмотрительности лица, а не его психическое отношение к своему поведению.

Таким образом, поведение следует квалифицировать в качестве недобросовестного при его отклонении от сложившегося стандарта поведения добросовестного, а указанное отклонение и есть фактор, наличие которого позволяет говорить о виновности¹.

Схожего взгляда относительно правовой квалификации поведения в качестве недобросовестного придерживается И.И. Пустомолотов, который, рассуждая на тему соотношения категорий «вины» и «недобросовестности»,

¹ См.: Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под редакцией Е.И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М.: Статут, 2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приходит к выводу об их тождественной природе. Авторская точка зрения ориентирована на понимание обоих понятий в качестве характеристики субъективной стороны поведения лица, играющей важную роль в механизме восстановления нарушенных прав и интересов¹.

В.И. Емельянов в рамках глубокого теоретического анализа категорий «недобросовестности» и «виновности» пришел к выводу о том, что они обе характеризуют поведенческий акт с точки зрения психического отношения лица к совершаемому деянию (действию или бездействию), а именно «знание вероятности причинения вреда своими действиями другому лицу» либо потенциальная возможность обладания таким знанием². Указанное умозаключение ставит перед нами вопрос о целесообразности закрепления в законе двух понятий, обладающих единым содержанием. По мнению В.И. Емельянова, обладая семантическим единством в гражданском праве, виновность и недобросовестность следует отличать между собой по признаку наступления гражданско-правовой ответственности только за недобросовестное поведение, включающее признак вины³.

Попытка автора дифференцировать рассматриваемые гражданско-правовые категории заслуживает внимания, но не снимает обозначенной ранее проблемы. Если понятия недобросовестности и виновности тождественны по содержанию, то о каких «иных случаях недобросовестности», не преследуемых наступлением гражданско-правовой ответственности, следует вести речь и в чем их отличие от случаев недобросовестности, включающих в себя виновность? Обнаруживаемое противоречие показывает, что сведение недобросовестности к конструкции гражданско-правовой вины не позволяет охватить все возможные ситуации и оставляет за пределами объяснения случаи, в которых

¹ См: Пустомолотов И.И. Категория «Недобросовестность» в гражданском законодательстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 3. С. 120-125.

² См: Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002. С. 106.

³ Там же.

недобросовестность выявляется в результате оценочной деятельности суда при отсутствии доказанного умысла.

М.Л. Гальперин, исследуя вопрос наложения судебного штрафа, пишет следующее: «...это должен сделать сам должник, который в процессе наложения на него судебного штрафа находится под действием презумпции виновности (недобросовестности), пока не докажет иное»¹. Соответственно, авторская точка зрения отражает подход полного отождествления рассматриваемых категорий.

Возможность невиновной недобросовестности применительно к отношениям, возникающим при проведении переговоров, отрицается также А.С. Райниковым², аргументация которого аналогична аргументации В.И. Емельянова.

Чрезвычайный интерес в контексте рассматриваемого вопроса представляет точка зрения и ее обоснование, предложенные Ю.Э. Монастырским. Рассматривая положения ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах»³ и ст. 53.1 ГК РФ в их системном единстве, автор формулирует следующий тезис: «...руководители несут виновную ответственность за убытки компаний и безвиновную ответственность в иной форме, чем уплата убытков, в том случае, если они действовали недобросовестно либо неразумно»⁴. Указанный вывод логически вытекает из использованных законодателем формулировок: ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» предписывает, что ответственность управляющих органов юридического лица

¹ См.: Гальперин М.Л. «Кобра» грозит судебными штрафами. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12 ноября 2021 года № 304-ЭС21-20371 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Райников А.С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция // Вестник гражданского права. 2023. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 25 сентября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 1; 2025. № 31. Ст. 4666.

⁴ См.: Монастырский Ю.Э. Современное значение понятия «степень вины» при привлечении к ответственности директоров в корпоративном праве России // Хозяйство и право. 2022. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

наступает за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием), а в ст. 53.1 ГК РФ указано, что лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно. Соответственно, формально-юридический подход к рассматриваемой проблеме позволяет установить законодательно закрепленное смысловое несовпадение категорий виновности и недобросовестности, что, безусловно, не позволяет говорить о ее разрешении на уровне доктрины.

В рассматриваемом контексте следует специально подчеркнуть позицию К.И. Скловского. По его справедливому замечанию, анализ содержания ст. 61.2 и 61.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» позволяет говорить о нормативном закреплении презумпции недобросовестности контрагента должника по иску об оспаривании сделки, поскольку предполагается, что такое лицо могло сознавать совершение действий в ущерб правам и законным интересам кредиторов до тех пор, пока указанная возможность не будет им опровергнута. При признании же сделки недействительной не требуется доказывать, что ответчик в действительности точно понимал характер причиняемого вреда и действовал умышленно, целенаправленно, с намерением причинить ущерб кредиторам. В обозначенной конструкции недобросовестность фактически предстает в виде отсутствия должной осмотрительности и заботливости по отношению к правам и интересам иных участников оборота¹.

Представляется, что совокупность рассмотренных подходов убеждает в необоснованности сведения недобросовестности к классическому пониманию гражданско-правовой вины. Вина в ее традиционном для гражданского права

¹ См: Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

виде характеризует прежде всего психическое отношение лица к причинению вреда, тогда как недобросовестность выступает более широким нормативно-оценочным элементом, ориентированным на выявление отклонения поведения от стандарта участника оборота, действующего с учетом прав и законных интересов другого лица и в логике конституционно закрепленного начала экономической солидарности. В этом смысле виновная недобросовестность образует лишь часть более объемного множества недобросовестных моделей поведения, в которое могут входить и ситуации, не укладывающиеся в традиционные рамки вины, но, тем не менее нарушающие требуемый правопорядком уровень заботливости и осмотрительности и подрывающие доверие в гражданском обороте.

Системное сопоставление положений ст. 71 Закона об акционерных обществах и ст. 53.1 ГК РФ демонстрирует, что законодатель уже фактически развел категории виновности и недобросовестности, сохраняя первую в качестве классического основания ответственности за убытки и одновременно закрепляя особую, по сути, безвиновную ответственность управляющих за недобросовестное или неразумное поведение, не сводимую к психическому отношению к результату.

Таким образом, формально-юридическое несовпадение терминологии в указанных нормах подтверждает, что недобросовестность приобретает собственное регулятивное значение, выходя за пределы вспомогательной характеристики вины.

Считаем необходимым отметить, что недобросовестность в системе гражданско-правового регулирования не сводится к гражданско-правовой вине и не может рассматриваться исключительно как ее разновидность. Ее выявление связано, прежде всего, с установлением отклонения поведения субъекта от усредненного нормативного стандарта добросовестного участника оборота, тогда как вина отражает лишь психическое отношение лица к причинению вреда и не охватывает всего спектра юридически значимых форм недобросовестного поведения.

Проведенное разграничение позволяет объяснить явление невиновной недобросовестности и сохранить за ней правовое значение, а также обосновать использование презумпции недобросовестности в качестве самостоятельного юридического инструмента в механизме защиты гражданских прав, применимого как для возложения неблагоприятных правовых последствий, так и для отказа в защите права либо корректировки объема предоставленных частноправовых возможностей.

В п. 1 ст. 10 ГК РФ установлен запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Буквальное толкование данной нормы позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, законодатель понимает под злоупотреблением правом недобросовестное осуществление гражданских прав.

Во-вторых, понятие злоупотребление правом закреплено в качестве описательно-обобщающего по отношению к шикане и действию в обход закона с противоправной целью.

Верховный Суд РФ в определении от 04.12.2015 № 303-ЭС15-15181 по делу № А51-25601/2014¹ указал на то, что злоупотребление правом заключается в превышении пределов дозволенного гражданским правом осуществления своих правомочий путем осуществления их с незаконной целью или незаконными средствами, нарушая при этом права и законные интересы других лиц. В рамках исследования мы не ставим себе задачу рассмотреть злоупотребление правом как явление во всех многообразных формах своего проявления, выявить сходство и различия между ними, тем более что данная проблема уже достаточно подробно освещалась в многочисленных научных трудах, к которым мы будем обращаться. Считаем, что необходимо остановиться

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 04 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-15181 по делу № А51-25601/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

непосредственно на соотношении между понятиями «недобросовестность» и «злоупотребление правом», выявить возможные подходы к определению корреляции между ними с учетом того, что именно через установление недобросовестности в ряде случаев осуществляется перераспределение бремени доказывания и ограничение объема судебной защиты.

При анализе соотношения указанных категорий необходимо учитывать риск их чрезмерного сближения. По справедливому замечанию А.В. Юдина, расширительное толкование понятий «добросовестность» и «злоупотребление правом» способно привести к утрате четких границ между ними¹.

Опасность использования понятий, обозначающих одно и то же явление, подчеркивает В.И. Емельянов, называя среди последствий подобного терминологического подхода «путаницу в понимании и применении закона». Обращая внимание на отсутствие легальных дефиниций понятий «недобросовестность», «злоупотребление правом», автор приходит к убеждению, что их совместное использование негативно влияет на устойчивость правовой системы². Для правоприменения указанная неопределенность приобретает особое значение в ситуациях, когда формально правомерное поведение используется для достижения результата, противоречащего назначению права.

М.М. Агарков полагал, что под злоупотреблением правом следует понимать осуществление права, выходящее за допустимые границы. Указанные границы могут быть четко очерчены в законе, что в таком случае в принципе позволяет отказаться от использования рассматриваемой категории, так как подобное поведение является незаконным. В случаях же, когда формально поведение укладывается в законодательно установленные границы, но выходит за границы, установленные судом при рассмотрении дела, имеет место

¹ См.: Юдин А.В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2014. № 1(15). С. 39.

² См: Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002. С. 110.

злоупотребление правом. М.М. Агарков придерживался точки зрения, согласно которой решение проблемы злоупотребления правом зависит от допустимости судейского усмотрения при определении пределов осуществления субъективных прав¹.

На вопрос о возможности применения принципа добросовестности как критерия определения границ, нарушение которых признавалось бы злоупотреблением правом, ученый дает отрицательный ответ. Так, недобросовестное поведение, по его мнению, является нечестным, связанным с прямым или косвенным обманом, использованием чужого заблуждения или непонимания. Указанные критерии могут лежать в основе установления истинного смысла волеизъявлений участников гражданского оборота, правильного истолкования договора, но не при ответе на вопрос о границах осуществления субъективных прав. Их же определение позволяет квалифицировать действия лица в качестве злоупотребления правом². Иными словами, недобросовестное поведение и злоупотребление правом не являются тождественными категориями, в основе их отграничения лежит различная оценка поведения, предполагающая использование самостоятельных критериев, в числе которых ключевое значение приобретает анализ действительной направленности поведения лица.

В.П. Грибанов полагал, что злоупотребление правом необходимо определять как «особый тип правонарушения, связанного с выходом управомоченного лица при осуществлении своего права за установленные законом пределы его осуществления, со своими объективными и субъективными юридическими признаками»³. Обращает на себя внимание противоречие в вопросе рассмотрения злоупотребления правом как частного проявления поведения недобросовестного. Так, советский ученый критикует укоренившийся

¹ См.: Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 429.

² См.: Там же. С. 432.

³ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2020. С. 213.

во многих европейских правовых системах «моральный» принцип добросовестности, который, по его мнению, создает возможность создания неопределенных правил, расширяющих возможности судейского усмотрения. Рассмотрение злоупотребления права с позиции поведения, нарушающего «принципы буржуазной морали», приводит к формированию пренебрежительного отношения к закону и необходимо для обслуживания интересов монополистического капитала¹.

Между тем, полагаем, что в идеях В.П. Грибанова, наложенных на современную систему политико-правовых координат, можно обнаружить вывод о злоупотреблении правом как частном проявлении недобросовестного поведения, что позволяет рассматривать злоупотребление правом не как самостоятельное явление, а как одну из форм реализации недобросовестного поведения в сфере осуществления субъективных прав. Так, профессор, анализируя положения ст. 92 ГК РСФСР отмечает, что, несмотря на наличие в термине «добросовестность» моральных установок, следует признать, что злоупотребление процессуальными правами подпадает под понятие их недобросовестного использования².

Не пытаясь подвергнуть критике умозаключения выдающегося советского цивилиста, считаем важным акцентировать внимание еще на одном выводе, свидетельствующем, на наш взгляд, о понимании им злоупотребления правом как поведения, в том числе идущего вразрез с принципом добросовестности. Согласно ст. 5 ГК РСФСР 1964 г. «гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма.

¹ Там же. С. 36-37.

² См.: Грибанов В.П. Указ. соч. С. 211.

При осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм»¹.

Анализируя данную норму, В.П. Грибанов приходит к убеждению, что в ней содержится «один из видов злоупотребления правом, гражданское правонарушение, которое по объективной стороне его состава характеризуется осуществлением гражданских прав в противоречии с их назначением в социалистическом обществе»².

Возникает закономерный вопрос, а не содержит ли указанная норма пресловутый принцип добросовестности, сформулированный как «правила социалистического общежития»? Ранее неоднократно подчеркивалось, что добросовестность есть понятие, смысловое содержание которого зависит от существующих в обществе общепризнанных морально-нравственных установок. Тождественность принципов, содержащихся в ст. 5 ГК РСФСР 1964 г. и в п. 3 ст. 1 ГК РФ, подчеркивается В.Ф. Антоновым, который указывает на вторичность правовых норм по отношению к нормам морали. Ученый придерживается мнения о «смысловой идентичности ограничений, вытекающих из добрых нравов и правил социалистического общежития, применявшихся в советский период»³.

Полагаем, что предшествующий анализ принципа добросовестности как нравственно-правовой категории позволяет согласиться с данной точкой зрения. В связи с этим приходим к убеждению, что мнение В.П. Грибанова, согласно которому нарушение «правил социалистического общежития» есть разновидность злоупотребления правом, гражданское правонарушение, равным образом распространяется и на нарушение принципа добросовестности. Критичность взглядов автора в отношении моральных императивов,

¹ См.: Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; Свод законов РСФСР. Т. 2. С. 7.

² См.: Грибанов В.П. Указ. соч. С. 81.

³ См.: Антонов В.Ф. Правила социалистического общежития в советских нормативных актах // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 78.

признаваемых капиталистическими государствами, может быть объяснена социально-политическими реалиями того времени, осознав и признав которые, можно обнаружить зерно истины.

В целом это в очередной раз свидетельствует об опасности толкования добросовестности с помощью критерия политической целесообразности, проявляющейся уже не только на законодательном уровне, но и на доктринальном¹.

На современном этапе развития цивилистической науки все большее развитие получает подход, согласно которому анализируемые понятия рассматриваются как тождественные. Так, Е.В. Вавилин, отвечая на вопрос о целесообразности разделения понятий «недобросовестность» и «злоупотребление правом», приходит к убеждению, что первое обладает более широким смыслом и выступает общим по отношению к остальным². Ученый предлагает отказаться от излишней теоретизации в указанном вопросе, так как, по его мнению, категория добросовестности имеет в большей степени общелитературное содержание, обладая при этом важным юридическим значением.

В.Г. Голубцов также проводит разграничение между понятиями недобросовестного и злоупотребительного поведения, отмечая, что лишь одна форма злоупотребления правом (заведомо недобросовестное поведение лица) может быть соотнесена с добросовестностью³. На наш взгляд, злоупотребление правом необходимо рассматривать в качестве частного случая проявления недобросовестного поведения.

Схожую позицию по указанному вопросу занимает А.В. Волков, который под злоупотреблением правом понимает «действие без законного интереса, с

¹ См. Нам К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 101.

² См.: Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 327.

³ См.: Голубцов В.Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 148.

целью, противной смыслу гражданского права, и прежде всего — принципу добросовестного осуществления прав»¹. Что касается недобросовестного поведения, то его суть, по мнению ученого, заключается в создании видимости законности, предполагающей реализацию злого умысла, облеченную в форму осуществления субъективных прав².

В судебной практике можно обнаружить схожее понимание сущности злоупотребления правом: ФАС Московского округа в постановлении от 20.12.2011 по делу № А40-52212/11-34-455 категорично отметил, что «любое злоупотребление правом проходит на фоне внешне и формально правомерных действий»³. Указанный подход получил достаточно широкое распространение в деятельности судов⁴, подтверждая, что злоупотребление правом в правоприменительной практике воспринимается как форма недобросовестного поведения, выявляемого при формальной корректности внешних действий⁵.

¹ См.: Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (Анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом) / А.В. Волков. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 87.

² Там же. С. 133.

³ См.: Постановление ФАС Московского округа от 20 декабря 2011 г. по делу № А40-52212/11-34-455. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Решение Евпаторийского городского суда Республики Крым от 10 апреля 2023 г. по делу № 2-477/2023; Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 13 сентября 2021 г. по делу № А63-14720/2020; Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 11 января 2021 г. по делу № А65-1094/2020; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 22 августа 2012 г. № Ф05-8702/12 по делу № А40-124729/2011; Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 августа 2004 г. № КА-А40/6740-04; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2015 г. № 17АП-11779/15; Решение Арбитражного суда г.Москвы от 2 декабря 2020 г. по делу № А40-88352/2020; Апелляционное определение СК по гражданским делам Ульяновского областного суда от 19 ноября 2019 г. по делу № 33-4653/2019; Определение Арбитражного суда Московской области от 8 февраля 2017 г. по делу № А41-90911/2016; Решение Арбитражного суда г.Москвы от 14 апреля 2015 г. по делу № А40-172810/2014; Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 18 февраля 2016 г. по делу № 2-293/16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Юдин А.В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2014. № 1 (15). С. 42–43; Т.С. Яценко. Указ. соч. С. 122.

Именно поэтому внешняя правомерность поведения сама по себе не снимает вопроса о его действительной направленности¹.

Мнения по вопросу соотношения недобросовестного поведения и злоупотребления правом весьма неоднородны. К примеру, О.В. Гутников, исходя из закрепления добросовестности в качестве общего принципа, считает, что любое недобросовестное поведение необходимо признавать злоупотреблением гражданским правом². Ю.Б. Фогельсон также показывает, что недобросовестность охватывает более широкий круг поведения, а злоупотребление правом выступает ее крайней формой³.

Иной точки зрения придерживается Е.Ю. Усольцев, который, сравнивая понятия «злоупотребление правом» и «недобросовестность», обращает внимание на более общий характер второго. Так, недобросовестность, по мнению автора, может проявляться в качестве злоупотребления правом, а также как гражданско-правовой деликт или вообще быть характеристикой неправомерного поведения субъекта. В целом Е.Ю. Усольцев предлагает рассматривать злоупотребление правом как форму недобросовестного поведения⁴. С данной точкой зрения мы склонны согласиться, поскольку она позволяет рассматривать злоупотребление правом как одну из форм проявления недобросовестности, не сводя последнюю к рамкам осуществления субъективного права.

¹ См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 6. Автор связывает социальную опасность злоупотребления процессуальными правами с тем, что внешне подобные действия протекают «в рамках правового поля», но фактически причиняют вред правосудию и другим участникам процесса, прикрываясь средствами защиты, рассчитанными на добросовестное осуществление прав.

² См: Гутников О.В. Защита гражданских прав в концепции развития гражданского законодательства // Проблемы совершенствования гражданского законодательства: Материалы IV Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся (Москва, 28 октября 2009 г.) / Отв. ред. В.М. Жуйков. М., 2010. С. 45-46.

³ См: Фогельсон Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 9. С. 106–108.

⁴ См.: Усольцев Е.Ю. Проблема определения и соотношения понятий «недобросовестность», «злоупотребление правом» и «шикана» // Современный юрист, 2022. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ работ, посвященных злоупотреблению правом, показывает, что точкой приложения исследовательского интереса выступает содержательная сторона указанного явления.

Вместе с тем несмотря на то, что во многих научных трудах отдельное внимание уделяется недобросовестности как признаку субъективной стороны поведения лица, либо как понятию, выступающему общим по отношению к рассматриваемому, вопрос разграничения недобросовестности и злоупотребления правом не освещается должным образом. Так, отдельного внимания заслуживает проблема определения юридического состава недобросовестного поведения, не совпадающего с составом злоупотребления правом. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку именно различие юридических составов позволяет по-разному выстраивать презумпции и распределять доказательственный риск.

В качестве пределов осуществления субъективного права, выход за которые означает злоупотребление, выделяют следующие: нормы морали; категории «разумность» и «добросовестность»; назначение осуществляемого права; интересы управомоченного лица и других лиц¹. Полагаем, что все перечисленные пределы взаимосвязаны между собой, нарушение одного из которых приводит к нарушению остальных. Так, например, недобросовестное поведение предполагает, на наш взгляд, нарушение норм морали, законных интересов других лиц, несоответствие назначению прав. Если указанная точка зрения верна, то напрашивается последовательный вывод о том, что злоупотребление правом – это всегда поведение недобросовестное, без каких-либо изъятий.

Между тем, установление злоупотребления правом всегда связано с характеристикой волевого момента в поведении лица. Этот вывод соответствует не только доктринальным положениям, но и нашел подтверждение на практике.

¹ См.: Кирюшкин Р.А. Злоупотребление правом: монография / Р.А. Кирюшкин. М.: КНОРУС, 2021. С. 80; Иоффе О.С., Грибанов В.П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 78-81.

В судебных решениях все чаще встречается позиция, согласно которой выявление действительной воли лица, злоупотребившего правом, установление его намерений при реализации принадлежащего гражданского права являются необходимыми этапами в процессе установления злоупотребления правом в действиях граждан и юридических лиц¹. При этом реконструкция воли нередко осуществляется в условиях ограниченных доказательственных возможностей, что объективно повышает значение презумпции недобросовестности в механизме защиты гражданских прав.

В науке можно встретить точку зрения, согласно которой принцип недопустимости злоупотребления правом необходимо рассматривать в качестве общеправового, который включает в себя безнравственное, неразумное и недобросовестное поведение². Данный подход также позволяет говорить о взаимосвязи двух категорий, но здесь акцентируется внимание на том, что не любое злоупотребление правом представляет собой поведение недобросовестное.

Постараемся рассмотреть варианты такого злоупотребления правом, которое при этом не будет являться недобросовестным.

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 8 ноября 2019 г. № Ф01-5331/19 по делу № А38-887/2018; Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 12 марта 2020 г. по делу № 33-3354/2020; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 октября 2019 г. № Ф06-51747/19 по делу № А65-11502/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 сентября 2019 г. № Ф05-18216/17 по делу № А40-111/2017; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 декабря 2018 г. № Ф07-13867/18 по делу № А56-112500/2017; Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 14 февраля 2020 г. по делу № 33-1150/2020; Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 21 января 2020 г. по делу № 33-372/2020; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 10 декабря 2019 г. по делу № 33-14546/2019; Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 20 февраля 2019 г. по делу № 33-3856/2019; Апелляционное определение СК по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 26 июня 2018 г. по делу № 33-20129/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А.А.Малиновский. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 207.

Несмотря на многообразие возможных подходов к определению злоупотребления правом, наиболее устоявшимся и обоснованным представляется вариант понимания сего правового феномена как поведения, предполагающего «выход за пределы осуществления субъективного права». Осуществление субъективного права означает реализацию составляющих его содержание возможностей и должно приводить к достижению целей, ради которых соответствующая норма была установлена¹. К такой формулировке указанного понятия склоняется и законодатель, если исходить из содержания п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Вместе с тем осуществлением права не ограничивается все многообразие юридически значимых типов поведения, имеющих место в гражданском обороте. Так, в п. 1.1 Раздела II Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации указано, что «принцип добросовестности должен распространяться на действия (поведение) участников оборота при: а) установлении прав и обязанностей (ведение переговоров о заключении договоров и т.д.); б) приобретении прав и обязанностей; в) осуществлении прав и исполнении обязанностей; г) защите прав. Принципу добросовестности должна подчиняться и оценка содержания прав и обязанностей сторон». Как видим из приведенного отрывка, осуществление права следует рассматривать в качестве одного из возможных вариантов поведения, на которые распространяет свое действие принцип добросовестности. К примеру, п. 2 ст. 434.1 ГК РФ содержит описание недобросовестных действий при проведении переговоров. Так, А.Г. Карапетов в качестве примера недобросовестности, не связанной с осуществлением субъективного права, приводит нарушения, вытекающие из доброй совести дополнительных договорных обязанностей².

¹ См.: Цыбуленко З.И. Проблемы осуществления субъективных гражданских прав в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 39.

² См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко,

Можно ли рассматривать принцип разумности в отрыве от добросовестности, то есть в качестве самостоятельного предела, выход за который позволял бы квалифицировать то или иное деяние в качестве злоупотребления правом?

Полагаем, что весьма точно определил соотношение разумности и добросовестности А.Г. Карапетов, который указывает на то, что «идея добросовестности может определяться как соответствие того или иного выводимого из принципа доброй совести правила поведения требованиям разумности и справедливости»¹. Проблема, по мнению ученого, заключается в сходности используемых законодателем оценочных категорий до степени смешения. На обязательность установления недобросовестности в поведении лица при установлении признаков злоупотребления правом указывает и имеющаяся судебная практика².

П.М. Филиппов и А.Ю. Белоножкин полагают, что злоупотребление правом характеризуется поведением, являющимся одновременно недобросовестным и неразумным³. А.А. Малиновский также видит неразумность в качестве одного из признаков злоупотребления правом⁴. Ю.А. Тарасенко считает, что нарушение принципа разумности должно свидетельствовать об «употреблении права во зло»⁵.

Исследуя правовую природу принципа разумности, Ю.В. Виниченко склонна рассматривать нарушение данного принципа в качестве разновидности

О.А. Беляева [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2017. С. 1006. С. 878.

¹ Там же. С. 884.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1229-О; Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 12 августа 2014 г. № 67-КГ14-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Филиппов П.М., Белоножкин А.Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребления им. Волгоград, 2009. С. 192.

⁴ См.: Малиновский А.А. Указ. соч. С. 68.

⁵ См.: Тарасенко Ю.А. Злоупотребление правом: теория проблемы с точки зрения применения ст. 10 ГК РФ в арбитражном процессе // Право: история, теория, практика: Сб. ст. и материалов. Брянск, 2003. Вып. 7. С. 140.

злоупотребления правом. Разумность, по ее мнению, следует определять как отсутствие злоупотребления правом¹.

Анализ существующих в науке мнений по данному вопросу показывает, что большинство исследователей тяготеет к идее выделения разумности в качестве предела осуществления права, нарушение которого позволяет говорить о наличии в деянии (действии или бездействии) лица злоупотребления правом. Полагаем, что распространение данного подхода во многом обусловлено предыдущей редакцией ст. 10 ГК РФ, в п. 3 которой говорилось, что «В случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются». Помещение требования действовать разумно в статью, посвященную пределам осуществления прав, многие воспринимали как легальное закрепление специального основания для квалификации злоупотребления правом², что, с нашей точки зрения, способствовало смешению критериев разумности и недобросовестности при оценке поведения и осложняло выстраивание единообразного подхода к их доказыванию.

Подобный формально-юридический подход, на наш взгляд, не является верным. Для определения роли используемой правовой конструкции необходимо прежде всего всесторонне проанализировать ее содержание. Здесь наибольший интерес вызывает то, что авторы, склонные рассматривать нарушение принципа разумности в качестве злоупотребления правом, формулируют весьма четкие и обоснованные критерии и признаки содержательной стороны рассматриваемого явления, которые не дают

¹ См.: Виниченко Ю. В. Категория разумности в гражданском праве России / Ю. В. Виниченко. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. С. 94.

² См.: Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О.А. Поротикова. М. Волтере Клувер, 2007. С. 80-81; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / рук. авт. колл. и отв. ред. Садиков О.Н. М., 1997. С. 33; Волосатова Л.В. Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав: дис. ... кандидата юридических наук. М., 2005. С. 49.

возможности прийти к данному выводу без обращения к анализу внутренней направленности поведения и волевого элемента.

В.И. Емельянов, рассматривая проблему соотношения категорий добросовестности и разумности, считает, что вторая, используемая в качестве характеристики «психических действий» лица, не содержит нравственной оценки поведения. В целом автор выводит идею, в которой в качестве эталонного следует рассматривать разумное поведение, представляющее собой результат добросовестного выбора, основанного на психических процессах. Такое поведение он обозначает «физической разумностью»¹. Считаем, что подобное понимание разумности позволяет рассматривать ее в качестве предпосылки формирования воли, а не самостоятельного критерия юридической оценки поведения.

Более последовательной и, как нам кажется, понятной видится точка зрения О.А. Поротиковой, которая предлагает рассматривать разумность как «характеристику интеллектуальной составляющей человека», которая не имеет отношения к моральным качествам личности².

Действительно, если понимать разумность в таком ключе, то устраняется проблема целесообразности использования законодателем двух оценочных категорий, обращенных к анализу морально-нравственной стороны поведения лица. В таком случае весьма правильным представляется вывод о том, что категории недобросовестности и неразумности не являются тождественными, оставаясь, по нашему мнению, взаимосвязанными, но не подменяющими друг друга и выполняющими различные функции в механизме правовой оценки поведения.

Недобросовестное поведение может содержать в себе элемент неразумности, связанный с определенной интеллектуальной активностью лица. Потапова О.А. справедливо отмечает, что для разрешения вопроса о

¹ См.: Емельянов В.И. Указ. соч. С. 116.

² См.: Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О.А. Поротикова. М. Волтерс Клувер, 2007. С. 82.

добросовестности лица необходимо анализировать и разумную сторону его действий, что обусловлено тесной взаимосвязью указанных категорий. При этом автор видит в добросовестности в большей степени объективную сторону осуществления права, а в разумности – субъективную¹. Дроздова Т.Ю. также выделяет в качестве предела осуществления права принцип добросовестности, особо обращая внимание на то, что злоупотребление правом имеет место лишь в случае, когда такое нарушение было осознанным². Таким образом, недобросовестность предлагается рассматривать в качестве признака субъективной стороны.

Используя подобный подход к определению содержания категории разумности, исключая из него морально-нравственный элемент, мы можем констатировать, что неразумное, но добросовестное поведение не может быть признано злоупотреблением правом. В доктрине обращается внимание на необходимость четкого разграничения недобросовестного поведения и ошибочного действия. Отмечается, что недобросовестность всегда предполагает волевое решение субъекта о выборе соответствующей модели поведения, тогда как ошибка носит случайный характер и обусловлена отсутствием умысла. Соответственно, наличие ошибки само по себе не может рассматриваться в качестве проявления недобросовестности, поскольку исключает сознательную направленность поведения на достижение противоправного либо социально неодобряемого результата³.

Данная точка зрения соответствует мнению А.Г. Карапетова, который предлагает рассматривать злоупотребление правом в качестве формы недобросовестного поведения. По мнению ученого, считающего недобросовестность инструментом судебного корректирования формальных

¹ См.: Потапова О.А. Принципы гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск. 2002. С. 20.

² См.: Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 8-9.

³ См.: Седова Ж.И. Указ. соч. С. 249.

элементов права, доктрина злоупотребления правом выполняет вспомогательную роль в реализации идей о справедливом и должном¹.

Подтверждение указанной точки зрения можно обнаружить и в судебной практике. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016 в деле о банкротстве указала, что необъективную оценку собственных финансовых возможностей и жизненных обстоятельств следует считать поведением неразумным, но добросовестным, не препятствующим деятельности арбитражного управляющего². Приведенная позиция наглядно демонстрирует, что оценка разумности не тождественна установлению недобросовестности и не подменяет собой анализ воли лица.

Полагаем, что принцип разумности все же занимает самостоятельное место в гражданском праве России, обладает определенными критериями, юридической интерпретацией. Действительно, законодатель очень часто использует данную категорию для характеристики мер (ст. 404 ГК РФ), действий (п. 3 ст. 53 ГК РФ), сроков (п. 2 ст. 314 ГК РФ). В рамках настоящего исследования мы не ставили себе задачу подробного рассмотрения принципа разумности, но точно проанализировали его отдельные содержательные стороны.

Мы не оспариваем положение, согласно которому принцип разумности следует рассматривать в качестве предела осуществления гражданских прав, но акцентируем внимание на том, что одно лишь его нарушение не может быть квалифицировано в качестве злоупотребления правом без установления соответствующей волевой направленности поведения. Вместе с тем неразумность может выступать интеллектуальной предпосылкой

¹ См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2020. С. 704.

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03 июня 2019 г. № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

недобросовестного поведения, если она соединяется с соответствующей волевой направленностью. Сама же воля, как отмечено в науке и в правоприменительной практике, является обязательным объектом оценочно-аналитической деятельности судов при установлении злоупотребления правом.

Проведенное разграничение позволяет уточнить соотношение разумности, иррациональности, недобросовестности и вины. Разумность обращена преимущественно к интеллектуальной стороне поведения лица, к способности оценить обстоятельства, предвидеть обычные последствия совершаемых действий и избрать такой вариант поведения, который может быть объяснен логикой гражданского оборота. Неразумность в этом смысле может свидетельствовать об ошибке, просчете либо неверной оценке собственных возможностей, однако сама по себе еще не позволяет говорить о недобросовестности. Иное значение имеет иррациональность поведения, поскольку в данном случае речь идет не просто о неверной оценке обстоятельств, а об отсутствии разумного и проверяемого объяснения внешне правомерных действий лица ни с позиции обычной логики оборота, ни с позиции его собственных хозяйственных интересов. Подобная иррациональность не подменяет собой недобросовестность, но позволяет поставить под сомнение действительную направленность поведения. Недобросовестность может быть установлена тогда, когда отсутствие разумного объяснения соединяется с иными отрицательными признаками, указывающими на использование правовой формы вопреки ее назначению, нарушение законных интересов другого лица либо создание неоправданного риска такого нарушения. Вина же характеризует отношение лица к собственному поведению и его последствиям, а также отсутствие необходимой заботливости и осмотрительности, в связи с чем может сопровождать недобросовестность, но не исчерпывает ее содержания.

Результаты исследования позволяют вынести на защиту следующий вывод.

Установлено, что недобросовестность выступает самостоятельной оценочной категорией, не сводимой к формальному нарушению императивных

предписаний. Догматическое разграничение недобросовестности со смежными конструкциями имеет принципиальное значение. В отличие от злоупотребления правом, локализованного стадией осуществления уже существующего субъективного права, недобросовестность охватывает весь цикл: от его приобретения до защиты. При этом недобросовестность не тождественна вине, отражающей психическое отношение лица, и не сводится к ошибке. Неразумность и иррациональность, выявляющие разрыв между внешней правомерностью действий и их типичной целью, выступают лишь фактическими индикаторами, но сами по себе не образуют самостоятельного состава недобросовестности.

§ 1.3. Формы закрепления презумпции недобросовестности в российском гражданском праве

Вопрос о существовании презумпции недобросовестности в российском гражданском праве требует обращения не только к тем нормам, в которых законодатель прямо использует конструкцию предположения, но и к тем правовым положениям, содержание которых фактически приводит к перераспределению бремени доказывания добросовестности. Именно поэтому анализ указанной презумпции не может ограничиваться поиском ее буквального наименования в законе. Необходимо установить, в каких случаях правопорядок связывает определенную совокупность обстоятельств с сомнением в добросовестности лица и возлагает на него необходимость дать разумное и проверяемое объяснение собственного поведения.

Такой способ постановки вопроса согласуется с позицией В.Г. Ульянищева и Н.В. Бадаевой, которые полагают, что функциональное назначение принципа добросовестности заключено не столько в его содержании, так как правовая система «не нуждается в особой формуле данного принципа», сколько в конкретизации примеров его нарушения. Особо распространенные случаи

недобросовестного поведения субъектов должны быть зафиксированы в праве¹. Выражаем глубокую убежденность в том, что таким способом фиксации можно считать презумпцию недобросовестности.

Прежде чем переходить к детальному рассмотрению презумпции недобросовестности необходимо уточнить ее функциональное назначение. Указанную презумпцию, обеспечивающую эффективность функционирования механизма защиты гражданских прав в ситуациях, когда доказывание недобросовестности в общем порядке существенно затруднено, следует рассматривать в качестве его составного элемента.

Предваряя анализ механизма защиты гражданских прав, необходимо обратиться ко мнению Т.С. Яценко, рассматривающей гражданско-правовую охрану не как изолированную реакцию на уже состоявшееся нарушение, а как систему специальных мер правового воздействия, направленных на предупреждение нарушения охраняемых интересов и ликвидацию последствий такого нарушения². В рамках данного подхода охранительное воздействие гражданского права проявляется в установлении пределов свободного усмотрения участников гражданского оборота, а также в формировании правовых средств, препятствующих использованию гражданско-правовых институтов вопреки их назначению³. Для настоящего исследования данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку презумпция недобросовестности также не сводится к самостоятельному способу защиты, а выступает юридико-техническим средством, обеспечивающим эффективность

¹ См.: Ульянищев В.Г., Бадаева Н.В. «Принцип добросовестности» и идея «справедливости» в гражданском праве // Юридические исследования, 2018. № 9. С. 36.

² См.: Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 3, 12-14, 29-30.

³ См.: Колодуб Г.В. К вопросу о механизме защиты гражданских прав / Г. В. Колодуб // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 3-й ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 19–20 сентября 2014 года / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2014. С. 69. Автор обоснованно обращает внимание на необходимость формирования действенного механизма защиты гражданских прав и указывает, что в его рамках требуется выработать практически применимые критерии недобросовестного поведения.

охранительно-защитного механизма посредством перераспределения доказательственного риска при выявлении признаков недобросовестного поведения.

Важно отметить, что в доктрине механизм защиты гражданского права рассматривается не просто в качестве перечня способов защиты, а во взаимосвязи с их процессуальной реализацией. Так, Д.Н. Латыпов, акцентируя внимание на процедурной стороне защиты, указывает, что сам термин «механизм» призван подчеркнуть именно порядок осуществления защиты. Механизм защиты гражданского права, по его определению, представляет собой «порядок осуществления защиты, состоящий в наборе определенных волевых актов, совершаемых обладателем права, в том числе с привлечением юрисдикционных органов для достижения установленных законом целей защиты»¹.

Гражданско-правовая защита по своей природе обращена не к обычному, ненарушенному течению гражданского оборота, а к тем ситуациям, в которых отношения переходят в состояние спора и требуют внешнего юридического вмешательства. На процессуальном уровне эффективность такого вмешательства зависит от правильного нормативного построения отраслевого материала, определяющего результативность правоприменения и судопроизводства² А.В. Мильков справедливо отмечает, что предмет теории защиты формируется именно на стадии конфликтного взаимодействия сторон, когда регулятивных средств оказывается недостаточно³.

Схожая точка зрения на функционально-процессуальное значение механизма защиты прослеживается и в работах В.В. Бутнева, который

¹ См.: Латыпов Д.Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2022. С. 37.

² См.: Потапенко Е.Г. Оптимизация арбитражного процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 3. С. 116; Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юридическая литература, 1966. С. 20–21.

³ См.: Мильков А.В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 7.

определяет механизм защиты как систему правовых средств, направленную на решение конкретных задач: восстановление нарушенных прав, защиту охраняемых законом интересов, разрешение правовых споров, а также устранение иных препятствий, осложняющих реализацию субъективных прав¹. При таком подходе механизм защиты изначально рассматривается в качестве инструмента реагирования на спорную ситуацию, а не как статичный набор юридических инструментов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что презумпция недобросовестности являет собой элемент механизма защиты гражданских прав, влияющий на распределение доказательственного бремени и, как следствие, на эффективность защиты нарушенного права. Полагаем, что ее использование в правовом регулировании позволяет корректировать исходную доказательственную позицию сторон в тех случаях, когда сохранение презумпции добросовестности создает необоснованные преимущества для недобросовестного лица, лишь формально действующего в рамках дозволенного поведения.

Важно отметить, что презумпция недобросовестности как возможное средство ограничения действия презумпции добросовестности уже существует в гражданско-правовом поле России. Использование данного инструмента направлено на обеспечение интересов лиц, чьи права и законные интересы нарушены потенциально недобросовестными действиями. Хотя, конечно, изменение отношения к лицу как к добросовестному субъекту – это исключительная мера, применение которой должно быть весьма оправданным и осторожным.

Так, п. 2 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает презумпцию недобросовестности стороны при проведении переговоров: «Недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагаются:

¹ См.: Бутнев В.В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990. С. 6.

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать».

И хотя в норме отсутствует словосочетание «презумпция недобросовестности», системное толкование данной статьи позволяет говорить о наличии в ней данной презумпции¹. Дело в том, что если действия лица признаются недобросовестными, то и само лицо будет признано недобросовестным. Законодатель связывает возникновение предположения о недобросовестности с одним из двух фактических обстоятельств.

Установление факта предоставления стороне неполной или недостоверной информации является основанием применения презумпции недобросовестности. Ранее уже говорилось о том, что презумпция вытекает из наличествования устойчивых связей между фактами. Ответственность, предусмотренная данной статьей, наступает только в случае умысла или неосторожности. Если будет установлено, что лицо, которое предоставило недостоверную информацию, не знало и не должно было знать о недостоверности такой информации, то оно должно быть признано добросовестным. Тем не менее на лице лежит бремя доказывания собственной добросовестности², что является очевидным исключением из общего правила. Подобное исключение и объясняется действием презумпции недобросовестности, в этом проявляется ее практическое значение. Если бы данная норма не содержала в себе указанную презумпцию, то стороне, ссылающейся на недобросовестность контрагента, приходилось бы

¹ См.: Демкина А.В. Добросовестное и недобросовестное поведение на преддоговорном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 4. С. 9.

² П. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доказывать не только факт сообщения неполной или недостоверной информации, но и умышленный или неосторожный характер этих действий. Подобное распределение рисков могло бы стать стимулирующим фактором недобросовестного поведения при ведении переговоров.

Еще одним обстоятельством презюмирования недобросовестности является внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. Здесь необходимо оговориться, что не любое внезапное прекращение переговоров является основанием презюмирования недобросовестности лица. Важно, чтобы прекращение переговоров было неожиданным и безосновательным, подрывало разумные ожидания другой стороны¹. Это значит, что на истца возлагается обязанность доказать обстоятельства, которые могли создать у него разумные ожидания того, что переговоры не будут прерваны. А.Г. Карапетов приводит следующий пример таких обстоятельств: «...если контрагент сообщает партнеру по итогам длительных согласований проекта договора о том, что он наконец готов подписать договор, и назначает дату и место подписания и последний в расчете на это покупает билеты и прилетает в отдаленный регион для проставления подписей на договоре, но в последний момент узнает о том, что контрагент неожиданно передумал...»².

Лугманов Р.Р. полагает, что в контексте применения нормы п. 2 ст. 434.1 ГК РФ следует вести речь не о бремени доказывания собственной добросовестности, возлагаемом на ответчика при наличии установленных обстоятельств, а об опровержении наличия информационной обязанности, вытекающей из принципа добросовестности. Автор указывает на возможность ответчика доказать не собственную добросовестность, а отсутствие

¹ См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2017. С. 1006.

² Там же. С. 1006-1007.

обстоятельств, наличие которых порождает обязанность информирования, например, «действительную осведомленность контрагента об обстоятельствах, умолчание которых тот ставит ему в вину, либо неизвинительность незнания об общедоступных данных и т.п.»¹. Соглашаясь с выводом о том, что информационная обязанность, закрепленная в данной норме, представляет собой результат внедрения принципа добросовестности в правовое регулирование преддоговорных отношений, придерживаемся иной точки зрения относительно роли закрепленной презумпции недобросовестности.

Во-первых, содержание п. 2 ст. 434.1 ГК РФ не сводится только к оценке исполнения одной из сторон обязанности информирования. Указанная норма направлена на ограничение недобросовестного поведения в целом и не содержит четкого перечня действий, ожидаемых от добросовестного лица.

Во-вторых, сторона, чья недобросовестность предполагается в силу доказанности обстоятельств подп. 1 или 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, может доказать свою добросовестность не только путем отрицания наличия указанных обстоятельств, но и путем опровержения презумпции недобросовестности своих действий иным образом. Указанный вывод вытекает из признака опровержимости правовых презумпций. В противном случае, когда единственным вариантом избежать ответственности является доказанность отсутствия обстоятельств, изложенных в подп. 1 и 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, необходимо говорить не о презумпции недобросовестности, а об императивном установлении, запрещающем конкретные действия (бездействия).

В доктрине поднимается вопрос о возможности применения указанной презумпции в ситуации, когда истец сам злоупотребляет принадлежащим ему правом на защиту. В результате анализа судебной практики делается последовательный вывод о том, что недобросовестное поведение лица, которое ссылается на нарушение принципа добросовестности, блокирует возможность

¹ См.: Лугманов Р.Р. Информационные обязанности, вытекающие из принципа добросовестности. Правовой и экономический анализ: монография. Электрон. изд. М.: М-Логос, 2022. С. 131.

применения презумпции недобросовестности и, соответственно, в удовлетворении требования, основанного на ст. 434.1 ГК РФ, должно быть отказано. Данная норма, представляющая собой эманацию принципа добросовестности, предполагает, что сослаться на его нарушение может только лицо, «чье поведение является безупречным с точки зрения действующего права»¹.

Другим, менее очевидным примером норм, в которых закреплена презумпция недобросовестности, является п. 2 ст. 174 ГК РФ. Данную норму необходимо применять с учетом п. 93 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25: «О наличии явного ущерба свидетельствует совершение сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях, например, если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента. При этом следует исходить из того, что другая сторона должна была знать о наличии явного ущерба в том случае, если это было бы очевидно для любого участника сделки в момент ее заключения». В данном разъяснении отражено действие презумпции знания стороной о наличии явного ущерба, когда это было бы очевидно для любого участника гражданского оборота. Из такого знания напрямую вытекает недобросовестность стороны. Иначе говоря, если другая сторона в момент совершения такой сделки должна была осознавать, что представитель совершает сделку, влекущую явный ущерб интересам представляемого, такая сторона должна, по мысли законодателя, воздержаться от совершения сделки и не пытаться извлечь выгоду из просчета представителя. Если же она идет на совершение сделки, осознавая, что такая сделка влечет явный ущерб представляемому, то ее действия должны быть квалифицированы как недобросовестные.

¹ См.: Борейшо Д.В., Папилин И.И. Обзор практики применения нормы ст. 434.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При буквальном толковании п. 2 ст. 174 ГК РФ может сложиться мнение, что законодатель стремится патерналистски оградить участников оборота от экономических неудач, неправильных решений, просчетов и рисков. Однако такой подход противоречил бы основным началам гражданского законодательства РФ, в частности принципу свободы договора. На самом деле, целью введения данной нормы является защита интересов сторон не от экономических просчетов и непродуманных рисков, а от труднодоказуемого сговора¹.

Очевидным недостатком такого подхода является ограничение договорной свободы участников гражданских правоотношений. Лицо лишается возможности заключить сделку на максимально выгодных для себя условиях, возможно, воспользовавшись непрофессионализмом или недальновидностью представителя. Такое поведение само по себе не является недобросовестным, так как частное право не может и не должно требовать от участников оборота альтруизма. Но в условиях, когда доказать наличие сговора практически невозможно, необходимо выбирать менее деструктивный для оборота вариант. Таким вариантом и является указанная выше презумпция недобросовестности.

Кроме того, необходимо разводить между собой понятия явный ущерб и крайняя невыгодность. Наличие крайней невыгодности не всегда предполагает наличие явного ущерба, поэтому у сторон существует возможность сохранить оспоримую сделку. В соответствии с п. 93 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25: «... сделка не может быть признана недействительной, если имели место обстоятельства, позволяющие считать ее экономически оправданной (например, совершение сделки было способом предотвращения еще больших убытков для юридического лица или представляемого, сделка хотя и являлась сама по себе убыточной, но была частью взаимосвязанных сделок, объединенных общей хозяйственной целью, в результате которых юридическое

¹ См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2020. С. 662-663.

лицо или представляемый получили выгоду, невыгодные условия сделки были результатом взаимных равноценных уступок в отношениях с контрагентом, в том числе по другим сделкам)». Данное положение является доказательством того, что перед нами правовая презумпция, так как существует возможность ее опровержения.

Важное значение приобретает закрепление презумпции недобросовестности в рамках отношений банкротства. Спецификой данных отношений является весьма противоречивый характер интересов должника. С одной стороны, им движет желание избавиться от навалившегося долгового бремени, с другой – стремление сохранить свое имущество. Зачастую недобросовестные лица прибегают к незаконным способам реализации второго интереса.

Кроме того, важно отметить диаметрально противоположный характер интересов должника и кредиторов, который становится причиной злоупотреблений, недобросовестности со стороны должника, что представляет собой существенную проблему в процессе банкротства. Подобные незаконные действия приводят к нарушению прав и законных интересов кредиторов, которые получают лишь часть от возможного удовлетворения своих имущественных притязаний. В связи с этим возникает вопрос о законных механизмах защиты добросовестных участников гражданского оборота.

Одним из таких механизмов является институт недействительности сделок. Возможность оспаривания сделок должника позволяет вернуть имущество должнику и тем самым увеличить объем удовлетворения требований кредиторов¹. Данный институт получил закрепление в главе III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О несостоятельности (банкротстве)»². В рамках рассматриваемого вопроса наибольший интерес

¹ См.: Пирогова Е.С., Курбатов А.Я. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для вузов. М., 2020. С. 249.

² См.: Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. № 209-210; 2026. № 24. Ст. 3106.

вызывают положения п. 2 ст. 61.2 указанного закона, в котором содержится сразу две правовых презумпции.

Во-первых, предполагается, что другая сторона знала о совершении сделки в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, если она признана заинтересованным лицом либо если она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

Осведомленность следует из опубликования в соответствии с п. 3 ст. 28 Закона о банкротстве сведений о введении наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. В связи с этим при наличии таких публикаций в случае оспаривания на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве сделок, совершенных после этих публикаций, надлежит исходить из следующего: если не доказано иное, любое лицо должно было знать о том, что введена соответствующая процедура банкротства, а значит, и о том, что должник имеет признаки неплатежеспособности (п. 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹).

Во-вторых, цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается:

1) если на момент совершения сделки должник отвечал или в результате совершения сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица, либо направлена на выплату (выдел) доли

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (ред. от 30 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

(пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с выходом из состава учредителей (участников) должника;

2) совершена при наличии одного из следующих условий:

- стоимость переданного в результате совершения сделки или нескольких взаимосвязанных сделок имущества либо принятых обязательства и (или) обязанности составляет двадцать и более процентов балансовой стоимости активов должника, а для кредитной организации - десять и более процентов балансовой стоимости активов должника, определенной по данным бухгалтерской отчетности должника на последнюю отчетную дату перед совершением указанных сделки или сделок;

- должник изменил свое место жительства или место нахождения без уведомления кредиторов непосредственно перед совершением сделки или после ее совершения, либо скрыл свое имущество, либо уничтожил или искажил правоустанавливающие документы, документы бухгалтерской и (или) иной отчетности или учетные документы, ведение которых предусмотрено законодательством Российской Федерации, либо в результате ненадлежащего исполнения должником обязанностей по хранению и ведению бухгалтерской отчетности были уничтожены или искажены указанные документы;

- после совершения сделки по передаче имущества должник продолжал осуществлять пользование и (или) владение данным имуществом либо давать указания его собственнику об определении судьбы данного имущества.

В данной норме, как и в предыдущей, отсутствует прямое указание на презумпцию недобросовестности. Однако при ее толковании вопрос о наличии указанной презумпции должен решаться положительно. Когда мы предполагаем, что другая сторона, совершая сделку, знала об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, то мы признаем ее недобросовестной в силу того, что ее поведение не соответствует стандарту поведения, предъявляемому к участникам

гражданского оборота. Допущено злоупотребление правом, а именно: имело место недобросовестное поведение, направленное на сокрытие имущества должника от обращения на него взыскания.

Для применения указанной презумпции необходимо наличие одного из двух фактов, названных в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (признание заинтересованным лицом, знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника).

В судебной практике можно обнаружить противоречивые подходы к доказанности указанных фактов и, соответственно, презюмированию недобросовестности контрагента должника. П. 7 Постановления Пленума ВАС РФ содержит разъяснения, согласно которым «при решении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать об указанных обстоятельствах, во внимание принимается то, насколько она могла, действуя разумно и проявляя требующуюся от нее по условиям оборота осмотрительность, установить наличие этих обстоятельств». Данное правило получило дополнительную интерпретацию в решениях Верховного Суда РФ, по мнению которого, оно в конечном счете сводится к необходимости оценить добросовестность контрагента должника путем «сопоставления его поведения с поведением абстрактного среднего участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно»¹. При этом акцентируется внимание на том, что такие стандарты поведения задаются судебной практикой посредством исследования обстоятельств рассматриваемого дела.

В основе указанной оценки лежит решение вопроса об очевидности для контрагента занижения цены, а также о существенности причиненного вреда. Представляется, что указанные признаки являются по своей сущности

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-21196(2) по делу № А41-70837/2017; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 307-ЭС21-22424 по делу № А13-12911/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

качественными, зависят от многих взаимосвязанных между собой факторов, определяющих поведение контрагента. Анализ судебной практики последних лет демонстрирует попытки сформировать конкретные критерии-границы признания поведения контрагента должника недобросовестным. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 23.12.2021 № 305-ЭС21-19707 по делу № А40-35533/2018¹ не согласилась с подходом Арбитражного суда Московского округа в вопросе о явной очевидности занижения цены и существенности причиненного вреда, отметив, что не может признаваться существенной разница, если покупная цена отличается от рыночной, определенной экспертным путем, более чем на 30 процентов. Таким образом, указанная разница не может презюмировать недобросовестности покупателя. Что касается критериев осведомленности о цели сделки, то со ссылкой на п. 93 Постановления Пленума ВС РФ от 2015 № 25, п. 2. Постановления Пленума ВАС РФ от 2013 № 62² делается вывод о необходимости использования критерия кратности превышения цены. Вместе с тем Верховный Суд РФ считает возможным применение и более низких критериев, например, если объект продажи широко востребован на рынке, где спрос превосходит предложение.

Указанные разъяснения, безусловно, не лишены логики и направлены на формирование единообразной судебной практики, о чем говорит помещение указанных выводов в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022)³. Вместе с тем считаем, что оценочный характер

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 305-ЭС21-19707 по делу N А40-35533/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 июня 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 7; 2022. № 8.

применимой презумпции требует учета всех имеющихся в деле обстоятельств, поэтому указанный критерий не является универсальным и безусловным, что в принципе следует и из рассмотренных разъяснений.

Другая презумпция закрепляет недобросовестность самого должника, ведь если мы предполагаем, что целью совершения оспариваемой сделки было причинение вреда имущественным правам кредиторов, то действия должника должны быть квалифицированы как недобросовестные. Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Важным признаком презумпции, отличающим ее от властного предписания, является возможность опровержения: в соответствии с п. 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 установленные абзацами вторым – пятым п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве презумпции являются опровержимыми – они применяются, если иное не доказано другой стороной сделки.

Презумпция недобросовестности, закрепленная в п. 2 ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» имеет важное значение для справедливого разрешения спора. Если бы в норме отсутствовала указанная презумпция, то на кредиторов возлагалось бы бремя доказывания недобросовестности сторон совершаемой сделки. В конечном счете, это приводило бы к усложнению судебного разбирательства для добросовестной стороны, а фактически лишало кредиторов защиты.

Достаточно спорным представляется вопрос о наличии презумпции недобросовестности в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, что обусловлено проблемами понимания указанного правового явления. Так, в п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 установлено, что для признания недействительной сделки по основанию, закрепленному в данной норме, не требуется установления недобросовестности контрагента. В Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»

указывалось, что нормы пп. 1 и 2 ст. 61.2 содержат два различных критерия для оспаривания подозрительных сделок: объективный – неравноценность встречного предоставления, и субъективный – намерение должника причинить вред кредиторам в их возможности получить удовлетворение своих требований за счет имущества должника.

Несмотря на наличие указанных разъяснений, в судебной практике можно встретить весьма примечательную интерпретацию правила, закрепленного в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. По мнению СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отсутствие в данной норме необходимости установления недобросовестности контрагента обусловлено тем, что «заключение сделки на невыгодных условиях в пределах года до возбуждения дела о банкротстве, а тем более, после – фактически предполагает наличие неопровержимой презумпции недобросовестности с обеих сторон»¹. Полагаем, что данное разъяснение в очередной раз демонстрирует важность такого признака правовых презумпций, как опровержимость. Действительно, можно согласиться с тем, что в основе правил, зафиксированных в данной норме, лежит фактическая презумпция недобросовестности, но данный вопрос лежит в плоскости законотворчества и вряд ли может разрешаться судебными органами.

Аналогичную позицию можно обнаружить применительно к п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Верховный Суд РФ в Определении от 22.03.2017 № 304-ЭС17-1552 по делу № А27-12177/2015² отметил, что в данной норме законодатель установил «неопровержимую презумпцию недобросовестности контрагента должника (объективно вмененная осведомленность о факте неплатежеспособности)». Вместе с тем в п. 11 ПП ВАС РФ № 63 закреплено разъяснение, согласно которому для признания сделки недействительной по п. 2

¹ См.: Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 октября 2021 г. № 305-ЭС16-20151 (14, 15) по делу № А40-168854/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 марта 2017 г. № 304-ЭС17-1552 по делу № А27-12177/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. 61.3 Закона о банкротстве установления недобросовестности контрагента не требуется. Полагаем, что позиция Верховного Суда РФ вновь основана на смешении фактических и правовых презумпций между собой. Если недобросовестность контрагента не является фактом, подлежащим установлению при признании сделки недействительной по данному основанию, то опровергнуть «презумпцию недобросовестности» становится невозможно, что превращает ее из презумпции в правовое установление императивного порядка.

Полагаем, что презумпцию недобросовестности все же можно обнаружить в данной статье, но не во втором, а в третьем пункте. В доктрине и судебной практике получило распространение ее обозначение в качестве презумпции осведомленности заинтересованного лица о неудовлетворительном финансовом состоянии должника¹. На наш взгляд, осведомленность лица, заключающего сделку в указанных обстоятельствах, позволяет квалифицировать подобное поведение в качестве недобросовестного.

Е.В. Антонова, анализируя вопросы применения принципа добросовестности, в процессе несостоятельности (банкротства), приходит к убеждению, что основной проблемой его реализации выступает отсутствие критериев недобросовестного поведения. Формулирование и закрепление указанных критериев, по мнению автора, скажется на эффективности правоприменения, позволит выявлять большее количество злоупотреблений². Выражая солидарность с авторской точкой зрения в данном вопросе, предполагаем, что помимо фиксации конкретных критериев эффективным

¹ См.: Определение ВАС РФ от 28.08.2013 № ВАС-13131/12 по делу № А40-47704/10-44-231Б; Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»: постатейный / [Баринов А.М., Бушев А.Ю., Городов О.А. и др.]; под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Ф. Попондопуло. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2019; Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. М.: Статут, 2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Антонова Е.В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

инструментом, способствующим достижению целей регулирования в данной сфере, является презумпция недобросовестности.

Заслуживающей отдельного внимания представляется точка зрения А.А. Кравченко, который, не отрицая факта существования презумпции недобросовестности в нормах Закона о несостоятельности, предлагает рассматривать ее в качестве одного из реализационных проявлений принципа добросовестности¹. Мы убеждены в правильности сего умозаключения. Полагаем, что презумпция недобросовестности, действительно, представляет собой одну из форм регуляционного воздействия общеправового принципа добросовестности. А.А. Кравченко видит соотношение исследуемых правовых явлений еще и в том, что принцип добросовестности существует в гражданском праве еще и как «средство нивелирования действия презумпции недобросовестности субъекта», так как путем доказывания добросовестности возможно опровержение презюмируемых обстоятельств². Указанный вывод кажется нам достаточно спорным. Действительно, презумпция недобросовестности может быть опровергнута, но не путем применения принципа добросовестности. Если исходить из того, что презумпция недобросовестности – это правовое средство, вытекающее из общеправового принципа добросовестности, то каким образом использование указанного принципа может нивелировать ее действие?³

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают вопросы добросовестности лиц в корпоративных отношениях. В п. 3 ст. 53 ГК РФ закреплено требование к поведению представителя юридического лица действовать добросовестно и разумно. Одновременно с этим в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ содержится правило об ответственности такого лица в случае, если будет

¹ См.: Кравченко А.А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы: диссертация... кандидата юридических наук. М., 2020. С. 248.

² Там же. С. 126.

³ Ранее отдельные результаты исследования данного вопроса были опубликованы автором. См.: Антонов М.А. Презумпция недобросовестности как инструмент защиты прав кредиторов в банкротстве // Юридическая наука. 2024. № 11. С. 129–133.

доказано, что оно действовало недобросовестно или неразумно. Между тем, особенности корпоративных отношений сильно усложняют возможности доказывания недобросовестности участников юридического лица. На помощь приходят судебные толкования, представляющие своего рода юридический «костыль», опираясь на который можно добиться перераспределения бремени доказывания для более эффективного правового регулирования спорных отношений.

Так, в п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»¹ получила закрепление презумпция недобросовестности действий директора, вступающая в силу при доказанности факта причинения его действиями убытков обществу и отказе директора от дачи пояснений².

Кроме того, презумпция недобросовестности директора заложена также в п. 2 данного постановления, применяющаяся при наличии одного из доказанных обстоятельств. В доктрине можно обнаружить критические оценки относительно содержания механизма перераспределения бремени доказывания, предусмотренного в Постановлении Пленума ВАС РФ № 62. Так, И.С. Шиткина отмечает оценочность, несамодостаточность и противоречивость указанных презумпций³. Ю.Г. Лескова, Ю.Д. Жукова, К.П. Павлова считают необоснованным внедрение критерия наличия конфликта интересов (подп. 1 п. 2 ПП ВАС РФ № 62), который не во всех случаях свидетельствует о недобросовестности руководителя⁴. Е.Б. Абакумова обращает внимание на

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. 2013. № 31.

² См.: Сафаева Н.Р. Косвенные иски по корпоративным спорам. Особенности доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография / И. С. Шиткина. М.: Статут, 2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Лескова Ю.Г., Жукова Ю.Д., Павлова К.П. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных стран // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

опасность «сдерживания деловой активности субъектов предпринимательства», которая может быть вызвана неадекватным пониманием положений Постановления Пленума ВАС РФ № 62, чрезмерной оценкой судами экономической целесообразности принимаемых управленческих инициатив, излишним вмешательством со стороны судебных органов в хозяйственную деятельность предприятия¹.

В.И. Малкина, напротив, считает, что закрепленные презумпции недобросовестности действий директора недостаточны, так как для их применения необходимо доказать совокупность фактов, что зачастую бывает крайне затруднительно в ситуации слабой разработанности критериев добросовестности и разумности².

Несмотря на позитивное значение разъяснений Высшего Арбитражного Суда РФ, закрепляющих презумпцию недобросовестности в отношении единоличного исполнительного органа юридического лица, считаем, что для успешного функционирования данного юридического инструмента необходимы дополнительные разъяснения со стороны вышестоящих судебных инстанций, конкретизирующие установленные критерии. Кроме того, с учетом оценочного характера категории добросовестности необходимо установить баланс между экономическими интересами хозяйствующих субъектов и законодательными ограничениями, сократив степень вмешательства судебных органов в вопросы предпринимательской активности, оставив в качестве необходимого поля оценочной деятельности только вопросы, напрямую влияющие на защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота. Отдельно отметим, что проанализированные презумпции недобросовестности нашли отражение только

¹ См.: Абакумова Е.Б. Принципы добросовестности и разумности в корпоративных правоотношениях // Вестник арбитражной практики. 2020. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах: диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2021. С. 101.

на уровне судебных разъяснений и не должны восприниматься как законодательно установленные, что можно встретить в некоторых решениях¹.

Еще одна презумпция недобросовестности подразумевается п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»². Констатация ее наличия закреплена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П³, в котором делается вывод о затруднительности доказывания кредитором недобросовестности действий контролирующих лиц юридического лица. В связи с невовлеченностью истца в корпоративные отношения, а, соответственно, неравенством процессуальных возможностей сторон, на истца возлагается бремя доказывания наличия у него убытков, вызванных неисполнением обществом обязательств перед ним, а также исключения общества из единого государственного реестра юридических лиц. Установление указанных фактов запускает презумпцию недобросовестности, которая, как представляется, без наличия указанных разъяснений Конституционного Суда РФ не усматривается из содержания п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Тем не менее установленный порядок перекладывания бремени доказывания идет вразрез с общими правилами ст. 53.1 ГК РФ и становится обязательным.

На основе приведенных норм и разъяснений можно сделать вывод об использовании в гражданско-правовом регулировании РФ презумпции недобросовестности. Данная презумпция является достаточно эффективным способом распределения бремени доказывания добросовестности. Считаем возможным расширение сферы использования указанной презумпции как

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 октября 2019 г. № Ф05-16157/19 по делу № А41-2077/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 04 августа 2026 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785; 2026. № 32. Ст. 4516.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 22. Ст. 3913.

исключения из общего правила в случаях, когда это необходимо для наиболее эффективной защиты прав и законных интересов участников оборота.

В совокупности проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Презумпция недобросовестности не является только предлагаемой доктринальной конструкцией, существование которой возможно лишь в перспективе развития гражданского законодательства. Так, анализ рассмотренных норм и актов их судебного толкования показывает, что данная презумпция уже используется в российском гражданском праве, хотя далеко не всегда получает прямое наименование. Ее наличие обнаруживается не по названию, а по действию самой правовой конструкции, когда установление определенных обстоятельств меняет исходное распределение доказательственной нагрузки и ставит перед лицом необходимость объяснить собственное поведение с позиции добросовестности.

2. Закрепление презумпции недобросовестности в российском гражданском праве не имеет единой внешней формы. В одних случаях она непосредственно следует из нормы права, поскольку законодатель прямо связывает определенные факты с предположением о недобросовестности поведения лица либо его осведомленности о юридически значимых обстоятельствах. В других случаях такая презумпция прямо не названа, однако выводится из содержания нормы и актов ее судебного толкования. Подобная ситуация возникает тогда, когда установленный фактический состав влечет не только отрицательную оценку поведения, но и перенос бремени доказывания на лицо, добросовестность которого поставлена под сомнение.

3. Рассмотренные примеры позволяют сделать последовательный вывод о том, что презумпция недобросовестности используется преимущественно в тех сферах, где обычное доказывание недобросовестности существенно осложнено: преддоговорные отношения, институт представительства, оспаривание сделок в банкротстве, корпоративное управление и ответственность контролирующих. Лицо, заявляющее о недобросовестности, нередко не располагает доступом к

сведениям, позволяющим прямо установить действительную направленность поведения другой стороны. В такой ситуации сохранение общего предположения о добросовестности способно привести к защите поведения, которое лишь внешне сохраняет признаки правомерности.

4. Презумпция недобросовестности сохраняет свою правовую природу только при условии возможности ее опровержения. Лицо, поведение которого поставлено под сомнение, должно иметь возможность доказать отсутствие осведомленности, наличие разумной хозяйственной причины, экономическую оправданность своих действий либо иные обстоятельства, исключающие вывод о недобросовестности. Если такая возможность отсутствует, перед нами уже не презумпция, а императивное правовое установление, основанное на фактическом предположении законодателя. Именно поэтому используемая в судебной практике формула о неопровержимой презумпции недобросовестности нуждается в осторожном восприятии, поскольку она смешивает фактическое основание нормы и правовую презумпцию как опровержимое средство распределения доказательственного риска.

5. Презумпция недобросовестности не вступает в конкуренцию с презумпцией добросовестности, закрепленной в п. 5 ст. 10 ГК РФ. Общая презумпция добросовестности сохраняет значение исходного правила гражданского оборота и действует до тех пор, пока не установлены обстоятельства, позволяющие поставить поведение лица под обоснованное сомнение. Презумпция недобросовестности включается только при наличии специально очерченного фактического состава, когда внешняя правомерность поведения уже не устраняет вопрос о его действительной направленности. В этом смысле она должна рассматриваться не как отрицание принципа добросовестности, а как один из способов его практической реализации в механизме защиты гражданских прав.

С учетом проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующий вывод, выносимый на защиту.

В российском гражданском праве презумпция недобросовестности может существовать в двух формах:

- закрепленная в норме, когда законодатель связывает установленный факт с предположением о недобросовестности лица либо о другом юридически значимом обстоятельстве, свидетельствующем о ней;
- сформированная правоприменительной практикой, как результат судебного толкования.

ГЛАВА 2. ОТДЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕЗУМПЦИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

§ 2.1. Презумпция недобросовестности при оспаривании кабальной сделки

Презумпция недобросовестности как исключение из общего правила получила законодательное закрепление в гражданском праве РФ. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности дальнейшего расширения сферы использования данного юридического инструмента как способа перераспределения рисков. Безусловно, с точки зрения исключительной природы данной презумпции масштабы ее применения должны быть весьма ограниченными. Отступление от общих правил правового регулирования должно быть обусловлено достаточно вескими причинами. Позволим себе предположить, что дальнейшее распространение презумпции недобросовестности может быть целесообразным, поскольку правовое исключение не обязательно разрушает общий стандарт, а, напротив, может обеспечивать его сохранение в тех случаях, когда нетипичная модель поведения участника оборота требует иного варианта правовой оценки для предотвращения регулятивного дисбаланса¹.

Потребность в расширении сферы применения презумпции недобросовестности обусловлена спецификой складывающихся в гражданском обороте моделей поведения. В доктрине отмечается, что отсутствие эффективных механизмов пресечения антисоциальных действий, формально укладываемых в допустимые правовые конструкции, способствует распространению фиктивных банкротств, фиктивных юридических лиц и

¹ См.: Белоусов С.А., Суменков С.Ю. Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 49.

сделок, направленных на достижение антисоциальных целей¹. Указанные обстоятельства, по мнению Т.С. Яценко, свидетельствуют о необходимости разработки механизма пресечения таких действий².

Важное значение приобретает исследование добросовестности сторон при рассмотрении судами дел о недействительных сделках. Практика показывает, что требование о недействительности сделки может использоваться недобросовестным участником для уклонения от принятых обязательств³. Так, в п. 1 ст. 171 ГК РФ установлено ограничение ответственности только случаями недобросовестности: «Дееспособная сторона обязана, кроме того, возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если дееспособная сторона знала или должна была знать о недееспособности другой стороны».

Как следует из п. 2 ст. 173.1 ГК РФ, к числу обязательных элементов доказывания относится осведомленность другой стороны сделки о необходимости получения соответствующего согласия и об отсутствии такого согласия на момент совершения сделки.

Ключевым условием удовлетворения иска об оспаривании сделки по правилам ст. 174 является доказанность недобросовестности контрагента. Недобросовестность как условие недействительности сделки закреплена также в пункте 2 статьи 177 ГК РФ.

В большинстве случаев законодатель при определении условий недействительности сделок не отходит от презумпции добросовестности, возлагая на участников правоотношений обязанность доказывать недобросовестность контрагента. Исключением является лишь пункт 2 статьи 174 ГК РФ, где закреплена обратная презумпция, о чем уже было сказано ранее. Однако представляется, что возможность использования презумпции недобросовестности не должна исчерпываться названной статьей.

¹ См.: Яценко Т.С. Антисоциальные явления в гражданском праве: понятие и меры противодействия им // Юристъ - Правоведъ. № 1. 2007. С. 84.

² Там же.

³ См.: Илюшина М.Н. Реформа института о недействительности сделок: современное состояние и нерешенные проблемы // Мониторинг правоприменения. 2014. № 2 (11). С. 4.

В ст. 179 ГК РФ закреплены составы недействительности сделок, общей чертой которых является дефект внутренней воли совершивших их лиц. Сближает все эти сделки и то, что дефект воли одного из участников сделки возникает под воздействием другой стороны или по крайней мере используется ею в своих интересах. Ст. 179 ГК РФ сравнительно редко применяется на практике, хотя подпадающие по ее действие сделки совершаются достаточно часто, что можно объяснить трудностями в доказывании оснований признания данных сделок недействительными.

Наиболее труднодоказуемым является состав недействительности, закрепленный в п. 3 ст. 179 ГК РФ. В России успешное оспаривание кабального договора происходит крайне редко, что объясняется сложностью предмета доказывания. Согласно Гражданскому кодексу РФ кабальная сделка – это сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась. Таким образом, для признания сделки кабальной необходимо наличие доказательств нескольких условий:

1. крайняя невыгодность (несправедливость) содержания сделки;
2. стечение тяжелых жизненных обстоятельств для одной из сторон, вынуждавшее эту сторону совершить сделку с невыгодным (несправедливым) содержанием;
3. другая сторона по сделке осознает крайнюю невыгодность сделки, знает о тяжелых жизненных обстоятельствах, в которых находится потерпевшая сторона и использует это в своих или чужих интересах, заключая сделку.

Верховный Суд РФ интерпретирует крайне невыгодные условия как условия, не соответствующие интересу лица и существенно отличающиеся от условий аналогичных сделок; стечение тяжелых жизненных обстоятельств предполагает, что они являются неожиданными, вследствие чего предвидеть или

предотвратить их было невозможно¹. Тяжелые обстоятельства как элемент состава кабальной сделки обуславливают именно невозможность для потерпевшей стороны заключить договор на более выгодных условиях вследствие дефицита времени или объективных ограничений при выборе контрагента. Если же интерпретировать данный признак шире², через обязательное наличие причинно-следственной связи между стечением тяжелых жизненных обстоятельств и заключением сделки, то возникает риск стирания границы между гражданско-правовым злоупотреблением в форме кабальной сделки и уголовно-правовым принуждением к ее заключению, где доминирует фактор насилия или угрозы³.

В п. 5.2.6 Концепции развития гражданского законодательства РФ указано, что «сделка может считаться совершенной на крайне невыгодных условиях, если цена, процентная ставка или иное встречное предоставление, получаемое или передаваемое потерпевшей стороной, в два или более раза отличается от предоставления другой стороны».

Отдельно стоит отметить, что запрет совершения кабальных сделок служит одной из форм проявления принципа добросовестности. Действительно, положения п. 3 ст. 179 ГК РФ идут вразрез с принципом свободы договора, отражая стремление в определенной степени повысить морально-нравственную сторону отношений в гражданском обороте. А.Г. Карапетов и А.И. Савельев видят в доктрине кабальности инструмент для осуществления судебного контроля в отношении крайне несправедливых условий заключаемых договоров. При этом ведущая роль в ограничении недобросовестного поведения отводится

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 ноября 2016 г. по делу № 305-ЭС16-9313, А40-91532/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановления ФАС Московского округа от 05 мая 2009 г. № КГ-А40/3400-09; от 25 сентября 2009 г. № КГ-А41/9854-09. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Кратенко М.В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты. «Волтерс Клувер» («Wolters Kluwer»), 2010. С. 49.

судебной практике¹. Потенциал применения п. 3 ст. 179 ГК РФ, по мнению ученых, зависит от допустимости предоставления судебным органам широкой дискреции при применении оценочных категорий, рамки которой должны быть установлены посредством активной разъяснительной работы высших судов².

Крайне негативную оценку доктрины кабальности можно встретить у И.А. Покровского, который придерживался мнения о неэффективности норм, запрещающих «эксплуататорские» или «ростовщические» договоры. Критерии, используемые для квалификации таких сделок, по мнению И.А. Покровского, являются ненадежными, требующими от судей проведения экономического анализа отношений, что выходит за рамки их деятельности. В целом автор приходит к выводу о том, что для помощи «экономически слабым» субъектам должны быть разработаны иные правовые средства³. Полагаем, что для ответа на вопрос о целесообразности существования в российском гражданском праве нормы о кабальных сделках необходимо более подробно проанализировать ее содержание, а также имеющуюся судебную практику.

В практике можно обнаружить интерпретационный подход, согласно которому для признания сделки недействительной как кабальной одного тяжелого обстоятельства недостаточно⁴. Позволим себе не согласиться с указанной точкой зрения, так как кабальную сделку следует рассматривать в качестве недействительной, руководствуясь наличием в ней порока воли. Считаем, что несоответствие между волей лица и его волеизъявлением может возникнуть вследствие действия и одного тяжелого обстоятельства. Так,

¹ См.: Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут, 2012. С. 400.

² См.: Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. С. 50.

³ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. С. 270-274.

⁴ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 24 августа 2012 г. № Ф09-6425/12 по делу № А60-29583/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

например, возбуждение в отношении истца уголовного дела признается стечением тяжелых жизненных обстоятельств¹.

В законе отсутствуют критерии крайней невыгодности содержания сделки, поэтому суды свободны в оценке доказательств данного условия. С точки зрения логики, подразумеваемой в комментируемой норме, крайне несправедливыми условия сделки являются тогда, когда они значительно отличаются от тех, которые встречаются на рынке в обычных условиях. Следует также акцентировать внимание на том, что закон говорит о «крайней невыгодности» договорных условий, что ориентирует суды на осторожное отношение к применению данной статьи только в случаях грубого и существенного отступления цены договора или иных его условий от обычного, рыночного уровня².

Еще одной серьезной проблемой квалификации кабальных сделок является проблема определения стечения тяжелых жизненных обстоятельств. А.Г. Карапетов определяет стечение тяжелых жизненных обстоятельств как «экстремальную ситуацию, возникшую для одной из сторон и сделавшую ее крайне заинтересованной в скорейшем совершении сделки в целях избежания еще больших бед»³. Например, это могут быть острая потребность в средствах для оплаты операции и приобретения лекарств, необходимость возмещения причиненного вреда.

Доказывание того, что контрагент знал или должен был знать о стечении тяжелых обстоятельств, достаточно затруднительно. В то же время суды могут в ряде случаев презюмировать знание в ситуации, когда контрагент находился в родственных или иных близких отношениях со стороной, вынужденной пойти на кабальные условия сделки. Так, например, ВС РФ презюмировал

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 08 августа 2017 г. по делу № 33-30570/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2018. С. 809.

³ Там же. С. 810.

осведомленность контрагента в ситуации, когда он сожительствовал с сыном попавшей в тяжелое положение стороны договора¹.

Для признания сделки кабальной необходимо доказать, что другая сторона воспользовалась стечением тяжелых жизненных обстоятельств. В науке нет единого мнения относительно смыслового содержания данного условия.

Согласно первому подходу, не играет роли, действует ли сторона в сделке активно (т.е. сама предлагает заключить кабальную сделку) или просто принимает предложение своего контрагента, который сам сформулировал кабальные условия договора. Юридически значимым является лишь само знание стороны о том, что сделка совершается другой стороной вынужденно, под воздействием стечения тяжелых обстоятельств².

Согласно другому подходу, подлежит обязательному доказыванию факт использования «обогатившимся» субъектом тяжелых жизненных обстоятельств. При этом под использованием следует понимать ситуацию, когда недобросовестная сторона навязала контрагенту такие условия, которые для него являются крайне невыгодными³. Данный подход существовал в советском гражданском праве. Так, И.Ю. Динесман приводит разъяснения Народного Комиссариата Юстиции РСФСР: «В таком именно смысле Народный Комиссариат Юстиции разъяснил, что кабальной сделка бывает тогда, когда, во-первых, «одна сторона использует в своих выгодах исключительно (малоземельное) или бедственное (голод) положение другой стороны» и, во-вторых «если, пользуясь этим тяжелым положением своего контрагента, более

¹ См.: Определение КГД ВС РФ от 23 мая 2017 г. № 19-КГ17-10. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

² Цит. по: Рыженков А.Я. Указ соч. С. 153.

³ См.: Савранская Д.Д. Кабальные сделки // Сделки, представительство, исковая давность: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. М., 2017. С. 411-412

сильная сторона диктует ему явно невыгодные, значительно отступающие от нормальных, условия договора»¹.

А.В. Зарубин обращает внимание на то, что «если offerentом выступила «потерпевшая сторона» и все условия сделки продиктованы ею, оснований для применения ст. 179 ГК РФ нет»². Таким образом, автор выделяет использование контрагентом стечения тяжелых жизненных обстоятельств в качестве обязательного признака кабальной сделки.

Первый подход является более справедливым. Есть основания полагать, что обязательность доказывания факта использования стечения тяжелых жизненных обстоятельств посредством активных действий предопределяет исход дела, фактически лишая пострадавшую сторону возможности доказать наличие кабальной сделки. Тем не менее закон все-таки содержит указание на использование, фактически блокируя тем самым возможность потерпевшего на защиту нарушенного права.

Дискуссионным является вопрос о выгодности заключения кабальной сделки для лица, действующего в силу стечения тяжелых обстоятельств. Так, А.Г. Карапетов пишет по этому поводу следующее: «...если сделка заключена хотя и в ситуации стечения тяжелых обстоятельств, но добровольно, то сколь бы ни была тяжелой ситуация для одного из контрагентов и сколь бы ни была несправедливой цена договора, сам факт заключения договора означает, что слабая сторона от этого выигрывает. Для нее заключение такого несправедливого договора лучше, чем его незаключение»³. Схожей позиции придерживается А.Б. Кубрава: «Сам факт заключения договора ... уже свидетельствует о выгодности, в той или иной степени, данного договора для

¹ См.: Динесман И.Ю. Кабальные сделки и ростовщичество. М.; Ленинград, 1926. С. 21-22.

² См.: Зарубин А.В. Недействительность сделок с пороками воли: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 24

³ См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2018. С. 812.

каждой из сторон, в том числе для той, которая заключила его вследствие стечения тяжелых обстоятельств. В такой ситуации признание его недействительным является излишней мерой, которая приводит к поощрению недобросовестного поведения именно лица, которое заключило такой договор вследствие стечения тяжелых обстоятельств»¹.

Нельзя не согласиться с тем, что заключение кабальной сделки в какой-то мере выгодно для «пострадавшей» стороны. Однако есть основания предполагать, что определенная выгода есть и в ситуации заключения сделки под влиянием угрозы. Так, сторона, заключая подобную сделку, избегает наступления неблагоприятных обстоятельств. Разница заключается в том, что в случае с кабальными сделками неблагоприятные обстоятельства возникают не по воле «обогатившейся» стороны. Полагаем, что порок воли, имеющийся в обеих ситуациях, должен приводить к недействительности заключаемых сделок.

В науке нет единого мнения о том, относятся ли кабальные сделки к сделкам с пороком воли. Есть позиция, согласно которой в случае кабальности речь идет вовсе не о пороке воли, а об инструменте *ex post* контроля справедливости договора².

Мы, в свою очередь, склонны согласиться с авторами, относящими кабальные сделки к сделкам с пороком воли³. Дело в том, что порок воли в кабальных сделках видится либо в несоответствии воли волеизъявлению, либо в порочности формирования самой воли⁴. По этой причине такие сделки в действующем законодательстве признаются недействительными, а норма о

¹ См.: Кубрава А.Б. Соотношение принципов свободы договора и добросовестности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 109-110.

² См.: Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. С. 366.

³ См.: Рыженков А.Я. Указ. соч. С. 152; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1: Части первая, вторая ГК РФ / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2009. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».; Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 292-322.

⁴ См.: Потапенко С.В., Зарубин А.В. Недействительность сделок с пороками воли, вызванными виновным поведением контрагента либо иных лиц // Известия Байкальского государственного университета. 2008. № 3. С. 125.

кабальных сделках содержится в ст. 179 ГК РФ вместе с другими составами сделок с пороком воли. Конституционный Суд РФ в Определении от 20.02.2014 № 371-О¹ указал, что наличие условий, предусмотренных п. 3 ст. 179 ГК РФ, свидетельствует об отсутствии свободного волеизъявления у лица.

Ранее мы неоднократно говорили о важности определения воли лица применительно к анализу его поведения с точки зрения действия принципа добросовестности. В.А. Ойгензихт понимал под волей «единый, комплексный процесс психического регулирования поведения (действий, поступков) субъекта». Рассматривая правовой аспект данного понятия, ученый считал именно регулятивную природу воли в качестве ее основной содержательной характеристики².

Я.А. Канторович, исследуя проблему соотношения воли и волеизъявления, пришел к интересным выводам. Анализируя «теорию изъяснения», рассматривающую волеизъявление в качестве объективного фактора, определяющего сущность и последствия совершенной сделки, автор приходит к убеждению о ее антисоциальной направленности. Несмотря на объективность волеизъявления, которая в большей степени обеспечивает интересы гражданского оборота, Я.А. Канторович предупреждает об опасности игнорирования воли лица как субъективной характеристики совершенной сделки. Необходимость в определении конкретного содержания воли продиктована потребностями государственной защиты «лиц, духовно и экономически слабых»³. Считаем подобный подход к оценке значимости исследования воли лица верным.

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 371-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Иванова Александра Геннадьевича и Титовой Оксаны Александровны на нарушение их конституционных прав п. 1 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

² См.: Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление. (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе: Дониш, 1983. С. 24.

³ См.: Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права / Я.А. Канторович; С предисл. проф. Ал. Малицкого. Харьков: Юрид. изд-во, НКЮ СССР, 1928. С. 72-73.

Конституционный принцип экономической солидарности свидетельствует о государственной заинтересованности в защите участников гражданского оборота, пострадавших от недобросовестного поведения. Повышенный стандарт, предъявляемый к оценке добросовестности субъектов, находит свое отражение и в рамках института недействительности сделок с пороком воли. По мнению А.В. Габова, правила толкования договора, закрепленные в ст. 431 ГК РФ, изначально рассчитаны на добросовестную модель поведения сторон и предполагают соответствие их воли и волеизъявления при совершении сделки. В ситуации же, когда такое соответствие отсутствует и правовой результат носит скрытый характер, установление действительного содержания сделки не может быть осуществлено посредством анализа одного лишь текста договора. В этих случаях выявление реальной направленности правоотношения требует обращения к совокупности фактических обстоятельств, связанных с переговорами сторон, условиями совершения и последующим исполнением сделки, а также допускает отказ от доверия формальным документам как единственному источнику правовой оценки¹. По этой причине воля и детерминанты, лежащие в основе ее формирования, должны быть подвергнуты более детальному анализу со стороны правоприменительных органов, которые не должны ограничиваться рассмотрением только внешней стороны совершаемых действий.

Внушает оптимизм, что в некоторых судебных решениях можно встретить характеристику кабальной сделки как сделки с пороком воли. Так, характеризуя признаки состава недействительности, закрепленного в п. 3 ст. 179 ГК РФ, Высший Арбитражный Суд РФ называет отсутствие у лица, заключающего договор, свободной воли в качестве условия кабальной сделки².

¹ См.: Габов А.В. Притворные сделки в отечественном праве: история и современность // Государство и право. № 2. 2022. С. 221.

² См.: Определение ВАС РФ от 18 мая 2010 г. № ВАС-5949/10 по делу № А53-8430/2009. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

С нашей точки зрения, вопрос о наличии или отсутствии порока воли не требует самостоятельного исследования в рамках оспаривания кабальных сделок. Стечение тяжелых жизненных обстоятельств, а также крайняя невыгодность совершенной сделки, позволяют говорить о том, что воля лица формировалась несвободно. Таким образом, имеет место фактическая презумпция порочной воли субъекта при доказанности двух других признаков кабальной сделки.

В доктрине существует точка зрения, согласно которой нет ничего предосудительного в поведении «обогатившейся» стороны. Так, А.Г. Карапетов пишет по этому поводу следующее: «Частное право не может и не должно требовать от участников оборота альтруизма. Поэтому, конечно же, сам по себе факт эксплуатации сильной стороной своего случайно образовавшегося переговорного преимущества не является порочным с правовой точки зрения. И этот тезис верен даже тогда, когда речь идет о стечении тяжелых обстоятельств. Случайно образовавшуюся переговорную силу сильная сторона вполне может использовать таким образом, чтобы добиться более выгодного содержания договора, чем то, которое, скорее всего, было бы согласовано в обычных условиях»¹.

Тем не менее представляется, что никто не должен использовать тяжелые обстоятельства, в которых оказалась другая сторона. Это противоречит общечеловеческим представлениям о гуманизме, и «низший предел нравственности», о котором писал В.С. Соловьев, в данном случае достигнут. Конфликт этических соображений с экономическими, о котором пишет А.Г. Карапетов, в подобных ситуациях должен разрешаться в пользу первых.

Оставляем за собой право не согласиться с подходом, согласно которому использование случайно возникшего переговорного преимущества при наличии

¹ См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2018. С. 809-810.

признаков кабальности заключенного соглашения является рациональным поведением стандартного участника гражданского оборота, в то время как аналогичное поведение в условиях информационного дисбаланса признается недопустимым. Так, в доктрине высказывается позиция, согласно которой, если лицо осознает, что его контрагент действует в неведении относительно существенного свойства объекта сделки, например, не знает об авторстве картины, принадлежащей ему и имеющей высокую рыночную стоимость, и умышленно не раскрывает такую информацию, заключенный договор может быть оспорен по основанию обмана. В данной ситуации недобросовестность связывается с сокрытием важной информации несмотря на то, что действие формально не нарушает закон. Аргументом служит наличие асимметрии информации, препятствующей достижению взаимовыгодного соглашения, что в свою очередь рассматривается как сбой рыночного механизма¹.

Возникает закономерный вопрос о возможности признания за сильной стороной права использования тех преимуществ, что возникли в результате нахождения другой стороны в неблагоприятном положении. Не вступает ли подобная позиция в противоречие с логикой, на которой строится критика умолчания при информационном дисбалансе? Есть все основания полагать, что если рыночная неэквивалентность, вызванная асимметрией знаний, признается в качестве основания для судебного вмешательства, то и наличие тяжелых жизненных обстоятельств, подвигнувшее сторону к заключению невыгодной для себя сделки, должно рассматриваться в качестве указанного основания. Так, Ж.И. Седова относит недопустимость нарушения принципа взаимности к виду отрицания недобросовестного поведения².

Указанное противоречие между допустимостью эксплуатации одной формы неравенства и запретом на другую лишь подчеркивает необходимость

¹ См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2018. С. 798-799.

² См.: Седова Ж.И. Указ. соч. С. 268.

переоценки нормативной конструкции кабальной сделки, особенно в части понимания недобросовестности и способов ее доказывания. На этом фоне особое значение приобретает анализ судебной практики, в результате которого можно проследить правоприменительную линию в части оценки условий сделок с неравным предоставлением и волеизъявлением одной из сторон, продиктованным сложившимися неблагоприятными обстоятельствами. Представляется важным исследование того, как именно суды интерпретируют совокупность объективных и субъективных признаков кабальности и какие стандарты доказывания фактически применяются при рассмотрении дел, в которых ставится вопрос о нарушении справедливого баланса интересов сторон. Полагаем, что примеры, представленные ниже, позволяют наглядно продемонстрировать внутренние противоречия, сложившиеся в судебной практике, а также степень ее соответствия тем задачам, которые законодателем изначально ставились перед институтом кабальной сделки.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 19-КГ17-10¹ демонстрирует несостоятельность существующего законодательного подхода к регулированию кабальных сделок. Женщина, страдающая тяжелым онкологическим заболеванием, ухаживающая за 89-летней матерью, оспаривала продажу единственного жилья для них троих, которое передала сожительнице сына за бесценок. Суды двух инстанций пришли к выводу об отсутствии правовых оснований для признания договора купли-продажи недействительным. И только кассационная инстанция в лице Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о наличии кабальной сделки и направила дело на новое рассмотрение.

В решении Пресненского районного суда города Москвы от 27.09.2021 № 02-0152/2021² был рассмотрен спор о признании недействительным договора

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 г. № 19-КГ17-10. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

² См.: Решение Пресненского районного суда города Москвы от 27 сентября 2021 г. № 02-0152/2021. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

об оказании медицинских услуг, заключенного в период критического ухудшения состояния пациента. Истец, действовавший в интересах своего отца, был вынужден заключить договор с частной клиникой на оказание срочного лечения по цене, превышающей 5,5 миллиона рублей. Кроме того, лечение носило срочный характер, а медицинская помощь была навязана как безальтернативная мера при угрозе жизни.

Несмотря на наличие крайне невыгодных условий, внезапности ситуации и отсутствия возможности ведения переговоров, суд не усмотрел в действиях клиники признаков недобросовестности. Ключевым аргументом послужило то, что договор был заключен посредством акцепта публичной оферты, то есть на условиях, одинаковых для всех пациентов. Суд указал на отсутствие доказательств индивидуального воздействия на волю пациента, тем самым исключив квалификацию сделки как кабальной. Таким образом, можно констатировать, что наличие тяжелых жизненных обстоятельств и заведомая несоразмерность встречных предоставлений были проигнорированы как основания недействительности.

Данный пример показателен тем, что даже в условиях очевидного дисбаланса и вынужденности заключения договора, защита слабой стороны оказалась невозможной в силу наличия высокого стандарта доказывания таких поведенческих элементов, как осведомленность и целенаправленное использование стечения тяжелых жизненных обстоятельств. Дополнительно обозначается вопрос о применимости положений о кабальности к договорам присоединения и публичной оферты, в которых внешне отсутствует давление со стороны, но фактически воля одной из сторон сформирована под воздействием объективно сложных обстоятельств. Возникает риск того, что юридическая форма сделки оказывается абсолютным барьером для применения положений о недобросовестности, что подрывает компенсаторную функцию института и блокирует его применение именно в тех ситуациях, ради которых он был введен.

В рамках рассматриваемого вопроса весьма показательным делом № А50-17597/2021, в котором религиозная организация пыталась оспорить заключенное

с Фондом соглашение, предметом которого являлась передача долговых обязательств, ранее обеспеченных договором поручительства. По сути, Приход фактически взял на себя обременение на десятки миллионов рублей, заключив соглашение, смысл которого заключался в замещении основного должника. При этом каких-либо встречных выгод, равно как и экономической заинтересованности в таком действии, сторона не имела.

В обоснование исковых требований о признании сделки недействительной религиозная организация пыталась сослаться на отсутствие намерения вступать в долговые отношения, утверждая, что действовала под давлением со стороны Фонда, в условиях зависимости и без должного понимания последствий. Суд первой инстанции встал на сторону истца, указав на наличие крайне невыгодных условий, отсутствие разумной экономической цели, а также на зависимое положение религиозной организации в отношениях с Фондом¹.

Однако вышестоящие судебные инстанции отменили данное решение, сославшись на отсутствие доказательств внешнего принуждения, что свидетельствует о добровольности подписания соглашения. Таким образом, Приход самостоятельно принял на себя обязательства, с полным пониманием их содержания и объема². В очередной раз отмечаем, что внимание судов было смещено с анализа волевой компоненты в сторону процедуры заключения сделки, а доказательства, свидетельствующие о зависимости, несоразмерности и отсутствии интереса были признаны недостаточными.

Фабула этого дела наглядно демонстрирует, что даже при наличии внешних признаков кабальности, таких как отсутствие встречного предоставления, дисбаланс обязанностей, зависимость одной стороны от другой, судебная практика продолжает исходить из необходимости доказательства

¹ См.: Решение Арбитражного суда Пермского края от 09 декабря 2021 г. по делу № А50-17597/2021. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

² См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 марта 2022 г. по делу № А50-17597/2021; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 мая 2022 г. по делу № А50-17597/2021; Определение Верховного Суда РФ от 05 сентября 2022 г. № 309-ЭС22-15317 по делу № А50-17597/2021. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

прямого недобросовестного воздействия. Таким образом, защита от эксплуатации слабой стороны оказывается недоступной, если последняя не в состоянии преодолеть исключительно высокий стандарт доказывания недобросовестности контрагента.

При этом ключевой вопрос, требующий постановки в доктрине, заключается в следующем: может ли договор, заключенный в условиях институциональной зависимости, без экономической целесообразности и на заведомо обременительных условиях, считаться результатом свободного волеизъявления только потому, что он формально подписан без внешнего давления? Полагаем, что принятая судами презумпция осведомленности и рациональности контрагента вступает здесь в прямое противоречие с принципами добросовестности и справедливости. Проанализированная судебная практика показывает, что при буквальном толковании п. 3 ст. 179 ГК РФ возможность оспаривания сделки как кабальной фактически сводится к нулю, если не имело места явного и прямого принуждения.

Противоположный правоприменительный вектор демонстрирует дело № А72-6442/2017¹, в рамках которого все судебные инстанции признали недействительным дополнительное соглашение к договору подряда, заключенное между индивидуальным предпринимателем и исправительным учреждением. Первоначальные условия договора предполагали производственно-экономически обоснованный объем выпуска продукции с участием осужденных, однако спустя несколько месяцев объем выпуска был многократно увеличен с 16,6 до 150 тонн в месяц. Кроме того, одновременно были ужесточены условия, снижена цена за единицу продукции и введены неприемлемо строгие штрафные санкции.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2019 г. № 306-ЭС19-1536 по делу № А72-6442/2017; Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 25 апреля 2018 г. по делу № А72-6442/2017; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 августа 2018 г. по делу № А72-6442/2017; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 ноября 2018 г. по делу № А72-6442/2017. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

В ходе рассмотрения данного дела судом было установлено, что дополнительное соглашение, закрепляющее названные условия, предприниматель подписал в условиях полной зависимости от контрагента. Так, при отказе от него учреждение блокировало производственный процесс, не выводило осужденных, задерживало отгрузки, отключало электроэнергию, а в самом документе содержится оговорка: «подписано во избежание срыва поставок, считаю цену завышенной». Названные обстоятельства позволили суду прийти к выводу, что действия учреждения носили системный характер, были направлены на целенаправленное принуждение к подписанию соглашения, содержание которого существенно нарушало баланс интересов сторон.

Снова обращаясь к вопросу о необходимости исследования воли сторон правоотношения, отдельно отметим, что суд квалифицировал поведение учреждения как недобросовестное, подчеркнув, что навязывание условий происходило в условиях утраты свободы экономического волеизъявления. В противовес сложившемуся формалистскому подходу заключение соглашения рассматривалось не как реализация свободы договора, а как вынужденный шаг, предпринятый под угрозой срыва исполнения обязательств перед внешними контрагентами. Именно обращение к анализу внутренней воли, сформированной факторами институционального и экономического давления, позволило суду применить положения о кабальной сделке.

С нашей точки зрения, данное дело заслуживает особого внимания как важный прецедент квалификации кабальной сделки, заключенной между юридическими лицами. А.И. Шайхутдинова, А.Е. Самотоина, Р.Ю. Матюшенков, анализируя правоприменительную практику по вопросу недействительности кабальных сделок, приходят к выводу о неэффективности существующих правил доказывания кабальности заключенного соглашения. По мнению указанных авторов, основание оспаривания, закрепленное в п. 3 ст. 179

ГК РФ, является практически неприменимым в отношении субъектов предпринимательской деятельности¹.

Приведенное дело, в свою очередь, свидетельствует о том, что недобросовестность как поведенческий стандарт может проявляться и в коммерческой среде, когда одна из сторон, используя зависимость контрагента, навязывает заведомо несправедливые условия.

На наш взгляд, рассмотренный прецедент имеет принципиальное значение, смещая акцент с субъективного умысла на объективные последствия поведения. Суд исходил не столько из наличия намерения извлечь выгоду из тяжелой ситуации контрагента, сколько из установленного факта навязывания условий при утрате свободы договора, что представляется оправданным. Подобный подход позволяет по-новому взглянуть на состав кабальной сделки как на механизм правовой защиты, применимый в том числе к отношениям, в которых зависимости и давление могут быть скрыты за внешне легальной процедурой подписания соглашения.

А.А. Карпова, исследуя процессуальные проблемы доказывания истцом оснований недействительности сделки, обращает внимание на уязвимое положение субъекта доказывания, в том числе в силу использования законодателем оценочных категорий². В качестве одного из возможных способов преодоления доказательственной асимметрии сторон называются презумпции³. Выражаем поддержку данной точке зрения, видя в ней обоснованный способ нивелирования дисбаланса, возникающего при использовании оценочных категорий.

¹ См.: Шайхутдинова А.И., Самоилова А.Е., Матюшенков Р.Ю. Практика применения ст. 179 ГК РФ: угроза, обман, кабальность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 4. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант плюс».

² См.: Карпова А.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в гражданском судопроизводстве: дис. ... кандидата юридических наук. Самара, 2022. С. 147-148.

³ Там же. С. 151-153.

Проблема высокой доказательственной нагрузки на сторону, оспаривающую кабальную сделку, становится особенно заметной в тех случаях, когда внешнее соблюдение юридической формы сопровождается нарушением внутренней свободы волеизъявления. Возникает последовательный вопрос, насколько такая конструкция состава кабальности отвечает цели правового регулирования подобных ситуаций. Представляется уместным в этой связи обратиться к нормам специального законодательства, где аналогичные по своему характеру сделки регулируются с использованием иной доказательственной логики. Нормы о признании недействительной сделки, заключенной под воздействием неблагоприятных обстоятельств, можно обнаружить в ст. 125 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ (далее – КВВТ РФ) от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ¹ и ст. 339 Кодекса торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ² (далее – КТМ РФ). В качестве фактов, доказательство которых позволяет признать заключенный договор недействительным, в указанных статьях закреплены следующие: наличие чрезмерного воздействия или влияния опасности и несправедливость условий.

Таким образом, для признания недействительным договора по правилам КВВТ РФ и КТМ РФ необходимо доказательство наличия двух условий, а не трех, как этого требует п. 3 ст. 179 ГК РФ.

Вполне обоснованно можно предположить, что отсутствие в законе указания на необходимость установления факта использования сложившейся опасной ситуации для заключения договора на несправедливых условиях, обусловлено фактической презумпцией недобросовестности выгодоприобретателя, послужившей для закрепления правила о недействительности. При этом по смыслу рассматриваемых норм установление

¹ См.: Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1001; 2025. № 31. Ст. 4661.

² См.: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207; 2025. № 31. Ст. 4658.

условий наличия воздействия или влияния опасности и несправедливости договора позволяет признать заключенный договор недействительным без исследования вопроса добросовестности контрагента. Исключение указанного вопроса из предмета доказывания позволяет говорить об отсутствии у ответчика возможности доказать свою добросовестность, а значит, в указанных статьях отсутствует юридическая презумпция недобросовестности.

Отдельного внимания заслуживает использование законодателем оценочной терминологии, в частности «чрезмерное воздействие», «влияние опасности». Каким образом соотносятся названные понятия с понятием «стечение тяжелых жизненных обстоятельств»? Полагаем, что здесь возможно две возможные линии рассуждения.

Во-первых, можно сказать о том, что «чрезмерное воздействие» и «влияние опасности» скорее сопоставимы с влиянием угрозы, то есть следует проводить соотношение ст. 125 КВВТ и ст. 339 КМТ с п. 1 ст. 179 ГК РФ. В обоснование указанного подхода можно привести п. 98 Постановления Пленума ВС РФ от 2015 г. № 25, согласно которому угроза по смыслу данной нормы может исходить не только от стороны сделки, но и от третьего лица, о чем другая сторона сделки знала.

Во-вторых, можно говорить о смысловой тождественности между «стечением тяжелых жизненных обстоятельств» и «чрезмерным воздействием», «влиянием опасности». Действительно, рассматриваемые понятия, являясь оценочными, предполагают некое объективное воздействие. Ранее уже отмечалось, что понятие «стечение» не означает наличия нескольких обстоятельств, а соответственно, мы можем исходить из того, что «чрезвычайное воздействие» и «влияние опасности» вполне соотносимы с содержательным объемом понятия «стечение тяжелых жизненных обстоятельств».

Оставляем за собой право отдать предпочтение именно второму подходу. Исходя из толкования, содержащегося в п. 98 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2015 г. № 25, угрозу следует понимать в качестве обстоятельства, порожденного конкретным лицом с определенным намерением.

Применительно к ситуациям, возникающим на водном транспорте, следует говорить о факторах, которые, как правило, не связаны с поведением определенного лица, а вызваны некими обстоятельствами окружающей действительности. На наш взгляд, вполне определенно можно говорить о том, что смысловое содержание такого основания недействительности как заключение договора под чрезмерным воздействием или под влиянием опасности при несправедливости его условий позволяет отнести сделки, подпадающие под указанные условия, к кабальным. Указанная точка зрения находит подтверждение и в доктрине¹.

Отдельного внимания заслуживает немногочисленная судебная практика по делам о признании недействительными договоров по ст. 339 КТМ РФ. Стоит отметить, что на данный момент отсутствует устойчивая правоприменительная линия по вопросу толкования исследуемых понятий. Более того, в своих решениях суды, как правило, оставляют за рамками вопрос, касающийся оценки наличия чрезмерного воздействия или влияния опасности как оснований для признания сделки недействительной, ограничиваясь исследованием условий на предмет их справедливости².

Сопоставление конструкции кабальной сделки, закрепленной в п. 3 ст. 179 ГК РФ, с нормами КВВТ РФ и ст. 339 КТМ РФ позволяет обратить внимание на обстоятельство, имеющее значение для дальнейшего развития указанного состава недействительности. В специальных нормах для признания договора недействительным основное значение приобретают не внутренние мотивы контрагента, а объективное положение стороны, вынужденной заключить договор под влиянием опасности.

¹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. 5-е изд., стер. М.: Статут, 2011. С. 843-844.

² См.: решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 4 января 2019 г. по делу № А56-71401/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; решение Арбитражного суда Сахалинской области от 23 декабря 2010 г. по делу № А59-3448/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

В действующей редакции п. 3 ст. 179 ГК РФ потерпевшая сторона должна доказать не только стечение тяжелых обстоятельств и крайнюю невыгодность условий сделки, но и то, что другая сторона воспользовалась таким положением. Именно этот элемент, при всей его внешней простоте, на практике становится наиболее затруднительным. Потерпевший, как правило, способен подтвердить свое тяжелое положение, отсутствие реальной альтернативы, срочность заключения сделки, очевидный дисбаланс встречных предоставлений. Однако доказать внутреннюю осведомленность контрагента и направленность его поведения на использование сложившейся ситуации значительно сложнее, поскольку такие обстоятельства находятся преимущественно в сфере поведения другой стороны.

В связи с этим представляется возможным говорить не об отказе от субъективного элемента кабальной сделки, а о необходимости иного распределения доказательственного риска. Так, если потерпевшая сторона доказала наличие тяжелых обстоятельств, крайнюю невыгодность условий сделки, связь между своим положением и совершением сделки, а также обстоятельства, из которых следует, что контрагент знал или должен был знать о сложившейся ситуации, дальнейшее доказывание использования этого положения не должно во всей полноте возлагаться на потерпевшего. При такой совокупности обстоятельств поведение контрагента, получившего преимущество, должно предполагаться недобросовестным, пока им не доказано иное.

Отдельно отметим, что подобный подход отнюдь не означает автоматического признания сделки недействительной, а лишь устраняет ту доказательственную асимметрию, которая де-факто блокирует применение института кабальной сделки. Контрагент сохраняет возможность доказать, что условия сделки имели разумное экономическое основание, соответствовали обычным условиям оборота, что он не знал и не должен был знать о тяжелом положении другой стороны либо что потерпевший располагал реальной возможностью заключить сделку на иных условиях. Следовательно,

предлагаемая презумпция не разрушает свободу договора, а уточняет пределы ее осуществления в тех случаях, когда договорная форма используется при очевидном ограничении свободы волеобразования другой стороны.

С учетом изложенного представляется необходимым внести изменение в п. 3 ст. 179 ГК РФ, дополнив его абзацем следующего содержания:

«Если потерпевшим доказано, что сделка была совершена вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для него условиях, а также установлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что другая сторона знала или должна была знать о тяжелом положении потерпевшего, предполагается, что другая сторона воспользовалась указанными обстоятельствами, пока ею не доказано иное»;

В таком виде изменение п. 3 ст. 179 ГК РФ позволило бы сохранить классический состав кабальной сделки, но устранить его наиболее слабое место, связанное с почти недостижимым доказыванием внутренней направленности поведения контрагента. Значение предлагаемой презумпции состоит именно в том, что она не подменяет собой установление кабальности, а переносит на сторону, получившую преимущество, обязанность объяснить добросовестность своего поведения при доказанности объективных признаков тяжелого положения и крайней невыгодности условий сделки.

Итогом проведенного исследования является следующее положение, выносимое на защиту.

При оспаривании кабальной сделки (п. 3 ст. 179 ГК РФ) целесообразно закрепить презумпцию использования контрагентом тяжелого положения потерпевшего. Для ее активации истец обязан доказать факты, вынужденный характер сделки, крайнюю невыгодность ее условий и осведомленность (должную осмотрительность) ответчика о тяжелом положении.

Процессуальное назначение данной конструкции состоит не в предрешении недействительности, а в перераспределении доказательственного риска. Презумпция облегчает установление наиболее труднодоказуемого элемента состава - субъективного факта «использования». Бремя опровержения

этого предположения переходит к ответчику, который вправе доказать отсутствие осведомленности либо отсутствие причинной связи между тяжелым положением и условиями сделки. Иные элементы состава основания недействительности подлежат доказыванию истцом в общем порядке.

§ 2.2. Презумпция недобросовестности при заявлении о применении исковой давности

Статья 46 Конституции РФ закрепляет право каждого на судебную защиту. По справедливому утверждению С.Ж. Соловых, указанное право содержит в себе не только индивидуальный (частный) интерес, заключающийся в восстановлении нарушенного права, но и публичный интерес, «направленный на поддержание законности и конституционного правопорядка»¹. Данный вывод представляется крайне важным в контексте настоящего исследования и выступает опорой дальнейших размышлений о пределах его реализации.

Справедливой представляется точка зрения М.Н. Зарубиной, отмечающей, что юридические конструкции, определяющие предпосылки и условия реализации права на обращение в суд, не должны препятствовать заинтересованным субъектам в беспрепятственном получении судебной защиты². Подобное замечание имеет значение не только для оценки процессуальных барьеров как таковых, но и для постановки вопроса о том, где проходит граница между допустимым ограничением судебной защиты и таким использованием процессуальных прав, при котором формальная ссылка на закон начинает обслуживать недобросовестный интерес.

Однако признание права на судебную защиту одним из базовых конституционных прав само по себе не означает его безграничности. В целях

¹ См.: Соловых С.Ж. Право на судебную защиту и его реализация в арбитражном судопроизводстве // Научный портал МВД России. 2012. № 4. С. 105.

² См.: Зарубина М.Н. О законодательных уловках ограничения права на обращение в суд с исками о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 2, ч. 1. С. 349–356.

устойчивости гражданского оборота возможность судебной защиты нарушенных прав ограничена временными пределами. Указанные пределы именуются исковой давностью, правовой регламентации которой посвящена глава 12 Гражданского кодекса РФ.

Согласно статье 195 ГК РФ: «Исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено». Данный институт традиционно рассматривается в качестве материально-правового¹. Между тем, некоторые авторы вполне обоснованно указывают на его процессуальное значение: «Процессуальное значение исковой давности заключается в том, что данный институт регулирует условия, при которых может нормально отправляться правосудие, так как при истечении срока исковой давности...невозможно удовлетворить задавленное требование»².

Полагаем, что срок исковой давности все же материально-правовой институт, целью которого является «упорядочивание гражданского оборота»³, обладающий процессуальным значением. При этом следует иметь в виду, что срок исковой давности по своей правовой природе не является пресекательным сроком, то есть его истечение не прекращает материально-правовых отношений сторон и не освобождает их от исполнения взаимных обязательств⁴.

Согласно п. 2 ст. 199 ГК РФ исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. В науке существует точка зрения, согласно которой заявление ответчика об

¹ См.: Грибков Д.А. Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2009. С. 12.; Вострикова Л.Г. Сроки осуществления гражданских прав. М., 2000. С. 70.; Савин К.Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 24-25.

² См.: Беджаше Л.К. Институт исковой давности в механизме принудительной защиты субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 10.

³ См.: определение Конституционного Суда РФ от 3 ноября 2006 г. № 445-О «По жалобам граждан Бронникова Валерия Акимовича и Володиной Николая Алексеевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 2. Ст. 408.

⁴ См.: Гражданское право и процесс. Избранные труды / Е. А. Крашенинников [и др.]; ответственный редактор Ю. В. Байгушева. М: Издательство Юрайт, 2020. С. 377.

истечении срока исковой давности обязывает суд отказать в иске¹. Однако, по нашему мнению, данная позиция не соответствует буквальному толкованию данной нормы. Законодатель закрепил истечение срока исковой давности лишь в качестве «основания к вынесению судом решения об отказе в иске».

Кроме того, в пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 07.02.2017) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» разъяснено, что «...при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд *вправе* отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела», а значит, использование формулировки «вправе» свидетельствует о сохранении за судом дискреционных полномочий и допускает возможность отказа от применения исковой давности и исключает автоматизм в разрешении вопроса о давностных сроках.

Заявление об истечении срока исковой давности выступает в качестве субъективного права лица. Однако наличие процессуальной формы еще не означает, что соответствующее право реализуется в согласии с его назначением². Согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ, если лицо злоупотребляет своими правами, то суд вправе отказать в защите принадлежащих ему прав. Так, в доктрине можно обнаружить мнение, согласно которому ссылка ответчика на истечение давностного срока есть не что иное, как один из способов защиты гражданских

¹ См.: Кириллова М.Я., Крашенинников П.В. К 43 Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2016. С. 42

² См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 365; Исаенкова О.В. Право на судебную защиту: некоторые проблемы реализации // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 18 февраля 2016 г.) / редкол.: А.В. Герасимов, Д.Б. Данилов, М.В. Жаботинский, И.К. Харитонов, Н.В. Жукова, А.И. Макаренко. 2016. С. 6-11.

прав¹. Действительно, перечень способов защиты, закрепленный в ст. 12 ГК РФ, является открытым, поэтому данная точка зрения представляется справедливой.

Все вышеизложенное позволяет сделать последовательный вывод о том, что данное положение распространяется и на такой способ защиты нарушенных прав как заявление об истечении срока исковой давности, то есть закон допускает возможность признания судом указанного заявления злоупотреблением правом².

К сожалению, проблема признания заявления о пропуске срока исковой давности злоупотреблением правом практически не исследована в доктрине. В этой связи заслуживает внимания мнение К.Г. Савина, который обоснованно отмечает недостаточную разработанность указанного вопроса в российской литературе и практике, несмотря на его очевидную актуальность и практическое значение. По его мнению, отечественное право практически игнорирует влияние недобросовестности должника на течение исковой давности, что вступает в противоречие с фундаментальными принципами справедливости и добросовестности³.

Опираясь на историко-правовой анализ, автор справедливо обращает внимание на подход римского права, где хотя *bona fides* и не являлась обязательным условием исковой давности, тем не менее, если должник сознательно препятствовал предъявлению иска, истечение давности исключалось (*fraus omnia corrumpit*)⁴. Обращаясь к опыту зарубежных

¹ См.: Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Можно ли признать заявление об истечении исковой давности злоупотреблением правом? // Закон. 2014. № 8. С. 5; Потеева А.В. О злоупотреблении правом на обращение с заявлением о применении исковой давности: вопросы правовой квалификации // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 2 (82). С. 96.

² Данный вопрос ранее исследовался автором. См.: Антонов М.А. Признание заявления о применении исковой давности злоупотреблением правом // Правовая система и вызовы современности: материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках V Международного юридического молодежного форума: в 2 ч. Уфа, 2020. С. 9–13.

³ См.: Савин К.Г. *Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве*: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — М., 2019. С. 122.

⁴ Там же. С. 124-125.

правопорядков и международных документов, в частности, следует отметить подход американской судебной практики, где сокрытие должником оснований иска признается самостоятельным основанием для приостановления течения срока давности (дело *Moviecolor Ltd. v. Eastman Kodak Co.*)¹.

Автор указывает на возможные механизмы защиты потерпевшего от недобросовестности должника в российском праве, такие как специальные нормы, изменяющие начало течения срока (например, п. 2 ст. 181 ГК РФ), а также непринятие возражения о давности по мотиву злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Вместе с тем справедливо критикуется существующая редакция п. 2 ст. 181 ГК РФ, которая ограничивает возможность учета недобросовестности лишь моментом совершения сделки, игнорируя те случаи, когда недобросовестные действия должника осуществляются после заключения договора и непосредственно препятствуют своевременному предъявлению иска (сокрытие информации, уничтожение документов и иные аналогичные действия)².

Важной представляется сформулированная автором оговорка о том, что отказ в применении исковой давности должен быть экстраординарной мерой и не применяться автоматически, поскольку не любое недобросовестное поведение приводит к объективной невозможности своевременно подать иск. Кроме того, К.Г. Савин справедливо отмечает, что при решении данного вопроса необходимо учитывать степень разумности и осмотрительности кредитора, так как пропуск срока давности может быть вызван не только умышленными действиями должника, но и пассивностью или бездействием самого потерпевшего³.

В то же время, несмотря на убедительность ряда аргументов автора, его мнение о том, что негативное влияние должника на исковую давность

¹ См.: *Moviecolor Ltd. v. Eastman Kodak Co.*, 288 F.2d 80 (2d Cir. 1961); Lowenthal M.A. et al. Op. cit. P. 1088, п. 364.

² См.: Савин К.Г. Указ. соч. С. 134.

³ Там же.

целесообразнее регулировать специальными нормами о начале и приостановлении течения исковой давности, полностью не учитывает специфику института злоупотребления правом. В этой связи полагаем, что механизм ст. 10 ГК РФ должен рассматриваться не как дополнительный, а как самостоятельный инструмент для предотвращения злоупотреблений именно на стадии реализации ответчиком своего субъективного права на возражение о давности¹. Если специальные нормы об изменении начала течения срока давности не способны защитить интересы добросовестного истца, то суду должна быть предоставлена возможность квалифицировать само заявление ответчика о пропуске давности как самостоятельный акт злоупотребления правом, применяя к нему санкции, предусмотренные п. 2 ст. 10 ГК РФ.

С.В. Сарбаш рассматривает заявление о применении исковой давности как юридическое средство защиты законных интересов ответчика, придавая ему характер правомерного действия. В то же время автор допускает возможность квалификации такого заявления в качестве злоупотребления правом, однако указывает, что подобный подход должен иметь исключительный характер. По его мнению, активное применение ст. 10 ГК РФ в данном контексте способно подорвать устойчивость гражданского оборота и лишить институт исковой давности присущего ему формализма².

Исходя из этой логики, использование механизма блокирования ссылки на исковую давность на основании недобросовестности ответчика допустимо лишь в случаях, когда его действия объективно препятствовали реализации права на судебную защиту. При этом С.В. Сарбаш подчеркивает, что вопрос о

¹ См.: Шеменева О.Н. Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 343-353. Автор отмечает, что недобросовестное и противоречивое поведение должно влечь утрату права на возражение в целях недопущения нарушения прав и законных интересов добросовестных участников правоотношения.

² См.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. М.: М-Логос, 2018. С. 1179-1180.

допустимости и пределах квалификации заявления о применении исковой давности как злоупотребления правом в настоящее время не получил окончательного разрешения в российской доктрине и требует дальнейшей разработки¹.

Такой подход отражает стремление сохранить формализованный характер института исковой давности, допуская лишь точечное применение принципа добросовестности для недопущения очевидных злоупотреблений со стороны ответчика.

Особого внимания заслуживает позиция А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко, которые рассматривают институт исковой давности в тесной связи с принципом добросовестности, закрепленным в п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ. Авторы исходят из того, что заявление о применении исковой давности является формой осуществления права на защиту и, как любое субъективное право, подчиняется общему запрету злоупотребления. Они подчеркивают, что в случаях, когда действия ответчика носили явно недобросовестный характер и фактически препятствовали обращению истца за защитой нарушенного права, ссылка на истечение срока исковой давности может быть отвергнута судом на основании ст. 10 ГК РФ².

Развивая данную мысль, авторы отмечают, что правовая природа отказа в защите по ст. 10 ГК РФ заключается не в наказании лица, злоупотребившего правом, а в восстановлении справедливого баланса интересов сторон. В этой связи они указывают, что запрет злоупотребления распространяется на право на защиту вне зависимости от его квалификации как составной части субъективного права или самостоятельной категории, а санкция в виде отказа в защите может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика.

Важной представляется аргументация А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко о том, что в ряде случаев противоправность поведения ответчика, препятствовавшего защите нарушенного права, может быть завуалирована и

¹ Там же.

² См.: Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Указ. соч. С. 93-97.

проявляться в сложных схемах, включающих множественность лиц, последовательные сделки и сокрытие информации. В подобных ситуациях формальное применение правил об исковой давности без учета принципа добросовестности приводит к лишению потерпевшего реальной возможности защиты. Авторы справедливо отмечают, что при выявлении таких обстоятельств суд не вправе игнорировать недобросовестность ответчика и обязан отказать в принятии его заявления о применении исковой давности.

Примечательным является и акцент на взаимосвязи гражданско-правового и уголовно-правового аспектов. Если нарушение гражданского права сопряжено с деянием, содержащим признаки преступления (например, мошенничеством), то только в результате уголовного преследования могут быть установлены факты, необходимые для защиты нарушенного права. В этом контексте авторы обосновывают возможность исчисления срока исковой давности с момента выявления преступного характера действий нарушителя. Данный подход позволяет учесть объективную невозможность предъявления иска ранее и нивелировать последствия недобросовестного поведения ответчика.

Есть все основания полагать, что точка зрения А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко подтверждает допустимость применения ст. 10 ГК РФ в отношении заявления о применении срока исковой давности в случаях, когда действия ответчика выходят за пределы добросовестного осуществления права на защиту и фактически блокируют обращение истца в суд. Данный подход позволяет сочетать формализованный характер исковой давности с механизмами, обеспечивающими защиту добросовестных участников оборота от завуалированных злоупотреблений.

С приведенным выводом соотносится мнение М.Н. Зарубиной, указывающей на необходимость выявления признаков недобросовестного поведения как до подачи заявления в суд, так и в судебном разбирательстве¹.

¹ См.: Зарубина М.Н. Принцип добросовестности государственных органов и должностных лиц при рассмотрении дел особого производства // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 45-49.

Хотя предметом ее анализа являются дела особого производства, значимой представляется сама связь между поведением лица до суда и его последующими процессуальными действиями. Если ответчик до обращения истца в суд создает препятствия для своевременной защиты нарушенного права, последующее заявление о применении исковой давности уже не может оцениваться вне этой предшествующей модели поведения.

Заслуживает особого внимания позиция А.В. Потеевой, которая рассматривает заявление об истечении срока исковой давности как форму осуществления субъективного права, на которую в полной мере распространяется запрет злоупотребления, закрепленный в п. 2 ст. 10 ГК РФ¹. Автор, анализируя имеющуюся правоприменительную практику, предлагает двухступенчатый тест выявления злоупотребления: во-первых, суд должен оценивать, препятствовало ли поведение ответчика обращению в суд или влияло на волю истца, и, во-вторых, не содержит ли оно внутреннего противоречия, например, добровольного исполнения обязательства при последующей ссылке на истечение срока давности. При этом А.В. Потеева обращает внимание на необходимость рассматривать «вред» не только в материально-правовом, но и в процессуальном ключе, то есть как умаление права на судебную защиту в результате блокирования доступа истца к правосудию. Такой подход позволяет обосновать отказ в применении исковой давности не как санкцию за недобросовестность ответчика, а как средство восстановления баланса интересов сторон, что созвучно идее стабилизирующей функции принципа добросовестности, отраженной в п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ.

Кроме того, весьма интересна идея о приоритетности защиты нарушенного права над стабильностью оборота через конституционные положения, обоснованная отсутствием норм, прямо закрепляющих приоритет стабильности, что исключает возможность формального применения исковой давности в ущерб

¹ См.: Потеева А.В. О злоупотреблении правом на обращение с заявлением о применении исковой давности: вопросы правовой квалификации // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 2 (82). С. 107-114.

праву на судебную защиту. Полагаем, что приведенный тезис о признании злоупотреблением противоречивых действий ответчика может быть соотнесен с предложенной в настоящем диссертационном исследовании категорией «иррациональное поведение», когда формально правомерное поведение подрывает устойчивость оборота и противоречит целевому назначению субъективного права.

В науке существует точка зрения, согласно которой судебная практика, в которой недобросовестность ответчика выступала основанием для неприменения исковой давности, носит крайне ограниченный характер¹. Между тем, проведенный в настоящей работе анализ показывает противоположную динамику: в последние годы суды все чаще используют отказ в применении исковой давности, прямо ссылаясь на недобросовестность ответчика. Таким образом, утверждение авторов о единичности подобных случаев к настоящему моменту уже не соответствует фактическому состоянию судебной практики и требует существенного пересмотра².

Серьезные возражения вызывает предложение авторов о признании основанием для отказа в применении исковой давности так называемых «иных фактических обстоятельств», таких как отсутствие у истца достаточных денежных средств или семейные трудности, затрудняющие своевременное обращение в суд. Подобный подход смещает акценты с юридической оценки поведения ответчика на социально-бытовые обстоятельства, зависящие от истца, и тем самым фактически размывает границы института злоупотребления правом. Это предложение не только не соответствует духу и букве закона, но и способно значительно ослабить стабильность гражданского оборота и подорвать предсказуемость судебной защиты³.

¹ См.: Власов А.А., Двалишвили Л.З. Недобросовестность ответчика как основание неприменения судом срока исковой давности // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Вып. 4 С. 1056 - 1068.

² Там же. С. 1059-1060.

³ Там же. С. 1061.

В то же время интерес вызывает сделанное авторами разграничение понятий «грубой» и «явной» недобросовестности. Грубая недобросовестность характеризуется как поведение, сопряженное с серьезным и очевидным ущербом для контрагента, в то время как явная недобросовестность отражает очевидность нарушения общепринятых стандартов поведения, однако не обязательно связана с тяжестью наступивших последствий. С этой точки зрения необходимо подчеркнуть, что предлагаемая в настоящем исследовании категория «иррационального поведения» существенно отличается от этих понятий. Иррациональное поведение не предполагает явного или грубого нарушения, а представляет собой тонкий, внутренне противоречивый феномен, при котором внешне формально допустимое, даже безупречное поведение субъекта скрывает внутреннее нарушение нравственных ориентиров, целей и ценностей, лежащих в основе соответствующих правовых норм. Иррациональное поведение, таким образом, выступает как форма завуалированного злоупотребления, требующая от суда более глубокого анализа мотивов, воли и обстоятельств поведения сторон, и не может быть отождествлена с грубой или явной недобросовестностью¹.

Дополнительного анализа требует предложение А.А. Власова и Л.З. Двалишвили о возможности отказа в применении исковой давности в тех ситуациях, когда ответчик заверял истца о своем намерении не ссылаться на истечение срока давности, но впоследствии все же заявил об этом в суде. Авторы считают подобное поведение недобросовестным и заслуживающим санкции в виде отказа от применения срока давности².

Однако данный тезис вызывает серьезные сомнения как с точки зрения действующего законодательства, так и с позиций принципа добросовестности. Во-первых, любое соглашение сторон, направленное на изменение установленных законом сроков исковой давности, прямо запрещено нормами ст.

¹ См.: Власов А. А., Двалишвили Л. З. Указ. соч. С. 1062.

² Там же. С. 1065.

198 ГК РФ и признается ничтожным. Следовательно, любые заверения или обещания ответчика о том, что он не станет ссылаться на пропуск срока, не могут иметь юридической силы и не могут формировать у истца правомерные ожидания судебной защиты вне установленного законом срока.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что само по себе подобное поведение ответчика трудно квалифицировать как злоупотребление правом. Если рассматривать это с точки зрения иррационального поведения, то здесь действительно прослеживается внешне законное, но внутренне противоречивое поведение ответчика, создающее у истца определенные ложные ожидания. Тем не менее важно учитывать, что в подобном случае истец обладает реальной возможностью защиты своих прав путем своевременного обращения в суд, и заведомо незаконные заверения ответчика не должны служить основанием для расширительного применения ст. 10 ГК РФ. Иными словами, внутренний нравственный конфликт в поведении ответчика в таких случаях недостаточно глубок для того, чтобы перевесить фундаментальные интересы правовой стабильности и определенности, стоящие за институтом исковой давности.

В этой связи более корректным представляется подход, при котором подобные ситуации не должны служить основанием для признания поведения ответчика недобросовестным, поскольку сама возможность истца защитить свое право в установленный законом срок исковой давности не была ограничена объективно и зависела исключительно от его собственного выбора и добросовестности поведения.

В литературе обращается внимание на возможность отказа в применении исковой давности как на форму реализации п. 2 ст. 10 ГК РФ. Так, К.Г. Савин, анализируя постановление ФАС Уральского округа по делу о взыскании имущества, похищенного путем мошеннических действий, прямо называет отказ в учете исковой давности «санкцией за злоупотребление правом»¹. По его

¹ См.: Савин К.Г. К проблеме влияния преступления на исчисление срока исковой давности / К. Г. Савин // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мнению, в ситуациях, когда поведение стороны явно противоречит принципу добросовестности, суд не должен принимать ее возражения о пропуске давностного срока, даже если формально основания для его применения присутствуют. Такой подход рассматривается автором как способ нейтрализации попыток недобросовестного субъекта использовать правопорядок в своих целях при очевидном несоответствии его действий требованиям п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ¹.

Вместе с тем следует признать, что теоретические конструкции нуждаются в подтверждении со стороны правоприменения, способного сформировать ориентиры для определения пределов допустимости квалификации заявления об истечении исковой давности как злоупотребления правом. По этой причине ориентиром при решении вопроса о допустимости такого подхода к регулированию указанных правоотношений должна служить судебная практика. В большинстве случаев суды не прибегают к анализу положений главы 12 ГК РФ на предмет возможного отказа в применении срока исковой давности в силу недобросовестного поведения ответчика, так как закон напрямую о такой возможности не говорит. Однако существуют и такие судебные акты, в которых суды делали вывод о злоупотреблении указанным правом на защиту.

Точку зрения, согласно которой заявление о применении срока исковой давности признавалось злоупотреблением правом, можно обнаружить в Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 07.11.2006 № Ф08-5243/2006 по делу № А63-420/2005-С2². Суд квалифицировал как злоупотребление правом действия ответчика, оспаривавшего в судебном порядке право истца на акции и тем самым лишившего его возможности предъявить в установленный законом

¹ Данный вопрос ранее исследовался автором. См.: Антонов М.А. Признание заявления о применении исковой давности злоупотреблением правом // Правовая система и вызовы современности: материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках V Международного юридического молодежного форума: в 2 ч. Уфа, 2020. С. 9–13.

² См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07 ноября 2006 г. № Ф08-5243/2006 по делу № А63-420/2005-С2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

срок исковой давности иск о признании недействительным решения собрания акционеров. Аргументация, приведенная в судебном решении, полностью соответствует изложенным ранее выводам: «В силу статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации суд может отказать в защите лицу, допустившему злоупотребление правом. Заявление о применении срока исковой давности является одним из способов защиты прав. Следовательно, на него распространяется правило о возможности отказа в судебной защите лицу, злоупотребляющему своими правами; если ответчик своими действиями препятствовал своевременной подаче иска, суд может отказать в применении срока исковой давности». Следует обратить внимание на то, что суд применил ст. 10 ГК РФ в ситуации, когда ответчик своими недобросовестными действиями фактически заблокировал возможность другой стороны получить судебную защиту в пределах установленного законом давностного срока.

Аналогичная правовая позиция была воспроизведена в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 N 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16¹. Утрата корпоративного контроля участниками общества вследствие их незаконного исключения сделала невозможным обращение в суд за защитой нарушенного права в пределах срока исковой давности. Обращение в судебные органы стало осуществимым только после последовательного оспаривания всех совершенных в результате злоупотребления генеральным директором сделок и принудительного прекращения его полномочий. В такой ситуации Президиум посчитал обоснованным отказ судов в применении исковой давности как санкции за злоупотребление правами.

В Постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 мая 2016 г. № 12АП-4461/16² судебная коллегия признала заявление об истечении срока исковой давности злоупотреблением правом при отсутствии со

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 мая 2016 г. № 12АП-4461/16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стороны ответчика действий, препятствующих своевременному обращению в суд: «Срок исковой давности не применяется в силу пп. 1 и 2 ст. 10 Гражданского кодекса, которая запрещает пользоваться правами исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также злоупотребления правом». Указанная позиция не была поддержана в вышестоящем суде. Отменяя данное постановление, Арбитражный суд Поволжского округа указал: «...нормами главы 12 ГК РФ не предусмотрен отказ судом ответчику в применении исковой давности в зависимости от его поведения при совершении недействительной сделки».

В Решении АС Республики Хакасия от 11 сентября 2018 г. по делу № А74-11147/2018¹ суд вновь указал, что злоупотребление правом является основанием для отказа в применении срока исковой давности. При этом, как и в предыдущем примере, ответчик своими действиями не препятствовал своевременному обращению истца в суд. Вновь избранная управляющая компания обратилась в арбитражный суд с иском к предыдущей управляющей компании о взыскании денежных средств, собранных и неизрасходованных по статье на содержание и текущий ремонт. Ответчик, возражая относительно исковых требований, заявил о пропуске срока исковой давности. Арбитражный суд отказал в применении срока исковой давности в качестве санкции за злоупотребление правами, указав следующее: «С учетом сложившейся судебной арбитражной практики суд вправе отказать в применении исковой давности в качестве санкции за злоупотребление правами (пункт 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации)». Не совсем понятно, о какой «сложившейся судебной арбитражной практике» упоминает суд.

Внимания заслуживает Определение Верховного Суда РФ от 01.10.2024 № 310-ЭС24-15353 по делу № А68-14380/2022². Судами установлено, что при

¹ См.: Решение АС Республики Хакасия от 11 сентября 2018 г. по делу № А74-11147/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 01 октября 2024 г. № 310-ЭС24-15353 по делу № А68-14380/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

заключении корпоративного договора ответчик использовал доверительные отношения и аффилированность сторон, предоставил истцу неполную и искажающую действительность информацию, создав у него ошибочное представление о реальных условиях и последствиях сделки. Денежные средства были переданы в расчете на последующее участие в управлении и трудоустройство, однако данные обязательства исполнены не были. При таких обстоятельствах ссылка ответчика на истечение срока исковой давности была признана злоупотреблением правом и отклонена на основании п. 2 ст. 10 ГК РФ. Верховный Суд, отказав в передаче жалобы, тем самым подтвердил правомерность подхода нижестоящих судов.

Данный пример показателен тем, что суды фактически отнесли к числу обстоятельств, препятствующих своевременному обращению в суд, не только действия, прямо блокирующие подачу иска, но и поведение ответчика, направленное на искажение восприятия истцом реальной ситуации и отодвигающее момент осознания нарушения. По сути, обман при заключении сделки и использование доверительных связей были поставлены в один ряд с формами недобросовестности, исключающими возможность ссылаться на исковую давность.

Применение п. 2 ст. 10 ГК РФ в данном контексте свидетельствует о том, что суд рассматривает институт исковой давности не как строго формальную конструкцию, а как механизм, который не может служить прикрытием для очевидной недобросовестности. Такой подход устраняет возможность извлечения выгоды из поведения, противоречащего принципам п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ, и позволяет рассматривать злоупотребление заявлением о пропуске срока исковой давности как санкцию за искажение воли другой стороны при заключении сделки.

Представляется, что подобный подход иллюстрирует смещение фокуса с формального соблюдения давностных сроков на оценку фактического поведения сторон, что согласуется с доктринальной установкой на приоритет содержания над формой. Принцип добросовестности должен выступать своего рода

фильтром, предотвращающим ситуации, в которых строгое соблюдение процессуальных правил лишает судебную защиту ее справедливого смысла.

Как видно из представленных примеров, судебная практика по-разному решает вопрос признания заявления о применении срока исковой давности злоупотреблением правом. Анализируя предложенные судебные акты, можно выделить три позиции относительно возможного неприменения давностного срока по мотиву недобросовестного поведения ответчика. Согласно подходу, использованному в постановлениях ФАС Северо-Кавказского округа и Президиума ВАС РФ, признание заявления о применении срока исковой давности злоупотреблением правом возможно, но только в ситуации, когда ответчик своими недобросовестными действиями препятствовал своевременному обращению в суд истца.

Двенадцатый арбитражный апелляционный суд и арбитражный суд Республики Хакасия посчитали, что применение положений п. 2 ст. 10 ГК РФ к заявлению о пропуске срока исковой давности является безусловным. Отказ от применения срока исковой давности может быть обусловлен поведением лица при совершении недействительной сделки. С таким подходом крайне сложно согласиться, ведь в таком случае институт исковой давности вообще лишается присущего ему назначения, на которое указывал Конституционный Суд РФ. Лицо приобретает право на защиту своего права вне зависимости от времени, прошедшего с момента его нарушения. Подобное правовое регулирование подрывает стабильность гражданского оборота, лишая правовые связи устойчивости и определенности.

Третий подход, прослеживающийся в Постановлении АС Поволжского округа, вообще отрицает возможность признания заявления о пропуске давностного срока злоупотреблением правом: «...нормами главы 12 ГК РФ не предусмотрен отказ судом ответчику в применении исковой давности в зависимости от его поведения при совершении недействительной сделки». С такой позицией согласны руководитель практики «Земля. Недвижимость. Строительство» «Инфралекса» Сергей Шумилов и Максим Белозеров из фирмы

Saveliev, Batanov & partners. По их мнению, «применение ст. 10 ГК зачастую непредсказуемо, а течение срока исковой давности определяется не субъективными, а объективными факторами»¹. Вместе с тем оставляем за собой право не согласиться с подобной интерпретацией правил о применении срока исковой давности.

Следует согласиться с позицией А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко, которые справедливо отмечают, что квалификация заявления об истечении исковой давности в качестве злоупотребления правом не противоречит закону, «иное противоречило бы положениям п. п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ о том, что при защите гражданских прав участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, при этом никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения»².

Заявление о применении исковой давности, будучи прямо предусмотренным п. 2 ст. 199 ГК РФ, не может само по себе рассматриваться как проявление недобросовестности ответчика. Вместе с тем указанное заявление не должно оцениваться изолированно от поведения, которое ему предшествовало. Правовое значение приобретает не изолированное заявление о применении исковой давности, а совокупность обстоятельств, связывающих пропуск срока с предшествующим поведением ответчика. Если ответчик своими действиями затруднил своевременное обращение истца в суд, скрыл сведения, необходимые для предъявления требования, искажил представление другой стороны о наличии, объеме или способе защиты нарушенного права, а затем использовал истечение срока для сохранения полученного преимущества, такое заявление должно рассматриваться как завершающий элемент единой линии поведения. Именно данная связь между предшествующим поведением и последующей

¹ См.: Исковая давность и злоупотребление правом: взболтать, но не смешивать // Право.ru. 27 октября 2016 г. URL: <https://pravo.ru/review/view/134923/> (дата обращения: 05.04.2025).

² См.: Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Указ. соч. С. 93-97.

ссылкой на истечение давностного срока образует основание для постановки вопроса о презумпции недобросовестности.

После установления такой совокупности обстоятельств бремя опровержения возникшего предположения должно переходить к ответчику. Последний, в свою очередь, вправе доказать отсутствие причинной связи между своим поведением и пропуском срока, наличие разумного и проверяемого объяснения совершенных действий, а также сохранение у истца реальной возможности обратиться в суд в пределах установленного срока при обычной степени разумности и осмотрительности. При таком подходе презумпция недобросовестности не освобождает суд от оценки обстоятельств дела, а лишь меняет распределение доказательственного риска там, где внешняя правомерность заявления о применении исковой давности соединяется с предшествующим поведением, вызывающим обоснованное сомнение.

Категория иррационального поведения в указанной конструкции имеет вспомогательное, но существенное значение. Она позволяет выявить случаи, когда внешне правомерная последовательность действий не получает разумного и проверяемого объяснения в логике гражданского оборота. Если лицо сначала создает препятствия для своевременной защиты права, скрывает значимые сведения либо формирует у другой стороны ошибочное представление о правовой ситуации, а затем ссылается на истечение срока исковой давности, формальная допустимость такого заявления уже не устраняет вопрос о его действительной направленности. При подобных обстоятельствах применение ст. 10 и п. 3 ст. 1 ГК РФ не означает произвольного преодоления давностного срока, а направлено на недопущение извлечения преимущества из поведения, не согласующегося с требованием добросовестности.

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующий вывод.

Обоснована возможность обращения к презумпции недобросовестности при заявлении стороны о применении исковой давности в тех случаях, когда пропуск срока обусловлен ее предшествующим поведением. Основание для

изменения обычного распределения доказательственного риска возникает, если до истечения срока ответчик своими действиями либо бездействием препятствовал своевременному предъявлению требования или существенно его затруднял. Такое поведение может выражаться в сокрытии сведений, необходимых для обращения за защитой, сообщении недостоверной информации, а равно в создании иных препятствий для предъявления требования. После доказанности подобных обстоятельств связь между поведением ответчика и пропуском срока предполагается. Опровергнуть ее должен ответчик.

В целях реализации данного положения предложено дополнить п. 2 ст. 199 ГК РФ положениями следующего содержания:

«Если сторона, заявившая о применении исковой давности, в период течения срока исковой давности совершала действия или допускала бездействие, объективно способные исключить либо существенно затруднить своевременное предъявление требования другой стороной, в том числе скрывала сведения, необходимые для обращения за судебной защитой, сообщала недостоверную информацию либо иным образом препятствовала своевременному предъявлению требования, и указанные обстоятельства доказаны, предполагается, что пропуск срока исковой давности обусловлен таким поведением, пока стороной, заявившей о применении исковой давности, не доказано иное.

В случае, предусмотренном настоящим пунктом, истечение срока исковой давности не является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

Положения настоящего пункта в указанной части не применяются к сроку, установленному п. 2 ст. 196 настоящего Кодекса, если иное не предусмотрено законом».

§ 2.3. Презумпция недобросовестности при искусственном дроблении закупок малого объема

В рамках рассмотрения проблемы несоответствия формально разрешенных вариантов поведения принципу добросовестности следует остановиться на одном из трудно выявляемых проявлений иррационального поведения, а именно – на дроблении сделки¹. Указанный термин не нашел легального закрепления, однако активно используется в правоприменительной практике и научной литературе.

Пример упоминания термина «дробление» можно обнаружить еще в Декрете Совета народных комиссаров РСФСР от 23 января 1919 года, в пункте 2 которого сказано: «Искусственное дробление (в обход закона) крупной закупочной операции на более мелкие будет преследоваться со всей строгостью»². Отдельного внимания заслуживает квалификация такого поведения в качестве злоупотребления правом (указание «в обход закона»).

Теоретическое обоснование квалификации дробления сделок как недопустимой модели поведения может быть выстроено через разработанную Т.С. Яценко концепцию гражданско-правовых запретов. Автор рассматривает запрет не как изолированное отрицательное предписание, а как составную часть механизма охраны публичных интересов, направленного на вытеснение из гражданского оборота форм поведения, способных нарушить устойчивость правового порядка. Запрет, по ее мысли, изначально адресован не столько

¹ См.: Антонов М.А. Недобросовестность при искусственном дроблении закупок у единственного поставщика // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 10А. С. 238–244.

² См.: Декрет СНК РСФСР от 23 января 1919 г. «О расчетных операциях между советскими учреждениями, советскими и находящимися в ведении или под контролем советских организаций предприятиями и о приобретении ими предметов за наличный расчет» // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 22.

отдельному действию, сколько ожидаемому социальному эффекту, предотвращение которого и составляет его охранительное назначение¹.

Вопрос о нормативном закреплении запрета на искусственное дробление закупок находит наиболее отчетливое проявление в период действия Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»². В юридической литературе высказывается мнение о наличии в нем прямого запрета на подобную практику³. Так, Г.Б. Добрецов указывает на существование ограничений, препятствующих заключению с единственным поставщиком серии однотипных договоров, если совокупный объем таких закупок превышает определенный лимит в течение квартала. По мнению автора, такая модель регулирования свидетельствовала о сформулированном в законе запрете на дробление закупки⁴.

Между тем, подобная трактовка вызывает определенные сомнения. В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие в законе не только прямого запрета, но и самого термина «дробление». Кроме того, положения ч. 3 ст. 42 и п. п. 14, 14.1 ч. 2 ст. 55 не содержат категорических норм, направленных на запрет заключения нескольких договоров с одинаковым предметом. Эти статьи устанавливали предельные значения, в рамках которых могли применяться соответствующие способы размещения заказа – запрос котировок или закупка у единственного поставщика.

¹ См.: Яценко Т.С. Роль запретов в гражданско-правовом механизме охраны публичных интересов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. №. 1. 2014. С. 70.

² См.: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (ред. от 02 июля 2013 г.) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105; 2013. № 27. Ст. 3463.

³ См.: Жабровский Р.А. Негативные аспекты деления закупки на части // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 2. С. 33-35.

⁴ См.: Добрецов Г.Б. Обеспечение баланса интересов заказчика и защиты конкуренции при осуществлении публичных закупок // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 3. С. 67.

Следовательно, речь идет, скорее, о количественных и процедурных ограничениях, нежели о запрете как таковом. Конструкция недопустимости дробления в таком виде может быть выведена лишь путем расширительного толкования, исходя из цели и логики закона. Однако вопрос о допустимости такого толкования остается открытым. Прямого квалифицирующего признака, отделяющего недобросовестное дробление от правомерного распределения закупочной деятельности, в рамках 94-ФЗ не формулировалось. Есть все основания полагать, что идея запрета в большей степени опиралась не на императивные нормы, а на общее ожидание добросовестного поведения со стороны заказчика при использовании предусмотренных законом процедур.

Как видится, именно подобное понимание проанализированных норм было выработано в правоприменительной практике. Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 № 2518/11 по делу № А01-1223/2010 суд указал, что оговорка, зафиксированная в п. 14 ч. 2 ст. 55 Закона о размещении заказов «направлена на пресечение искусственного разделения (дробления) единого заказа на группу однородных»¹. При этом из содержания указанного судебного акта представляется возможным интерпретационно вывести дефиницию «искусственного дробления», представляющего собой разделение единого заказа на группу однородных, сумма по каждому из которых не превышает предельного размера расчетов наличными деньгами. При этом в научной литературе под дроблением закупки в негативном смысле понимается преднамеренная и умышленная разбивка стоимости одной закупочной потребности на несколько договоров, заключаемых в обход конкурентной процедуры, при условии, что заказчику изначально была известна совокупная потребность в товарах, работах, услугах на планируемый период, а объективные

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 12 июля 2011 г. № 2518/11 по делу № А01-1223/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 10.

препятствия технологического или экономического характера, не позволяющие объединить закупку, отсутствовали¹.

В настоящий момент отношения, регулирующие порядок осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, регулируются Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»², вступившим в силу с 1 января 2014 года. Важно отметить в контексте рассматриваемого вопроса, что в Законе прямо закреплена одна из целей правового регулирования – предотвращение злоупотреблений в указанной сфере.

В Законе о контрактной системе существенно изменен подход к применению закупки у единственного поставщика как неконкурентного способа осуществления закупок. В ч. 1 ст. 93 Закона № 44 приведен достаточно большой перечень условий, при которых возможно осуществление закупки у единственного поставщика. Особое внимание в контексте обсуждаемой проблемы заслуживает предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ основание для заключения контракта с единственным поставщиком, связанное с суммой закупки, не превышающей 600 тысяч рублей. Указанное основание, получившее в научной литературе обиходное обозначение как «малая закупка», продолжает оставаться востребованным инструментом закупочной деятельности, прежде всего в силу относительной гибкости и упрощенного порядка заключения соответствующих контрактов³. Вместе с тем правовая конструкция данной нормы не лишена внутренней противоречивости.

¹ См.: Чагин К. Закупки у единственного поставщика по Закону № 223-ФЗ // Прогосзаказ.рф. 2019. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 04 августа 2026 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652; 2026. № 32. Ст. 4527.

³ См.: Тарасов М.Ю., Ступаченко Е.В. Закупка у единственного поставщика: вопросы правоприменительной практики и совершенствования законодательства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 221.

Так, законодатель ограничивает совокупный годовой объем закупок по данному основанию, установив, что он не должен превышать два миллиона рублей либо десять процентов совокупного годового объема закупок заказчика, при этом вводится дополнительный абсолютный предел – не более пятидесяти миллионов рублей в год. Отметим, что выбор между относительным и абсолютным ограничением предоставлен самому заказчику, что, по сути, допускает возможность ориентирования на более выгодный для него вариант расчета.

В науке востребована точка зрения, согласно которой закупка у единственного поставщика возможна только в исключительных случаях, при невозможности проведения конкурсных процедур. М.В. Шмелева приходит к данному выводу исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе¹. Другие авторы обосновывают данное утверждение через принципы открытости, прозрачности информации о контрактной системе, обеспечения конкуренции, закрепленные в ст. 6².

Полагаем, что именно принципы, отраженные в ст. 6 Закона № 44, выступают в качестве детерминанты признания неконкурентного способа осуществления закупки для государственных и муниципальных нужд в качестве исключительного, что находит подтверждение и в разъяснения органов исполнительной власти³. Вместе с тем вывод о наличии «невозможности проведения конкурсных процедур» представляется весьма спорным, так как не

¹ См.: Шмелева М.В. Концепция государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации: в 2 т.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 301

² См.: Шереметьева А.К., Галиева В.Д. Исключительность неконкурентных процедур как форма защиты публичных интересов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2(218). С. 172.; Хомяков А.Н., Алиев В.А., Москвитин О.А., Бочинин И.П. Недопустимость имитации соблюдения закона при заключении государственного контракта с единственным поставщиком (на примере уголовно-исполнительной системы) // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 4 (24). С. 84.; Гурьева С.Р. Обеспечение конкуренции при заключении государственных контрактов / С.Р. Гурьева // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3. С. 136.

³ См.: Письмо Минэкономразвития России от 29 марта 2017 г. № Д28и-1353. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

имеет нормативной предпосылки: подобного ограничения в законе нет, а «исключительный характер» не тождественен «невозможности».

Отдельного внимания заслуживает то, что уже в период подготовки настоящего исследования обозначенная проблема получила нормативное развитие. В пояснительной записке к проекту федерального закона № 667365-8 отмечалось отсутствие в Законе № 44-ФЗ запрета на «дробление закупок», а предлагаемые изменения связывались с необходимостью устранения противоречивой правоприменительной практики¹. В дальнейшем этот подход был закреплен в ч. 15 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, допускающей заключение нескольких контрактов в отношении однородных либо идентичных товаров, работ или услуг в пределах установленных лимитов.

Несмотря на названные изменения, искусственное разделение единой потребности нельзя считать правомерным. Так, ФАС России прямо разграничивает неоднократное приобретение однородных либо идентичных товаров у единственного поставщика и дробление единой сделки, направленной на приобретение индивидуально-определенной вещи, выполнение единого комплекса работ или оказание единой услуги². Во втором случае формальное соблюдение ценового предела не устраняет обходной характер поведения заказчика, поскольку несколько внешне самостоятельных контрактов фактически используются для ухода от конкурентной процедуры.

Очевидно, что в отсутствие императивного требования обосновывать невозможность использования неконкурентного способа осуществления закупки, соблюдая лишь установленные лимиты, неминуемо возникает угроза нарушения принципов Закона о контрактной системе. На практике отсутствие формального запрета искусственного разделения единой сделки на несколько с

¹ См.: проект федерального закона № 667365-8 «О внесении изменений в Федеральный закон „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд“ и статьи 5 и 8 Федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Письмо ФАС России от 10 февраля 2026 г. № ГР/9863/26 «О рассмотрении обращения». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

целью соблюдения установленных предельных объемов приводит к большему числу злоупотреблений. Как уже было отмечено ранее, в период действия Закона № 94 был закреплен специальный порядок осуществления закупок у единственного поставщика, предусматривающий ряд количественных и предметных ограничений. Используемая правовая конструкция исходила из необходимости пресечения практики последовательного заключения заказчиком нескольких договоров с идентичным предметом поставки в целях обхода конкурентных процедур.

Подчеркнем, что ограничение действовало именно в отношении одноименных товаров, то есть охватывало совокупность поставок внутри одной номенклатурной категории, а не абстрактную совокупность договоров. Такая модель регулирования свидетельствовала о попытке законодателя сформулировать не только количественный предел допустимого поведения, но и зафиксировать подход, исключающий возможность множественности закупок с единым предметом в обход процедурных требований.

В настоящее время не сформировалось единого правоприменительного подхода применительно к подобным ситуациям. Так, ФАС России в Письме от 14.11.2019 № ИА/100041/19 прямо указала, что неоднократное приобретение одноименных товаров, работ, услуг у единственного поставщика является нарушением Закона о контрактной системе только тогда, когда такие действия являются результатом антиконкурентного соглашения¹. Аналогичная позиция закреплена и в других разъяснительных актах уполномоченных органов².

Со своей стороны выражаем полную солидарность с авторами, считающими подобный подход излишне формальным, создающим возможность

¹ См.: Письмо ФАС России от 14 ноября 2019 г. № ИА/100041/19 «О порядке применения пунктов 4, 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Информационное письмо Минфина России от 08.06.2022 № 24-01-07/54275 // СПС КонсультантПлюс.

для злоупотреблений правом¹. Вместе с тем анализ судебной практики демонстрирует отсутствие единой правоприменительной линии в вопросе признания действий по дроблению сделки злоупотреблением правом².

Так, весьма показательным является Постановление Верховного Суда РФ от 7 октября 2019 г. № 73-АД19-2³, где суд пришел к выводу о наличии искусственного дробления закупки, несмотря на формальное соблюдение стоимостных лимитов, установленных п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ. Муниципальным учреждением в течение пяти дней было заключено три контракта с одним поставщиком на поставку одноименной продукции при наличии единой хозяйственной цели.

Суд квалифицировал действия заказчика как направленные на обход конкурентной процедуры, указав на совокупность признаков: тождественность предмета закупки, временную близость заключения контрактов, единый экономический интерес и исключение возможности участия других лиц в закупке. Установленные обстоятельства позволили отграничить допустимое

¹ См.: Тарасов М.Ю., Ступаченко Е.В. Указ. соч.; Шереметьева А.К., Галиева В.Д. Указ. соч.; Белова Ю.Н. Правовые механизмы осуществления закупки у единственного поставщика отдельными видами юридических лиц: основания, особенности признания и заключения договора. Правоприменение. 2025; № 9(2). С. 130-139.

² См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 июня 2023 г. № Ф01-3180/2023 по делу № А43-27092/2022; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 марта 2021 г. № Ф02-683/2021 по делу № А33-29555/2020; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24 июля 2023 г. № Ф03-3034/2023 по делу № А16-1399/2022; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 марта 2022 г. № Ф03-844/2022 по делу № А73-9549/2021; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 июня 2024 г. № Ф04-2045/2024 по делу № А70-18633/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05 марта 2024 г. № Ф04-7833/2024 по делу № А81-4478/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 января 2024 г. № Ф04-6660/2023 по делу № А45-14250/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07 ноября 2022 г. № Ф04-5465/2022 по делу № А45-15729/2021; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 июля 2021 г. № Ф04-3420/2021 по делу № А67-941/2020; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 мая 2024 г. № Ф08-3828/2024 по делу № А32-36337/2023; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 июня 2021 г. № Ф08-5999/2021 по делу № А63-13627/2020; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 ноября 2023 г. № Ф09-6711/23 по делу № А34-18781/2022; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 января 2021 г. № Ф09-8456/20 по делу № А34-17483/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Верховного Суда РФ от 07 октября 2019 г. № 73-АД19-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

поведение от недобросовестного, несмотря на отсутствие прямого запрета на множественность контрактов в пределах лимитов.

На первый взгляд может показаться, что обозначенные в указанном деле признаки (идентичность предмета, единство хозяйственной цели, совпадение сторон и ограниченность временного интервала) образуют устойчивую совокупность критериев для квалификации поведения заказчика как недобросовестного. Аналогичные критерии единой сделки выделяются и другими авторами по итогам анализа правоприменительной практики¹. Однако анализ иных дел, рассматривавшихся в арбитражной практике, демонстрирует, что даже при наличии аналогичных внешних признаков суды склонны по-разному подходить к их правовой оценке. Так, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 21.04.2021 № Ф09-2579/21 по делу № А60-25700/2020² обстоятельства заключения нескольких контрактов с разными подрядчиками на выполнение однородных работ по облицовке фасада одного здания в течение одного месяца также указывали на признаки искусственного дробления. Тем не менее судебные инстанции отказались признать действия заказчика недобросовестными, сославшись на отсутствие доказательств сговора, умысла и незаконной выгоды, а также поскольку заказчик действовал в интересах сохранности муниципального имущества: «...суды в конкретной рассматриваемой ситуации обеспечили соблюдение баланса между одними публичными интересами, связанными с предотвращением злоупотреблений в сфере размещения заказов, и другими публичными интересами – необходимостью поддержания муниципального имущества в надлежащем состоянии».

Фактически в решении реализована модель взвешивания конкурирующих публичных интересов, в рамках которой приоритет отдается одному

¹ См.: Тарасов М.Ю., Ступаченко Е.В. Указ. соч. С. 222.

² См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 апреля 2021 г. № Ф09-2579/21 по делу № А60-25700/2020 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(техническому обеспечению функционирования имущества), в ущерб другому – обеспечению добросовестной конкурентной среды. Однако подобное приоритезирование в законе прямо не предусмотрено и не вытекает из его логики. В результате возникает опасный прецедент, когда сама возможность достижения иного публичного результата используется как оправдание для уклонения от установленных процедур.

Есть все основания полагать, что подобная позиция представляется методологически уязвимой. Суд фактически игнорирует содержательную направленность действий заказчика и ограничивается отрицанием недобросовестности по формальному признаку – отсутствию доказательств умысла. Тем самым презумпция добросовестности в сфере закупок¹ приобретает характер абсолютной, не подлежащей опровержению через объективные обстоятельства (признаки единой сделки). Между тем, в рамках настоящего исследования уже была обоснована необходимость перераспределения бремени доказывания при наличии совокупности внешних признаков злоупотребления правом, что особенно актуально в случаях, когда действия публичного субъекта объективно подпадают под признаки недобросовестного поведения, но субъективные мотивы (наличие сговора) сложно доказуемы. Отказ от применения этой логики свидетельствует об ослаблении действия принципов добросовестности, экономической солидарности как фундаментальных принципов российской правовой системы.

Иллюстрацией сформировавшегося подхода, в рамках которого действия, обладающие внешними признаками искусственного дробления, не признаются недобросовестными, служит постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.08.2019 по делу № А60-42282/2018². В рамках указанного спора поставщик, привлеченный к ответственности за ненадлежащее исполнение

¹ См.: Родионова О.М. Метод правового регулирования публичных закупок в условиях их цифровизации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 1. С. 11.

² См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.08.2019 № Ф09-4412/19 по делу № А60-42282/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязательств по нескольким государственным контрактам, заявил встречный иск о признании заключенных сделок недействительными ввиду их несоответствия требованиям Закона № 44-ФЗ. По утверждению ответчика, заключение двадцати одного контракта на общую сумму 2 024 000 руб. с разбивкой по сто тысяч рублей свидетельствовало о целенаправленном обходе конкурентных процедур. Однако несмотря на то, что факт искусственного дробления был судами фактически установлен, в признании сделок недействительными было отказано. Обосновывая правомерность заключения контрактов у единственного поставщика, суды указали на приоритет публичного интереса, связанного с обеспечением вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел в период проведения в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу FIFA 2018. Потребность в оперативности, ограниченность сроков и своевременное доведение бюджетных лимитов были признаны обстоятельствами, исключающими возможность проведения конкурентных процедур.

Тем самым выражена позиция, согласно которой факт дробления сделки сам по себе не является свидетельством недобросовестности. Очевидно, что такой подход, основанный на доминировании одного публичного интереса над другим, актуализирует необходимость более четкого разграничения формально допустимого от недобросовестного поведения. Признание искусственного дробления допустимым при наличии особых условий порождает опасную практику оправдания обхода закона ссылкой на цели, внешне совпадающие с публичным благом. При этом остается за скобками вопрос о том, возможно ли признание поведения добросовестным, если оно изначально строится на нарушении процедурного равенства участников закупки и умышленной фрагментации единой хозяйственной цели.

Подобный подход вызывает обоснованные сомнения. Если следовать логике суда, то добросовестность поведения может быть производной от политико-административной целесообразности, что вступает в противоречие с ее пониманием как нравственно-правовой категории, требующей стабильных оценочных стандартов. Принцип добросовестности не может иметь

ситуационного характера, изменяясь в зависимости от того, каким интересам придаётся больший вес в конкретной правоприменительной ситуации. Более того, такая интерпретация фактически допускает легитимацию поведения, нарушающего цели закона, при сохранении его формального исполнения.

Продолжая изложение параграфа о недобросовестности при дроблении сделок, логично перейти к анализу дела № А32-36337/2023, рассмотренного судами трех инстанций, как репрезентативного примера существующей правоприменительной неопределенности и формалистского подхода к категории добросовестности.

В указанном деле прокуратура инициировала иск о признании недействительными двух контрактов, заключенных с одним поставщиком на поставку идентичных товаров с интервалом в один день. Каждый из контрактов по отдельности укладывался в лимит 600 000 руб., установленный п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, однако в совокупности формировали закупку на 1 120 000 руб., объективно подпадавшую под конкурентную процедуру. На основании этих обстоятельств истец указал на искусственное дробление сделки и обход требований закона.

Суд первой инстанции ограничился формальной констатацией нарушения лимитов и признал договоры ничтожными, сославшись на нарушение публичного интереса, выраженного в принципах открытости и конкуренции. При этом поведение сторон оценивалось исключительно через призму нарушения закона без исследования причин, мотивов и степени участия каждого субъекта в искажении целей правового регулирования¹. Таким образом, суд воспроизвел формализованный подход, опирающийся исключительно на совокупную сумму и однородность поставки как основание для недействительности.

¹ См.: Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 22 ноября 2023 г. по делу № А32-36337/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Апелляционная инстанция, сохранив выводы первой, перешла к объективирующему подходу, квалифицируя поведение обеих сторон как изначально противоправное в силу самой конструкции сделки. Презумпция недобросовестности возникала не из фактов сговора, умысла или извлечения выгоды, а из участия сторон в схеме, формально нарушающей публичный интерес. При этом суд отметил: «...нарушение требований Закона № 44-ФЗ предполагает недобросовестность обеих сторон сделки»¹, отказавшись от исследования субъективной составляющей поведения сторон.

Наконец, кассационный суд развивает профессиональный подход, возлагая особую обязанность на поставщика как «профессионального участника экономических отношений», который «не мог не знать» об отсутствии обязательства². Данный вывод базируется на презумпции знания, которая, по сути, заменяет презумпцию добросовестности обратной презумпцией недобросовестности профессионального субъекта. Такая подмена выводит конструкцию на уровень абстрактного профессионального стандарта, лишенного связи с конкретной ситуацией, создавая риск институционализации оценки добросовестности через внешние признаки, а не через поведенческую модель. Рассмотренные решения были поддержаны Верховным Судом РФ³.

Важно подчеркнуть: суды ни на одном этапе не предприняли попытки анализа интеллектуально-волевого содержания действий сторон. Ни заказчику, ни поставщику не было предоставлено возможности аргументированно обосновать законность своего поведения с точки зрения специфики правовой ситуации, потребности в срочности или иных объективных обстоятельств. Таким образом, презумпция добросовестности в деле была полностью заменена

¹ См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 февраля 2024 г. по делу № А32-36337/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22.05.2024 по делу № А32-36337/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 16 сентября 2024 г. № 308-ЭС24-15301 по делу № А32-36337/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конструкцией автоматической недобросовестности, без оценки воли, цели или соразмерности поведения.

Рассматриваемое дело демонстрирует три ключевых изъяна в современной модели квалификации дробления:

1. Отсутствие дифференциации сторон: поставщик и заказчик рассматриваются как единый субъект нарушения, вне зависимости от роли каждого в проектировании закупки.
2. Игнорирование возможности оправданного поведения: даже при наличии внешне сомнительной схемы, стороны не могут доказать ее объективную необходимость.
3. Размывание критерия добросовестности: он отождествляется с формальным несоблюдением процедуры, теряя свое качественное и оценочное наполнение.

Следовательно, дело № А32-36337/2023 должно рассматриваться не только как пример нарушения процедуры, но и как проявление неустойчивости границы между формальным нарушением и недобросовестностью, о чем уже говорилось в первой главе.

Презюмирование знания в данном случае выступает синонимом презюмирования недобросовестности, что трансформирует бремя доказывания и нивелирует защитную функцию презумпции добросовестности как системного механизма. Именно поэтому дальнейшее развитие правоприменительной практики должно опираться на содержательную оценку поведенческой модели с признанием роли профессионального стандарта лишь как вспомогательного, а не решающего критерия.

Верховный Суд РФ в качестве условия признания дробления сделки правомерным указывает на наличие доказательств, подтверждающих «исключительность ситуации, при которых заключение контрактов с

единственным поставщиком является единственно возможным и целесообразным»¹.

Продолжая рассуждения, представляется методологически оправданным сопоставить правовую природу и обоснование судебных выводов, сформулированных в двух свежих постановлениях арбитражных судов Северо-Кавказского округа от 28 марта 2025 г. по делу № А32-30063/2024² и Центрального округа от 21 августа 2024 г. по делу № А64-11748/2023³. Указанные дела демонстрируют единый подход к квалификации искусственного дробления как недобросовестного поведения в форме обхода требований законодательства о контрактной системе. Между тем, внимательный анализ приведенных судебных актов позволяет выявить пробелы в правоприменительной логике, а также необоснованное использование выводов высших судебных органов по другим делам.

Так, в обоих случаях суды приходят к выводу о наличии совокупности признаков, свидетельствующих о том, что заключенные между сторонами договоры формально разобщены, но, по сути, представляют собой единую сделку, раздробленную с целью формального соблюдения лимита в 600 тысяч рублей. И в первом, и во втором деле недобросовестность подрядчиков как профессиональных субъектов была презюмирована через формулу «не мог не знать» о неправомерности совершенных закупок, что, как уже было отмечено, представляется неверным. Возникает риск, что поведение подрядчика, строго ограниченного позицией заказчика, будет заведомо признано недобросовестным, то есть вне зависимости от факта участия в выборе модели

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 19 января 2022 г. № 309-ЭС21-26288 по делу № А07-30809/2020; Определение Верховного Суда РФ от 25 июня 2021 г. № 309-ЭС21-9326 по делу № А60-2745/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.03.2025 № Ф08-1403/2025 по делу № А32-30063/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.08.2024 № Ф10-3171/2024 по делу № А64-11748/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

закупки или способности повлиять на решение. Такое смещение центра правовой ответственности от публичного субъекта к коммерческому контрагенту является серьезным сдвигом в балансе прав и обязанностей в сфере публичных договоров.

Кроме того, возникает целый ряд системных и концептуальных вопросов, связанных с обоснованностью сделанных в ходе рассмотрения выводов.

Во-первых, оба решения содержат ссылки на правовые позиции, сформулированные в иных нормативных и фактических реалиях¹, в частности, в отношении контрактов, заключенных с явным нарушением Закона № 94-ФЗ, предшествующего действующему Закону № 44-ФЗ. Как уже было отмечено ранее, конструкция закупки у единственного поставщика в актуальной редакции закона подверглась значительной трансформации. Следовательно, прямая проекция подходов, разработанных в период действия 94-ФЗ, на иные по природе правовые конструкции, вызывает сомнения в их применимости.

Во-вторых, несмотря на внешнюю схожесть со случаями явного нарушения императивного запрета (например, заключение договоров в обход проведения электронного аукциона), речь идет не об использовании запрещенного инструмента, а об обращении к формально разрешенному способу закупки. Иначе говоря, действия сторон не нарушают закон непосредственно, а лишь опосредованно подрывают его цели и принципы. Следовательно, логика применения института ничтожности и односторонней реституции без установления хотя бы элементов субъективного порядка (воля сторон), как минимум, должна вызывать настороженность. Тем более, вывод о том, что «в отсутствие надлежащим образом заключенного государственного (муниципального) контракта не влечет возникновения у заказчика обязанности по их оплате, поэтому уплаченные заказчиком денежные средства исполнителю являются неосновательным обогащением последнего и подлежат возврату заказчику» обоснован позициями Верховного Суда РФ, изложенными в делах,

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.2013 № 18045/12 по делу № А40-37822/12-55-344 ; Постановление Президиума ВАС РФ от 04.06.2013 № 37/13 по делу № А23-584/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

где имело место прямое нарушение требований к проведению закупочных процедур¹.

В-третьих, в обоих случаях суды исходят из того, что односторонняя реституция является формой защиты публичных интересов, однако не рассматривают проблему обогащения публичного субъекта за счет уже исполненного обязательства, что в иных отраслях расценивалось бы как неосновательное извлечение выгоды из собственных незаконных действий. Подобный подход может привести к тому, что закон будет трактоваться как позволяющий государству сохранить результат недействительного обязательства без встречного предоставления, что входит в прямое противоречие с принципами экономической солидарности, добросовестности, справедливости и соразмерности.

В связи с этим возникает обоснованное сомнение в том, что обращение к устоявшейся судебной практике в отношении грубых нарушений Закона № 44-ФЗ (в частности, обхода конкурентных процедур без какого-либо оформления контрактов) применимо к случаям формального соблюдения процедуры с сомнительным использованием лимитов, как в настоящих делах. По сути, речь идет о формально допустимых действиях, которые в условиях контекста обретают сомнительную этическую окраску, но не обязательно обладают юридическим дефектом, влекущим ничтожность с такими тяжелыми последствиями.

Таким образом, оба решения демонстрируют пробельность правового регулирования закупок у единственного поставщика, не позволяющую разграничить формально допустимое дробление от злоупотребления правом, при этом отказываясь от установления волевой компоненты или явного сговора. В

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2020 г. № 310-ЭС19-26526 по делу № А84-2224/2018; Определение Верховного Суда РФ от 19 февраля 2015 г. № 302-ЭС15-20 по делу № А19-1916/2014; Определение Верховного Суда РФ от 20 октября 2021 г. № 306-ЭС21-19043 по делу № А55-21340/2020; Определение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 306-ЭС21-24260 по делу № А55-3529/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

результате возникает ситуация отсутствия правовой определенности за счет излишнего субъективизма в оценке со стороны судебных органов, основанной на внешних критериях дробления и абстрактного профессионального статуса участника правоотношений.

Рассматриваемые постановления наглядно демонстрируют, что без четкой институционализации критериев недобросовестного поведения в сфере неконкурентных закупок правовое регулирование рассматриваемых отношений будет зависеть от судебного усмотрения. При этом подрядчик, формально действующий в рамках закона, претерпевает неблагоприятные экономические последствия на фоне заказчика, обогатившегося за счет собственного недобросовестного поведения.

Особого внимания заслуживает судебный подход, продемонстрированный в деле № А79-5405/2024¹, где также рассматривалась правовая квалификация группы договоров, заключенных между муниципальным заказчиком и подрядной организацией в преддверии завершения финансового года. Прокуратура, действуя в интересах публичного образования, настаивала на признании ничтожности сделок в силу их направленности на формальное соблюдение предельных лимитов, установленных пунктом 4 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ, с одновременным взысканием выплаченных денежных средств.

Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о наличии признаков искусственного дробления. Установлено, что оба договора (подряда и поставки) связаны общей хозяйственной целью (ремонт кровли общежитий), заключены в короткий временной промежуток (разницей в один день), с одним и тем же контрагентом, а материалы, поставленные по одному договору, были полностью использованы в рамках исполнения другого. Тем самым, вопреки утверждению ответчика о самостоятельности обязательств, суд квалифицировал

¹ См.: Решение Арбитражного суда Чувашской Республики - Чувашии от 24 октября 2024 г. по делу № А79-5405/2024; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 28 января 2025 г. по делу № А79-5405/2024; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03 июня 2025 г. по делу № А79-5405/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

такую конструкцию как единую сделку, раздробленную в целях обхода конкурентных процедур.

Вместе с тем суды двух инстанций сочли недопустимым применение односторонней реституции. Принципиально важно, что при всей констатации нарушения законодательства отсутствует вывод о недобросовестности подрядчика: тот не был инициатором дробления, исполнил обязательства в полном объеме, результат работ находится в публичном пользовании, а возврат в натуре объективно невозможен. Таким образом, наличие нарушений на стороне заказчика не повлекло «санкционированного обогащения» за счет подрядчика.

Кассационная инстанция подтвердила данные выводы, фактически закрепив их в качестве допустимой судебной практики, альтернативной подходу, изложенному в делах № А32-30063/2024 и № А64-11748/2023. С нашей точки зрения, выявленные противоречия свидетельствуют о наличии проблемы правовой неопределенности: в одних случаях суды без колебаний взыскивают в пользу бюджета полную стоимость, исполненного без какой-либо компенсации подрядчику, в других же исходят из невозможности применения реституции при отсутствии вины исполнителя.

Отсюда логично вытекает центральная для настоящего параграфа идея: квалификация дробления как недобросовестного поведения требует не просто формального констатирования внешних признаков (один контрагент, один объект, короткий временной интервал), но и установления субъективного компонента - осознанного участия в схеме, направленной на обход конкурсных процедур. В противном случае правоприменение начинает использовать инструмент ничтожности как универсальный, вне зависимости от того, кто принимал решение о выборе способа закупки, и обладал ли подрядчик свободой выбора.

Поведение, продемонстрированное в деле № А79-5405/2024, как раз и представляет собой пример иррационального поведения. Правомерные с формальной точки зрения действия, совершаемые в рамках контракта, но в

ситуации, в которой объективно должен был сработать правовой механизм перераспределения бремени доказывания. Другими словами, именно в таких случаях необходимо активизировать опровержимую презумпцию недобросовестности, потребовав от сторон объяснений и доказательств, способных пролить свет на мотивы заключения договоров в обход конкуренции.

Отказ в реституции в пользу учреждения, основанный на невозможности возврата в натуре и отсутствии признаков вины подрядчика, в этом смысле представляет более сбалансированный подход, чем механическое взыскание всей суммы, как это имело место в других рассмотренных делах. Вместе с тем нельзя не отметить, что и такой подход не избавлен от недостатков: в частности, он игнорирует то обстоятельство, что именно заказчик, обладая публичным статусом, не просто «мог», а должен был знать, что разделение закупки искусственно, и тем самым нарушил базовые принципы контрактной системы.

Следовательно, в условиях институциональной неопределенности и отсутствия унифицированных критериев правомерности дробления сделок на основании п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, практика обнаруживает конкуренцию между правовым формализмом и справедливостью. Все это подчеркивает необходимость доктринального и нормативного оформления подхода к недобросовестности в сфере неконкурентных закупок как самостоятельной категории, включающей в себя не только факт нарушения закона, но и волевой, мотивационный и поведенческий компоненты.

Все вышеизложенное позволяет обоснованно утверждать, что в современной судебной практике отсутствует единообразие в оценке действий сторон, заключающих дробленные сделки на грани допустимого правового поведения. Более того, анализ ключевых дел демонстрирует наличие как минимум четырех устойчиво воспроизводящихся моделей квалификации соответствующих отношений, каждая из которых опирается на различные основания, уровень правовой аргументации и понимание природы добросовестности. Представляется целесообразным, в целях достижения методологической ясности, кратко остановиться на типологии этих подходов.

Во-первых, можно выделить формально-объективный подход, при котором суды исходят исключительно из внешних признаков: тождественности предмета закупки, короткого временного интервала и одного контрагента. В рамках такой модели любые действия, выходящие за пределы допустимых лимитов, заведомо квалифицируются как злоупотребление правом, игнорируя анализ мотивации сторон, их организационные роли и договорной автономии. Примером служит дело № А32-30063/2024, где установленные признаки дробления были признаны достаточными для квалификации действий сторон как недобросовестных.

Во-вторых, в ряде случаев суды используют содержательно-оценочный подход, при котором внешние признаки дробления дополняются анализом субъективной составляющей, воли и целей участников. Здесь уже делается попытка выявить инициатора схемы, оценить наличие разумных оправданий (например, бюджетная необходимость, срочность, сезонность работ). Именно такой подход реализован в деле № А79-5405/2024, где суд, установив признаки дробления, тем не менее отказал в применении реституции, признав по сути добросовестность подрядчика и объективную невозможность возврата результатов.

Третью группу образует условно компенсаторный или прагматический подход, суть которого заключается в придании приоритетного значения публичной цели, достигаемой в результате спорной сделки. Даже при наличии внешних признаков искусственного дробления суд может отказать в признании недействительности, ссылаясь на «благо», достигнутое вследствие исполнения (ремонт муниципального здания, проведение публичного мероприятия).

Наконец, все большую распространенность приобретает переход к презумпции недобросовестности профессионального участника, при котором акцент делается на статус подрядчика как субъекта, обладающего специальной компетенцией. Именно этот критерий лег в основу дела № А64-11748/2023: суд, не исследуя обстоятельства участия исполнителя в выборе модели закупки, пришел к выводу, что он «не мог не знать» о ее противоправности. Возникает

обратная презумпция: не заказчик, обладающий властными полномочиями, а подрядчик считается ответственным за использование договорной конструкции, направленной на обход закона.

Предложенная классификация позволяет не только систематизировать имеющиеся подходы, но и выявить ключевую проблему: отсутствие устойчивой доктрины, способной четко отграничить допустимое от недопустимого поведения. Полагаем, что в этом причина разрозненности в судебной оценке, неодинаковое распределение бремени доказывания и, как следствие, снижение предсказуемости правоприменения. Методологическая ценность данного обобщения заключается в возможности сформулировать содержательные критерии добросовестности в сфере неконкурентных закупок, что в свою очередь требует дальнейшего нормативного уточнения механизма применения п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ.

Таким образом, рассмотренная судебная практика по делам об искусственном дроблении закупок наглядно демонстрирует пробельность действующего правового регулирования, отсутствие единого судебного подхода и неопределенность в оценке добросовестности при заключении контрактов с единственным поставщиком. Практика квалификации формально допустимого поведения в качестве недобросовестного основана преимущественно на внешних признаках (совпадение сторон, единство объекта, временная близость), но не сопровождается должной оценкой субъективной составляющей, что приводит к неоправданному перераспределению бремени правовой ответственности (односторонняя реституция)¹.

На этом фоне особую актуальность приобретает задача нормативной детализации правового режима закупок малого объема, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ. Автором представляется целесообразным:

¹ См.: Антонов М.А. Недобросовестность при искусственном дроблении закупок у единственного поставщика // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 10А. С. 238–244.

- закрепление запрета на искусственное дробление закупок, выраженного в фиксации признаков, свидетельствующих о единой хозяйственной цели;
- институционализация презумпции единой сделки при совпадении ключевых элементов договоров (объект, субъектный состав, временной интервал);
- разграничение правомерного и недобросовестного поведения через введение критериев исключительности и объективной необходимости выбора неконкурентной процедуры;
- обеспечение баланса интересов путем установления механизмов опровержения презумпции недобросовестности, в том числе при доказанном отсутствии инициативы и вины подрядчика;
- отказ от универсального применения института ничтожности и односторонней реституции без анализа реального волевого содержания поведения сторон.

По результатам анализа искусственного дробления закупок малого объема сформулировано следующее положение, выносимое на защиту.

Разработан подход к квалификации искусственного дробления закупок малого объема через категорию заранее известной единой потребности заказчика. Признаками такой потребности являются взаимосвязанность предметов закупок, единая цель их осуществления, временная близость заключения контрактов и отсутствие самостоятельного хозяйственного значения каждой закупки. При установлении данной совокупности обстоятельств наличие единой потребности заказчика предполагается, пока заказчиком не доказано иное. Участие поставщика, подрядчика, исполнителя в недобросовестной модели определяется с учетом его осведомленности о единой потребности заказчика, согласованности действий с заказчиком либо иной направленности поведения на обход конкурентной процедуры.

В целях реализации данного положения предложено дополнить ст. 93 Закона № 44-ФЗ частью 15.1 следующего содержания:

«15.1. Заключение нескольких контрактов в пределах ограничений, предусмотренных частью 15 настоящей статьи, само по себе не является основанием для вывода об искусственном разделении единой потребности заказчика.

Единая потребность заказчика в товарах, работах или услугах при заключении нескольких контрактов на основании пункта 4 части 1 настоящей статьи предполагается при доказанности совокупности следующих обстоятельств: взаимосвязанности предметов закупок, направленности закупок на достижение единого хозяйственного результата, временной близости заключения контрактов и отсутствия самостоятельного хозяйственного значения каждой закупки, если заказчиком не доказано иное.

Искусственным разделением единой потребности заказчика признается заключение нескольких контрактов на основании пункта 4 части 1 настоящей статьи при наличии заранее известной заказчику единой потребности, удовлетворение которой направлено на достижение единого хозяйственного результата, если разделение такой потребности осуществлено в целях неприменения конкурентного способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя).

Само по себе заключение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) нескольких контрактов в отношении единой потребности заказчика не свидетельствует о его участии в ее искусственном разделении. Участие поставщика (подрядчика, исполнителя) в искусственном разделении единой потребности заказчика устанавливается с учетом его осведомленности о такой потребности, согласованности действий с заказчиком либо иных обстоятельств, свидетельствующих о совместной направленности их поведения на неприменение конкурентного способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя)».

§ 2.4. Презумпция недобросовестности при осуществлении потребительских прав

Особенностью гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав потребителей является то, что, исходя из общих начал (равенства, автономии воли, диспозитивности), законодатель сознательно отходит от их буквального применения. Закон о защите прав потребителей¹ закрепляет преимущества для покупателя как объективно слабой стороны, нуждающейся в дополнительных гарантиях. Подобное решение фактически образует изъятие из принципа равенства сторон, которое в доктрине прямо признается оправданным в силу уязвимости потребителя².

Полагаем, что подобный подход объясняется не столько желанием расширить сферу публичного вмешательства, сколько необходимостью обеспечить реальный баланс интересов. Так, В.В. Витрянский указывал, что защита слабой стороны в договоре является условием поддержания справедливости в гражданском обороте³. А.Я. Курбатов развивает идею, что государственное регулирование через императивные нормы формирует у участников частного оборота интересы, совпадающие с интересами общества, тем самым устанавливая пределы проявления свободы одной стороны ради охраны интересов другой⁴.

Отталкиваясь от этих исходных позиций, можно рассматривать потребительские отношения как особую модель, где публичное начало

¹ См.: Закон РФ от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140; 2025. № 28. Ст. 3834.

² См.: Богдан В.В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Курск, 2015. С. 187-188; Баринов Н.А. Размышления о предмете гражданского права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2. (78). С. 76-77.

³ См.: Витрянский В.В. Защита слабой стороны в договоре / Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. М., 2001. С. 792 - 803.

⁴ См.: Курбатов А.Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // Черные дыры в российском законодательстве. 2001. № 1. URL: https://www.cfin.ru/press/black/2001-1/03_01_kurbatoff.shtml (дата обращения: 29.08.2025).

встраивается в ткань частноправовых конструкций. Тем самым создается почва для анализа гарантий, исходящих как из общих норм ГК РФ, так и из специального законодательства, и вместе с тем становится заметна та внутренняя линия, где сама идея усиленной защиты оборачивается возможностью ее недобросовестного использования.

На факт существования проблемы игнорирования вопроса добросовестности потребителя указывает А.Н. Кузбагаров, подчеркивая, что требование добросовестного поведения в потребительских отношениях адресовано обеим сторонам в одинаковой мере, поэтому стандарт добросовестности не может работать односторонне и должен одинаково охватывать как потребителя, так и продавца либо исполнителя¹.

Следует отметить, что в доктрине потребительский экстремизм рассматривается как прямое следствие действия усиленных гарантий. Так, И.Л. Нилов, анализируя истоки и природу данного феномена, указывает, что его возникновение обусловлено не недостаточностью правовой защиты, а напротив – ее чрезмерной эффективностью². И.В. Поснов и Р.А. Темботов подчеркивают, что специфика данного явления связана с правовым положением участников потребительских правоотношений: законодатель, признавая потребителя слабой стороной, наделяет его широким набором гарантий, закрепленных в Законе РФ «О защите прав потребителей» (штраф за неудовлетворение требований в добровольном порядке, освобождение от уплаты госпошлины, альтернативная подсудность, специальные виды неустоек и др.). Однако именно эта избыточная обеспеченность правовыми средствами, как отмечают авторы, создает почву для недобросовестного поведения, что в свою очередь ставит вопрос о необходимости нормативного закрепления самого понятия «злоупотребление

¹ См.: Кузбагаров А.Н. Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовой аспекты // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. С. 422.

² См.: Нилов И.Л. Возникновение потребительского экстремизма // Евразийская адвокатура. 2018. № 5 (36). С. 21–23.

правами потребителя»¹. Именно высокий уровень обеспеченности потребителя правовыми средствами формирует риск смещения акцента с восстановления баланса интересов на стратегическое поведение, связанное с давлением на контрагента². В этом видится та парадоксальная ситуация, когда закон, изначально направленный на поддержание равновесия, сам по себе становится источником правовых злоупотреблений³.

В научной литературе обращается внимание на то, что злоупотребление правами потребителем следует рассматривать как самостоятельную разновидность недобросовестного осуществления субъективного права. Так, в исследовании Ю.А. Голановой потребительский экстремизм определяется как форма недобросовестного поведения, при которой потребитель использует предоставленные ему законом гарантии не для восстановления нарушенного права, а для извлечения выгоды за счет предпринимателя⁴. Автор иллюстрирует проблему рядом примеров из судебной практики: удовлетворение требований о возврате товара, уже бывшего в употреблении, когда продавец не обеспечил надлежащую фиксацию его состояния; отказ в иске при установлении экспертным заключением эксплуатационных следов, не связанных с производственным браком; признание недобросовестным завышения расходов на экспертизу с последующим возложением части судебных издержек на самого потребителя.

На основании этих примеров Ю.А. Голанова делает вывод, что именно чрезмерная насыщенность законодательства защитными мерами создает возможность процессуального давления на предпринимателя и тем самым

¹ См.: Поснов И.В., Темботов Р.А. Злоупотребление потребителем правами на защиту (потребительский экстремизм) // Образование и право. 2022. № 9. С. 44–48

² Там же.

³ Отдельные положения и предложения по рассматриваемому вопросу ранее опубликованы автором. См.: Антонов М.А. Злоупотребление правом в сфере защиты прав потребителей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2026. № 2 (169). С. 142–147.

⁴ См.: Голанова Ю.А. Потребительский экстремизм как угроза для предпринимателей // Сборник научных трудов Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева. Орёл, 2021. С. 177–179.

выводит проблему за рамки частных казусов¹. С подобной позицией в целом можно согласиться. Действительно, дисбаланс возникает не столько на уровне отдельных дел, сколько на уровне конструкции самой модели защиты. Однако видится важным уточнить, что злоупотреблением следует признавать не всякое обращение к специальным гарантиям, а лишь такие действия, которые по своему объему и целям выходят за пределы восстановления нарушенного права и свидетельствуют об отсутствии добросовестности со стороны потребителя.

В работах, посвященных анализу феномена так называемого «потребительского экстремизма», заметна существенная методологическая фрагментарность. Так, Е.Ю. Усольцев справедливо отмечает, что использование указанного термина в научной плоскости ведет к размыванию границ между частноправовым и уголовно-правовым дискурсом². Действительно, на уровне доктрины корректнее говорить о злоупотреблении правом со стороны потребителя, что полностью укладывается в конструкцию ст. 10 ГК РФ и корреспондирует с набором специальных средств защиты, закрепленных в Законе РФ «О защите прав потребителей». Вместе с тем весьма показательным, что сам термин «потребительский экстремизм» получил распространение и в судебной практике³. Несмотря на его методологическую уязвимость и публицистический оттенок, в рамках настоящего исследования использование указанного понятия представляется оправданным. Оно позволяет в сжатой форме обозначить комплексное явление злоупотребления правом потребителями и тем самым избежать громоздких описательных конструкций. Кроме того, в научной литературе количество работ, прямо посвященных проблематике «потребительского экстремизма», ограничено, и значительная часть авторов прибегает именно к этой терминологии. В целях поддержания единства дискурса

¹ Там же. С. 179.

² См.: Усольцев Е.Ю. Понятия «потребительский экстремизм» и «злоупотребление потребителем правом»: сравнительный анализ // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 12 (243). С. 110-111.

³ См.: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07 июля 2025 г. № 18АП-5943/2025 по делу № А07-42725/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и корректного включения в существующую научную полемику использование данного термина становится практически необходимым.

Продолжая размышления о феномене злоупотребления правом со стороны потребителей, следует отметить существующие в доктрине аргументационные линии. Г.А. Ожегова указывает на манипулятивный характер поведения, когда потребитель обращается к защитным механизмам не ради восстановления нарушенного интереса, а с целью извлечения дополнительной выгоды¹. Сходная позиция выражена И.Л. Ниловым, который говорит о недобросовестных практиках, превращающих специальные гарантии в инструмент давления на контрагента². Аналогичное определение предлагают О.Г. Бельдина и С.Н. Бурлака, используя понятие «злоупотребление правом» в качестве центрального дефинитивного элемента³. В рассмотренных подходах просматривается модель шиканы, подразумевающая совершение формально допустимых действий с целью причинения вреда другой стороне.

По мысли В.В. Богдана, корень проблемы кроется не в дефиците правовой защиты потребителя, а наоборот, в ее чрезмерной продуктивности. Действующая модель Закона о защите прав потребителей построена таким образом, что сочетание предусмотренных льгот и санкционных механизмов (штрафы, компенсации, освобождение от уплаты пошлин, сниженные процессуальные барьеры) создает у потребителя устойчивую мотивацию использовать их не только для восстановления нарушенного интереса, но и для извлечения дополнительной выгоды. В этой логике явление, именуемое «потребительским экстремизмом», по сути предстает как разновидность классической шиканы: формально право реализуется, однако фактическая цель поведения смещается с защиты нарушенного права на получение экономического преимущества⁴.

¹ См.: Ожегова Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. № 14. С. 15–19.

² См.: Нилов И.Л. Потребительский экстремизм как одна из форм злоупотребления гражданскими правами // Экономика, социология и право. 2017. № 3. С. 119.

³ См.: Бельдина О.Г., Бурлака С.Н. Потребительский экстремизм в современных реалиях // ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2024. № 11. С. 382.

⁴ См.: Богдан В.В. Указ. соч. С. 192 – 194.

Т.В. Закупень предлагает рассматривать «потребительский экстремизм» как явление, содержательный объем которого включает как собственно злоупотребление правом, так и противоправные деяния, вплоть до уголовно наказуемых форм поведения¹. Следует отметить, что указанная интерпретация, будучи межотраслевой, методологически размывает критерии гражданско-правовой оценки и не позволяет выработать единообразные ориентиры для практики применения категории добросовестности как корректирующего начала.

На этом фоне особый интерес представляет позиция Е.Ю. Усольцева, который предлагает более четкое и юридически выдержанное определение. По его словам, «злоупотребление правом со стороны потребителя – это осуществление принадлежащего данному субъекту правомочия, не направленное на достижение охраняемого законом интереса, который представляет собой единство частного и публичного интересов»². При этом исследователь отмечает, что в случаях, когда фактическая мотивация лица не соотносится с указанным назначением, например, приобретение товара совершается преимущественно ради последующего извлечения дохода, а не для удовлетворения бытовых потребностей, подобное поведение следует квалифицировать как злоупотребление правом³. Таким образом, в позиции Е.Ю. Усольцева акцент смещается на волевой момент: если внутренняя направленность поведения потребителя отходит от цели удовлетворения бытовых потребностей и ориентируется преимущественно на извлечение выгоды, то реализуемое правомочие превращается в форму злоупотребления правом.

¹ См.: Закупень Т.В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданами-заемщиками // Банковское право. 2015. № 1. С. 23.

² См.: Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». Новосибирск, 2023. С. 169.

³ Там же.

В целом можно с уверенностью сказать о наличии в научном поле устойчивой позиции, согласно которой чрезмерная насыщенность законодательства защитными гарантиями становится предпосылкой их недобросовестного использования. Здесь необходимо оговориться, что не всякое обращение к этим гарантиям должно квалифицироваться как злоупотребление. В качестве ключевых критериев для подобной квалификации выступают цель поведения (восстановление нарушенного права или извлечение необоснованной выгоды), объем заявленных требований и их соразмерность последствиям для контрагента. Полагаем, что именно эти универсальные индикаторы позволяют очертить границы допустимого и тем самым избежать неоправданного расширения понятия «потребительский экстремизм».

Считаем, что заслуживает внимания точка зрения А.А. Волоса, который указывает на презумптивный, а не безусловный характер защиты потребителя. Исходное допущение о слабом положении потребителя сохраняет значение лишь постольку, поскольку фактическое поведение потребителя соответствует целям предоставленной законом защиты¹. Автор обоснованно отмечает, что даже в условиях приоритета защиты потребителя ссылка на формальные обстоятельства не должна исключать возможности квалификации его поведения как недобросовестного, в частности в случаях, когда при наличии заблаговременного уведомления о существенных обстоятельствах последний сознательно использует правовую форму для извлечения необоснованного преимущества².

В.В. Богдан справедливо отмечает, что, хотя само явление широко обсуждается в науке и в средствах массовой информации, судебная практика проявляет заметную осторожность. Отказы в удовлетворении требований потребителя со ссылкой на ст. 10 ГК РФ встречаются крайне редко. По мнению

¹ См.: Волос А.А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3. С. 91.

² Там же.

автора, обозначенная картина правоприменения демонстрирует внутреннее противоречие и показывает, что даже при наличии оснований для квалификации поведения как злоупотребительного суды склонны рассматривать его как реализацию предоставленных законом гарантий¹.

Анализ конкретных дел у В.В. Богдан иллюстрирует, что даже при общей осторожности правоприменения категория злоупотребления остается рабочим ограничителем чрезмерных требований потребителей. Так, в ситуации с возвратом товара суд расценил действия истца не как использование законных гарантий, а как попытку получить выгоду за счет продавца, что было квалифицировано как злоупотребление. В других делах, где потребитель заявлял чрезмерные неустойки или штрафы, игнорируя предпринятые продавцом меры к добровольному удовлетворению требований, суды сокращали объем взыскиваемого, исходя из необходимости соблюдения принципа соразмерности и недопустимости подмены защитной функции права инструментом извлечения дополнительных выгод².

Подводя итоги, В.В. Богдан отмечает, что одной из мер противодействия недобросовестному использованию потребительских гарантий является отказ в судебной защите³. Указанная мера имеет превентивный характер и применяется в тех случаях, когда поведение потребителя еще не вызвало ущерба для контрагента, но уже создало реальную угрозу его наступления. При этом автор подчеркивает, что отдельные положения законодательства о защите прав потребителей сами по себе создают стимулы к недобросовестному поведению. К ним относятся освобождение от уплаты государственной пошлины при цене иска до одного миллиона рублей, освобождение от судебных расходов для общественных организаций, представляющих интересы потребителей, а также компенсация морального вреда по факту самого нарушения. Такая совокупность

¹ См.: Богдан В.В. Указ. соч. С. 189.

² Цит. по: Богдан В.В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Курск, 2015. С. 191.

³ См.: Богдан В.В. Указ. соч. с. 192.

норм формирует асимметрию, при которой сильные процессуальные позиции потребителя могут использоваться не только для защиты нарушенного права, но и для получения выгоды за счет контрагента.

Представляется, что отмеченные обстоятельства подтверждают ключевую проблему действующей модели защиты. Закон, будучи ориентированным на обеспечение максимально благоприятных условий для потребителя, фактически не содержит встроенных механизмов для разграничения добросовестного и недобросовестного поведения. В результате превентивные меры, о которых говорит В.В. Богдан, оказываются скорее исключением, чем правилом. Системный дисбаланс между сторонами приводит к тому, что защита слабого превращается в источник новых рисков, а заявленные принципы справедливости и соразмерности не всегда достигают своей цели.

Подзаконная регламентация закрепляет тот же дисбаланс в распределении рисков. Перевод значительной части потребительских и финансовых правоотношений в дистанционный формат, рассчитанный на повторяемые стандартные модели заключения договоров и обращение к неопределенно широкому кругу лиц, обнажает системные проблемы распределения рисков¹, поскольку, как справедливо отмечает А.В. Габов, «...в такой системе экономического поведения возникает множество специфических рисков, возможностей, лазеек для противоправного поведения, вызовов для государства в части возможностей регулирования»². Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463³, утвердившее Правила розничной купли-продажи,

¹ См.: Волос А.А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // *Lex Russica*. 2023. № 6. С. 131.

² См.: Габов А.В. Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики // *Пермский юридический альманах*. № 3. 2020. С. 44.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

задает модель, в которой договор дистанционной купли-продажи считается заключенным в момент оплаты, а все риски технических ошибок и организационных сбоев возлагаются на продавца до передачи товара. Потребитель, напротив, сохраняет право отказаться от товара надлежащего качества при условии сохранения его товарного вида, тогда как возврат технически сложных товаров ограничен закрытым перечнем. Соответственно, уже сама конструкция фиксирует смещение баланса в пользу покупателя.

В итоге акцент переносится не на оценку воли сторон, а на буквальную корректность процедуры: надлежащая ли была форма оферты, выполнены ли условия возврата, на чьей стороне лежит риск сбоя. С уверенностью можно сказать, что такая конструкция предопределяет почву для моделей поведения, при которых формальное следование букве Правил превращается в способ давления на контрагента и оборачивается злоупотреблением.

Соответственно, при констатации наличия в нынешнем нормативно-правовом регулировании потенциала для недобросовестного использования закрепленных прав, следует вести речь не об отказе от самой модели усиленной защиты потребителя, а о выработке ее пределов через судебную практику. Именно правоприменение наполняет конструкцию реальным содержанием, показывая, где заканчивается законная реализация предоставленных гарантий и начинается их недобросовестное использование. Подобная перспектива позволяет перейти к рассмотрению наиболее показательных споров, в которых вопрос о границах защиты встал особенно остро.

Переизбыток специальных гарантий трансформирует не только баланс участников, но и их поведенческую модель. При предсказуемости взыскания штрафов и неустоек даже при минимальных нарушениях рациональной оказывается стратегия доведения спора до суда, а не устранение дефекта. В результате охранительный механизм начинает выполнять функцию давления на

контрагента, что объективно смещает акценты с восстановления нарушенного равновесия на извлечение санкционной выгоды¹.

При анализе через категорию интереса различие становится еще более очевидным. Потребительское право ориентировано на удовлетворение личных и семейных потребностей. Однако в ситуации, когда цель поведения потребителя сводится к извлечению выгоды посредством санкционного давления, назначение субъективного права искажается. В этих условиях именно принцип добросовестности должен играть роль универсального ограничителя: при отсутствии доказательств сохраняется презумпция добросовестности, но установление недобросовестной воли ведет к пересмотру оценки и перераспределению бремени доказывания².

При этом нельзя не признать очевидность институциональных уязвимостей существующей модели. Закон не предусматривает ответственности за предъявление заведомо необоснованных претензий, а деятельность отдельных общественных объединений, формально действующих в защиту интересов потребителей, на практике нередко сводится к использованию процессуальных преимуществ для давления на предпринимателей. Подобные практики (подставные покупатели, фиктивные экспертизы, навязанные услуги) опираются на текст закона, но в действительности искажают его назначение³.

Ранее неоднократно подчеркивалось, что для понимания границ злоупотребления правом особое значение имеет нравственная перспектива. О.И. Цыбулевская отмечает, что традиционная доктрина долгое время сосредотачивалась на юридической оболочке явления, оставляя за скобками то, что в самом слове «злоупотребление» ключевым является именно элемент

¹ См.: Шагалиева В.А. Закон «О защите прав потребителей»: проблемы неверного толкования и злоупотребления. Потребительский экстремизм // Science Time. 2015. № 1. С. 488-489.

² См.: Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя - актуальная проблема современной цивилистики // Злоупотребление правом со стороны потребителя - актуальная проблема современной цивилистики. 2025. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Шагалиева В.А. Там же.

«зло»¹. Автор выделяет две плоскости: противоправное злоупотребление, совпадающее с правонарушением, и правомерное, при котором нормы закона формально соблюдаются, но поведение остается аморальным и причиняет ущерб интересам общества². В последнем случае речь идет о «легальном злоупотреблении», не влекущем прямой юридической ответственности, но подрывающем доверие к самому правопорядку. О.И. Цыбулевская справедливо замечает, что формула «разрешено все, что не запрещено законом» в действительности требует дополнения - «и не порицается моралью»³.

В рассматриваемых отношениях указанный вывод представляется весьма важным. Действительно, усиленные гарантии позволяют потребителю формально действовать в полном соответствии с законом, заявлять требования, взыскивать штрафы и неустойки. Однако, когда действия направлены не на восстановление нарушенного права, а на целенаправленное извлечение выгоды, возникает именно то правомерное, но аморальное злоупотребление, которое разрушает баланс интересов.

Показательным для анализа пределов специальной защиты слабой стороны является исследование Т.С. Яценко, посвященное механизму защиты прав добросовестных вкладчиков. Автор обращает внимание на двойственную природу такого механизма: с одной стороны, он направлен на охрану гражданина как экономически и организационно более слабой стороны договора банковского вклада; с другой стороны, его внутренняя неопределенность способна создать условия для недобросовестного использования соответствующей защитной конструкции. Данная логика применима и к потребительским отношениям. Усиленная защита потребителя оправдана до тех пор, пока она сохраняет восстановительное назначение и направлена на преодоление фактического неравенства сторон. Однако при использовании

¹ См.: Цыбулевская О.И. Злоупотребление правом как нравственная проблема // Вестник ВолГУ. Серия 5. Вып. 6. 2003-2004. С. 57.

² Там же. С. 58-59.

³ Там же. С. 60-61.

потребительских гарантий для создания спорной ситуации, искусственного увеличения имущественных последствий либо получения необоснованного преимущества возникает необходимость в специальном доказательственном правиле, позволяющем перенести оценку с формального статуса потребителя на фактическую направленность его поведения¹.

Вновь подчеркнем, что именно судебная практика становится ключевым инструментом конкретизации пределов добросовестного поведения. Если доктрина фиксирует риск смещения модели защиты в сторону недобросовестного использования гарантий, то суды вынуждены очерчивать реальные границы допустимого. Характерным примером стали споры о дистанционной купле-продаже, где потребители стремились зафиксировать за собой условия, явно противоречащие назначению специальных гарантий, прикрываясь формальным соблюдением требований закона.

Так, в одном из дел по иску к ОАО «Торговый дом ЦУМ» потребитель оформил заказ товара по ошибочно заниженной цене на сайте. Продавец отказался исполнить обязательство, указав на технический сбой, и возвратил денежные средства. Однако истец настаивал на понуждении к передаче товара по цене, не соответствующей действительной стоимости. Суд первой инстанции поддержал потребителя, мотивируя решение публичным характером оферты интернет-магазина и необходимостью защиты слабой стороны². Апелляционный суд, напротив, усмотрел в действиях истца злоупотребление правом, указав, что использование явной ошибки системы ценообразования выходит за пределы добросовестного поведения и по сути является реализацией модели шиканы.

Кассационный суд общей юрисдикции подтвердил вывод апелляции, отметив, что формальное соблюдение процедуры заключения договора не может иметь правового значения, если поведение стороны направлено исключительно

¹ См.: Яценко Т.С. Механизм защиты прав добросовестных вкладчиков: современное состояние и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 36-37, 40-43.

² См.: Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 09 марта 2022 г. по делу № 33-1765/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на извлечение выгоды за счет очевидной ошибки контрагента. Суд подчеркнул, что такая реализация субъективного права не соответствует назначению института защиты потребителя и подлежит оценке через призму ст. 10 ГК РФ¹.

Однако Верховный Суд РФ в порядке надзора отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение. Судебная коллегия по гражданским делам указала, что выводы нижестоящих судов о злоупотреблении правом были построены на презумпции недобросовестности потребителя, в то время как по общему правилу действует презумпция обратная. Верховный Суд РФ подчеркнул, что сама по себе ошибка в цене еще не свидетельствует о намерении потребителя причинить вред или о недобросовестности его действий. Для квалификации поведения как злоупотребления необходимы доказательства целенаправленного использования потребителем уязвимости контрагента, подтверждающие противоправную цель². Тем самым акцент был перенесен на необходимость строгого соблюдения доказательственного стандарта и осторожного применения ст. 10 ГК РФ в сфере потребительских споров.

В данном деле обращает на себя внимание характер расстановки приоритетов. Так, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций усмотрели в поведении потребителя признаки злоупотребления и попытались ограничить чрезмерные требования через применение ст. 10 ГК РФ. Позиция же Верховного Суда РФ, напротив, заставляет предположить, что в сфере защиты прав потребителей принцип добросовестности не обладает прежней универсальностью. Даже там, где внешне усматриваются очевидные признаки недобросовестности, Суд выдвигает на первый план охранительную функцию закона, исходя из того, что обеспечение особого статуса слабой стороны само по себе является приоритетом.

¹ См.: Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 сентября 2022 г. № 88-21596/2022 по делу № 2-4850/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Такое решение демонстрирует особую модель, в которой формальное поведение потребителя, даже при его спорной мотивации, получает правовую охрану. Несмотря на то, что потребитель действует в рамках буквы закона, его поведение не соответствует ни принципу добросовестности, ни более общему принципу экономической солидарности. Однако именно эта иррациональная форма поведения получает легитимацию за счет высоких доказательственных стандартов недобросовестного поведения, использованных в данном деле.

Не менее показательным является и недавний спор с участием сети «Связной» (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2023 г. № 49-КГ22-28-К6¹). Здесь потребитель оплатил дистанционным способом товар по цене, несоразмерной его действительной стоимости. Продавец сослался на положения оферты, предусматривающие право на отмену заказа, и отказался исполнить договор. Нижестоящие суды усмотрели в поведении истца недобросовестность, но Верховный Суд РФ избрал иную оптику: он сосредоточил внимание не на цели поведения потребителя, а на содержании условий оферты. Суд квалифицировал их как противоречащие закону, а сам договор признал заключенным в момент оплаты.

Таким образом, недобросовестность истца даже не стала предметом обсуждения. Верховный Суд РФ сместил акцент с анализа поведения потребителя на дефект условий, предложенных продавцом, и именно в этом нашел основание для защиты. Такой прием фактически выводит из сферы оценки поведения потребителя вопросы о его мотивации и ориентирует суды на проверку корректности конструкции договора. В результате, даже при очевидной несоразмерности сделки, приоритет вновь оказался за системной установкой на охрану потребителя как слабой стороны, но уже оформленной через признание ничтожности условий, ограничивающих его права.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2023 г. № 49-КГ22-28-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Показательным в продолжении этой линии стало Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 января 2024 г. № 4-КГ23-90-К1¹. Спор возник в связи с приобретением потребителем через интернет-магазин мебели: после оплаты товара и доставки продавец отказался от исполнения, сославшись на «техническую ошибку» в цене и справочный характер информации на сайте. Первая, апелляционная и кассационная инстанции поддержали позицию предпринимателя, исходя из того, что обязательства не возникли. Верховный Суд, напротив, признал размещенное на сайте предложение публичной офертой, оплату – акцептом, а договор – заключенным. Возврат денежных средств не был расценен как надлежащее исполнение, поскольку потребитель настаивал именно на получении оплаченного товара.

Примечательно, что вопрос о добросовестности поведения покупателя, несмотря на очевидную диспропорцию в цене, в мотивировке не был затронут. Центральным оказался тезис о распределении рисков: именно предприниматель несет последствия ошибок в ценообразовании и организационных сбоях, и ссылки на подобные обстоятельства не освобождают его от исполнения обязательств. Тем самым Верховный Суд подтвердил, что даже при наличии очевидной экономической несоразмерности приоритет отдается охране слабой стороны, а универсальный принцип добросовестности фактически оказывается выведенным за рамки анализа.

Вместе с тем встречаются исключения, когда Верховный Суд РФ обращается к категории добросовестности и прямо признает поведение потребителя недобросовестным. В определении от 29 июня 2021 года № 49-КГ21-22-К6 по делу № 2-1117/2020² Судебная коллегия отказала истцу во

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 января 2024 г. № 4-КГ23-90-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 49-КГ21-22-К6 по делу № 2-1117/2020 // СудАкт.ру: судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/kosAeRBjAgLv/> (дата обращения: 01.09.2025).

взыскании штрафных санкций, указав, что его действия не соответствуют стандарту поведения разумного участника оборота. Потребитель направил претензию по адресу торговой точки, хотя у него имелась возможность установить юридический адрес ответчика через ЕГРЮЛ, официальный сайт или центр поддержки клиентов. В результате продавец оказался лишен возможности добровольно урегулировать спор, что, по мнению суда, исключало применение санкций. В определении отмечено, что кассовый чек фиксирует лишь место установки кассовой техники и не заменяет юридический адрес организации. Таким образом, совокупность указанных обстоятельств позволила признать поведение истца недобросовестным и отказать в удовлетворении части его требований. Подобный пример показывает, что при наличии объективных признаков уклонения от разумного поиска информации и формального характера предъявленных претензий презумпция добросовестности может быть опровергнута, хотя такие ситуации остаются редким исключением из общей практики.

В Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2023 г. по делу № 88-26038/2023¹ суд признал недобросовестным поведение потребителя, уклонившегося от предоставления товара для проверки качества. Продавец заявил готовность провести проверку и при наличии оснований добровольно удовлетворить требование о возврате уплаченной суммы, однако истец настаивал на проведении проверки по месту своего проживания и тем самым заблокировал возможность досудебного урегулирования. Суд отметил, что выбор места проверки не относится к усмотрению потребителя и что товар мог быть направлен продавцу иным способом, включая почтовое отправление с объявленной ценностью. В результате было отказано во взыскании неустойки и убытков, а размер штрафа снижен до минимального. Данная правовая оценка показывает, что отказ от

¹ См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2023 г. по делу № 88-26038/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разумного содействия проверке качества лишает потребителя судебной защиты и рассматривается судами как злоупотребление правом.

Анализ рассмотренных дел демонстрирует противоречивое направление судебной практики. Так, с одной стороны, даже при приоритете охраны слабой стороны правоприменитель допускает ограничение специальных гарантий потребителю, когда его поведение выходит за рамки разумного и справедливого осуществления права (создание препятствий исполнению, формальное использование процессуальных средств без цели защиты нарушенного интереса, искажение назначения правовых механизмов), применяя ст. 10 ГК РФ для восстановления баланса интересов. Однако, с другой стороны, практика Верховного Суда РФ свидетельствует о формировании особого режима правовой охраны, при котором презумпция добросовестности фактически приобретает характер устойчивого препятствия для пресечения злоупотреблений со стороны потребителей.

Отдельного внимания заслуживает позиция высшей судебной инстанции, акцент которой смещен с анализа субъективной мотивации потребителя (волевой компоненты) на юридическую конструкцию сделки и распределение рисков в сфере дистанционной торговли: если предложение содержит все существенные условия и произведена оплата, договор считается заключенным, а ошибки в ценообразовании и организационные сбои признаются предпринимательским риском, который не может быть переложен на потребителя. В результате названная презумпция, будучи необходимой для защиты слабой стороны, в рассматриваемой группе отношений нивелирует корректирующую функцию принципа добросовестности.

В доктрине обращается внимание на то, что установление специальных правил в экономическом обороте неизбежно сопряжено с издержками, понимаемыми не только как дополнительные затраты на исполнение обязательств, но и как неблагоприятные правовые последствия принятия той или

иной нормы¹. С позиции настоящего исследования важно подчеркнуть, что подобные эффекты особенно заметны в сфере защиты прав потребителей, где расширение гарантий для слабой стороны объективно ограничивает действие принципа добросовестности и способно создавать условия для искажения поведения участников оборота. В такой плоскости сама асимметрия в распределении прав и обязанностей выступает фактором, провоцирующим предъявление требований, выходящих за рамки восстановления нарушенного интереса, и тем самым трансформирующим защитный механизм в удобный инструмент злоупотребления. Таким образом, интерес слабой стороны берет верх над оценкой мотивов поведения потребителя. В этом проявляется то, что ранее было обозначено как иррациональное поведение: поведение, формально соответствующее букве закона, но искажающее баланс интересов, все же получает судебную защиту до тех пор, пока его недобросовестная направленность не доказана.

Вышесказанное позволяет прийти к важному выводу. Несмотря на актуальность доктрины злоупотребления правом в потребительских отношениях, границы ее использования весьма ограничены. Судебный контроль исчерпывается верификацией договорных конструкций, выявлением недопустимых условий оферты, возложением организационных рисков на профессионального участника оборота. Так складывается модель, где добросовестность приобретает значение лишь в наиболее очевидных случаях, а в типичных спорах приоритет сохраняется за патерналистской установкой закона и оправданной задачей охраны слабой стороны.

С нашей точки зрения, вопросы соразмерности заявленных требований и фактического нарушения, связи санкций с реально причиненным ущербом, характера и повторяемости процессуального давления, реакции на добровольное

¹ См.: Право и экономическая деятельность: современные вызовы: Монография / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина, Н.М. Казанцев и др.; Отв. ред. А.В. Габова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Статут, 2015. С. 21.

урегулирование, а также предсказуемости последствий для предпринимателя в конкретной ситуации должны быть обязательными при установлении фактических обстоятельств рассматриваемого дела. Именно эти индикаторы очерчивают пределы допустимого и позволяют судебной практике удерживать равновесие между законной реализацией прав и их злоупотребительным использованием.

Несмотря на то, что формулирование подобных индикаторов позволяет обозначить ориентиры для правоприменителя, их действие не снимает возникающего напряжения в самой конструкции усиленной защиты. В результате обсуждение проблемы закономерно перемещается в плоскость законодательных решений. В качестве законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 3 июля 2025 г. внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»»¹, в пояснительной записке к которому прямо отмечено, что действующий порядок применения штрафных санкций породил явление, обозначаемое как «потребительский экстремизм», оказывающее деструктивное воздействие на отрасль. Сам факт использования данной категории в тексте официального законодательного документа свидетельствует о ее переходе из сферы доктринального и публицистического оборота в область нормотворчества, что имеет принципиальное значение для анализа пределов добросовестности.

Существо предложенных изменений заключается в существенной корректировке штрафной конструкции. Так, предусмотрено изменение адресата взыскания по п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей: если ранее штраф в размере пятидесяти процентов от присужденной суммы взыскивался в пользу потребителя, то проект закрепляет его зачисление «в доход федерального

¹ См.: Проект федерального закона № 958802-8 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О защите прав потребителей“» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/958802-8> (дата обращения: 29.08.2025).

бюджета». Для технически сложных товаров стоимостью свыше десяти минимальных размеров оплаты труда устанавливается особый порядок: штраф в размере десяти процентов от суммы удовлетворенных требований. Одновременно предлагается ограничить действие так называемого «пятнадцатидневного правила»: по истечении данного срока требование о замене товара или об отказе от договора удовлетворяется только при наличии неустранимого недостатка. Вводится и специальная конструкция неустойки – «одна десятая процента» цены товара за каждый день просрочки, при этом общая сумма взыскания не может превышать цену товара.

Аргументация законодателя строится на необходимости сокращения случаев потребительского экстремизма, при этом в пояснительной записке приводится аналогия с уже реализованными изменениями в долевом строительстве (Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 266-ФЗ¹), где была снижена санкционная нагрузка на застройщиков. Данная логика свидетельствует о постепенном изменении характера штрафных санкций, которые утрачивают функцию частноправового поощрения потребителя и приобретают значение инструмента удовлетворения публичного интереса.

Для настоящего исследования важно подчеркнуть неоднозначный эффект данной инициативы. С одной стороны, она демонстрирует признание на законодательном уровне системного перекоса, при котором усиленная защита слабой стороны фактически превращается в источник самостоятельной выгоды. С другой стороны, предлагаемая модель вызывает сомнение с точки зрения принципа равноценности публичного и частного интереса: перенаправление штрафа в бюджет деформирует его природу как гражданско-правового средства обеспечения исполнения обязательств, а ограничение объема прав по технически сложным товарам фактически снижает уровень защиты именно при

¹ См.: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4962.

приобретении дорогостоящих вещей, что приводит к парадоксальной ситуации, когда потребитель, несущий большие расходы, оказывается менее защищен, чем приобретатель недорогого товара. Впоследствии законопроект был отклонен Государственной Думой, однако его содержание сохраняет значение как свидетельство признания на законодательном уровне проблемы злоупотребления потребительскими гарантиями и поиска способов ее разрешения.

Таким образом, законопроект представляет собой интерес скорее как свидетельство наличия проблемы и поиска ее разрешения, нежели полноценный инструмент борьбы со злоупотреблением правом потребителями. Есть все основания полагать, что действенный механизм должен опираться на категорию добросовестности, реализуясь через анализ фактической направленности поведения сторон.

Частичное отражение обозначенного подхода получило в п. 7 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей», исключая взыскание предусмотренного п. 6 данной статьи штрафа, если добровольное удовлетворение требования оказалось невозможным по вине потребителя. Вместе с тем указанное правило распространяется только на взыскание штрафа и не формирует общего механизма оценки недобросовестного осуществления потребительских прав, что сохраняет значение предлагаемой в настоящем исследовании конструкции.

Обобщение доктринальных подходов и судебной практики позволяет зафиксировать, что употребляемое в публицистике обозначение «потребительский экстремизм» не имеет самостоятельного правового содержания и квалифицируется в рамках ст. 10 ГК РФ как разновидность недобросовестного осуществления субъективных прав.

Для целей настоящего исследования под злоупотреблением правами потребителя следует понимать осуществление права на защиту в потребительских отношениях, при котором:

1. цель поведения отходит от назначения соответствующей гарантии — восстановления нарушенного интереса;

2. заявленный способ и объем защиты несоразмерны факту и масштабу нарушения;
3. имеется причинная связь между избранной моделью защиты и необоснованно неблагоприятными последствиями для контрагента;
4. формальное соблюдение условий закона не подкреплено материально оправданной потребностью в таком объеме вмешательства.

Такое определение позволяет удержать анализ в границах гражданско-правовой конструкции и снять расплывчатые оценочные клише. Кроме того, оно фиксирует не только объективную несоразмерность результата, но целеполагание поведения, что и задает специфику явления. В спорах, касающихся дистанционной торговли, суды последовательно исходят из того, что ошибки в цене и технические сбои составляют предпринимательский риск и не подлежат перенесению на потребителя. Вместе с тем при выявлении признаков инструментализации защитных норм (серийные заказы по заниженной цене, использование товара вне пределов обычного осмотра с последующим требованием полного возврата и санкций, дробление требований с целью искусственного увеличения штрафных санкций) центр тяжести оценки смещается к самому поведению потребителя. Представляется справедливым, что в подобных случаях именно на него должна быть возложена обязанность разъяснить экономическую логику своих действий и подтвердить соразмерность притязаний характеру нарушения.

Безусловно, сказанное не предполагает деактивации презумпции добросовестности в рамках рассматриваемых правоотношений. Однако установление объективных обстоятельств, указывающих на искажение назначения гарантий и завышение объема требований, должно инициировать действие обратной презумпции недобросовестности, требующей активного опровержения со стороны потребителя. Есть все основания полагать, что отсутствие прямого нормативного механизма перераспределения бремени доказывания служит источником формирования неоднородной судебной практики.

В рамках рассмотрения исследуемой категории дел видится логичной следующая структура изучения имеющихся доказательств: оценка конструкции отношений и распределения рисков (публичность и содержание предложения, полнота и ясность информации, порядок акцепта и исполнения, доказанность технического сбоя), затем исследования волевой компоненты поведения сторон (очевидность для стандартного участника оборота, повторяемость, попытка максимизировать санкции вне связи с реальным вредом, процессуальное поведение, противоречивость позиции). Описанный двухступенчатый тест позволил бы отделить добросовестное использование предоставленных законом гарантий от их эксплуатационного применения.

В целях устранения неопределенности и выстраивания единообразного подхода целесообразно внести точечные изменения в Закон о защите прав потребителей. Во-первых, закрепить общее правило о реализации потребительских гарантий добросовестно и соразмерно их назначению с прямой отсылкой к ст. 10 ГК РФ. Во-вторых, установить процессуальный механизм перехода бремени доказывания при наличии установленных судом признаков несоразмерности и в случаях, когда предоставленные законом гарантии используются не для восстановления нарушенного интереса, а превращаются в средство давления на контрагента или извлечения выгоды. Конкретные формы такого поведения не поддаются исчерпывающему перечислению, так как их границы очерчиваются судебной практикой, которая постепенно формирует ориентиры допустимого и недопустимого процессуального и материально-правового поведения сторон. В-третьих, прямо предоставить суду возможность снижать либо исключать штраф, неустойку и компенсацию морального вреда, когда доказана недобросовестная цель либо очевидная несоразмерность требований. В-четвертых, уточнить регулирование дистанционной торговли. При доказанном очевидном техническом сбое и знании (или долженствовании знать) об этом потребителем понуждение к исполнению по ошибочной цене

исключается, при сохранении у продавца обязанности оперативно возвратить уплаченные средства и компенсировать реальные издержки¹.

В обозначенных пределах феномен вписывается в авторскую конструкцию иррационального поведения: формально допустимые действия, искажающие назначение защитного механизма и нарушающие баланс интересов, требуют точной материально-процессуальной коррекции без ослабления охранительной функции потребительского права. Такой подход снимает методологическую расплывчатость публицистического термина, удерживает анализ в рамках частноправовой модели и задает предсказуемые ориентиры для правоприменения.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующий вывод, выносимый на защиту.

Обоснована необходимость закрепления специального доказательственного правила о недобросовестном осуществлении потребителем прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей. Основанием для применения презумпции недобросовестности потребителя выступает совокупность обстоятельств, свидетельствующих об использовании потребительских гарантий в отрыве от их восстановительного назначения, в том числе при осведомленности потребителя об отсутствии оснований для предоставления соответствующей защиты, возникновении таких оснований вследствие очевидной ошибки, технического сбоя, недостоверных сведений, сообщенных самим потребителем, уклонения от необходимых действий либо иного поведения, направленного на создание или существенное увеличение последствий спорной ситуации.

1. В целях реализации данного положения предложено дополнить главу I Закона РФ «О защите прав потребителей» статьей 16.2 следующего содержания:

¹ Отдельные положения и предложения по рассматриваемому вопросу ранее опубликованы автором. См.: Антонов М.А. Злоупотребление правом в сфере защиты прав потребителей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2026. № 2 (169). С. 142–147.

«Статья 16.2. Пределы осуществления потребителем прав, предусмотренных настоящим Законом

Права потребителя, предусмотренные настоящим Законом, осуществляются добросовестно, в соответствии с их назначением и с учетом недопустимости извлечения преимущества из незаконного или недобросовестного поведения.

Требование потребителя предполагается заявленным недобросовестно, если лицом, которому оно предъявлено, доказана совокупность обстоятельств, свидетельствующих о том, что потребитель знал или исходя из очевидных обстоятельств не мог не знать об отсутствии оснований для предъявления соответствующего требования либо своими действиями или бездействием создал такие основания или существенно увеличил неблагоприятные последствия спорной ситуации, пока потребителем не доказано иное.

О наличии обстоятельств, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи, могут свидетельствовать, в частности, сообщение потребителем заведомо недостоверных сведений, сокрытие сведений, имеющих существенное значение для добровольного удовлетворения требования, уклонение от совершения необходимых действий, без которых лицо, которому предъявлено требование, объективно лишено возможности его добровольно удовлетворить, необоснованный отказ от принятия надлежащего исполнения, использование очевидной технической, программной или иной ошибки лица, которому предъявлено требование, а также иное поведение, направленное на получение преимущества в отрыве от восстановительного назначения потребительской защиты.

При признании требования потребителя заявленным недобросовестно суд отказывает в защите права полностью или в соответствующей части либо применяет иные последствия, предусмотренные статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, в той мере, в какой соответствующее требование или его размер обусловлены недобросовестным поведением потребителя.

Отказ в защите не допускается в части, направленной на восстановление реально нарушенного права потребителя, если такое нарушение не обусловлено его недобросовестным поведением».

Проведенный в настоящей главе анализ позволяет сделать вывод о том, что специальные основания применения презумпции недобросовестности, несмотря на различие соответствующих фактических составов, подчинены единой логике перераспределения доказательственного риска. Исходная презумпция добросовестности сохраняет свое действие до тех пор, пока заинтересованной стороной не доказана совокупность объективируемых обстоятельств, ставящих под обоснованное сомнение соответствие поведения лица стандарту добросовестного осуществления гражданских прав. В зависимости от особенностей конкретного правоотношения действие презумпции недобросовестности может проявляться непосредственно, когда предполагается недобросовестная направленность поведения лица, либо опосредованно, посредством презюмирования юридически значимого обстоятельства, входящего в фактическое основание последующей оценки поведения как недобросовестного. Именно по второй модели построены предложенные в настоящем исследовании презумпции использования тяжелого положения потерпевшего при оспаривании кабальной сделки, обусловленности пропуска срока исковой давности предшествующим поведением стороны и наличия единой потребности заказчика при заключении нескольких контрактов, тогда как применительно к осуществлению потребительских прав предполагается непосредственно недобросовестный характер заявленного требования. В обоих случаях презумптивный механизм не подменяет судебную оценку поведения и не устанавливает недобросовестность как неопровержимый факт, а изменяет распределение доказательственного риска при наличии специально определенной совокупности обстоятельств, сохраняя за лицом, поведение которого поставлено под сомнение, возможность опровергнуть возникшее предположение. Тем самым рассмотренные в настоящей главе специальные

составы представляют собой различные формы реализации единой конструкции презумпции недобросовестности в механизме защиты гражданских прав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование в конечном счете вывело нас на вопрос, который значительно шире самой формулы «презумпция недобросовестности». Если п. 5 ст. 10 ГК РФ исходит из добросовестности участника гражданского оборота, возникает вполне закономерная проблема: где проходит граница такого исходного доверия и может ли риск недоказанности всегда оставаться на стороне того, кто ссылается на недобросовестность. Особенно остро данный вопрос проявляется тогда, когда внешне поведение выглядит правомерным, а сведения о его действительной направленности находятся у самого лица, чьи действия оцениваются.

Безусловно, презумпция добросовестности необходима для нормального гражданского оборота. Вряд ли можно представить себе систему, в которой каждый участник заранее обязан подтверждать добросовестность любого действия. Такой подход фактически разрушил бы то доверие, ради которого соответствующее правило и существует. Поэтому предложенная в диссертации конструкция не направлена на отмену или общее ограничение п. 5 ст. 10 ГК РФ. Исходное предположение должно сохраняться. Изменение возможно лишь после того, как сторона, заявляющая о недобросовестности, докажет обстоятельства, позволяющие уже не предполагать, а обоснованно сомневаться в соответствии поведения принятому стандарту.

На практике проблема усложняется неравномерным распределением информации. Один участник видит результат поведения контрагента, последовательность его действий, заключенные сделки, сообщения, отказ от определенных действий, но не располагает сведениями о причинах выбора именно такой модели. У другого участника такие сведения есть. При обычном распределении бремени доказывания их отсутствие у первой стороны начинает работать в пользу второй. В результате правовая форма получает защиту не потому, что за ней действительно стоит добросовестное поведение, а потому, что

доказать обратное внешними средствами невозможно. Согласиться с подобным результатом, на наш взгляд, трудно.

Отсюда следует важный для настоящей работы вывод. Нехватка доказательств сама по себе не подтверждает добросовестность. Более того, в отдельных ситуациях именно избранная модель поведения и порождает доказательственную неопределенность: лицо не раскрывает сведения, сохраняет противоречивость, создает неопределенное правовое положение, использует допустимую форму для результата, который с ее обычным назначением не совпадает. Если при таких обстоятельствах весь риск недоказанности безусловно возложить на контрагента, лицо получает преимущество именно благодаря созданной им неопределенности. Подобное последствие представляется неправильным.

Исследование добросовестности показало и другое. Ограничивать ее роль исключительно положением отраслевого принципа гражданского права, по нашему мнению, уже недостаточно. Требование добросовестного поведения связано с учетом прав и законных интересов другой стороны и в современном правопорядке получает дополнительное основание в принципе экономической солидарности. При этом частный интерес, безусловно, не исчезает. Участник оборота вправе добиваться выгодного для себя результата, распоряжаться правами и выбирать допустимую модель поведения. Однако свобода частного лица не означает возможности полностью игнорировать последствия своих действий для контрагента, прикрывая такой результат одним лишь соблюдением внешней формы.

Недобросовестность при таком понимании имеет противоположную, антисолидарную направленность. Вместе с тем здесь требуется существенная оговорка. Право не должно оценивать человека как нравственную личность и тем более подменять юридическую аргументацию рассуждениями о «хорошем» или «плохом» поведении. Для суда имеют значение объективные проявления: последовательность действий, их результат, соответствие назначению правовой возможности, влияние на положение контрагента. Именно поэтому в

исследовании акцент сделан на признаках, которые можно установить и проверить. Нравственная природа доброй совести сохраняет значение для понимания категории, но юридическое последствие должно иметь доказуемое основание.

Исходя из этого, презумпция недобросовестности определяется как опровержимое правовое предположение, производное от принципа добросовестности и возникающее после доказанности совокупности обстоятельств, ставящих поведение лица под обоснованное сомнение. Никакого автоматического признания лица недобросовестным данное определение не предполагает. До появления специального фактического состава действует общее правило п. 5 ст. 10 ГК РФ. Одного утверждения контрагента, неблагоприятного результата или субъективного ощущения несправедливости для изменения доказательственной позиции явно недостаточно.

Переход от доверия к проверке должен иметь внешнее фактическое основание. Необычная сделка, жесткая позиция в переговорах, ошибочное хозяйственное решение или экономически невыгодный для другой стороны результат могут быть вполне правомерными. Гражданский оборот вообще не предполагает, что все его участники действуют одинаково рационально. Иное значение возникает тогда, когда несколько обстоятельств соединяются в одну модель, а лицо, располагающее необходимой информацией, не может дать ей разумного и непротиворечивого объяснения. Именно здесь, полагаем, и возникает основание для изменения обычного распределения доказательственного риска.

К таким обстоятельствам отнесены игнорирование законных интересов контрагента при реальной возможности их учета, несоразмерность используемых средств и цели, применение правовой формы вопреки ее назначению, создание либо сохранение правовой неопределенности, расхождение заявленной цели с достигнутым результатом, иррациональность внешне правомерного поведения. Закрытым данный перечень считать нельзя. Его смысл заключается не в создании исчерпывающего каталога

недобросовестности, а в обозначении направлений, по которым судебная оценка может быть проверена. Суд должен объяснить не только итоговый вывод, но и то, какие именно особенности поведения к нему привели.

Отдельно в работе исследована иррациональность поведения. Признать ее самостоятельным основанием для неблагоприятного правового последствия было бы неверно. Лицо может ошибиться, выбрать плохую экономическую стратегию, действовать непоследовательно и при этом оставаться добросовестным. Однако отсутствие разумного объяснения приобретает иной смысл, если оно сочетается с использованием правовой неопределенности, нарушением законных ожиданий контрагента или применением правовой формы не по назначению и одновременно приводит к выгодному для лица результату. В такой совокупности иррациональность уже может иметь доказательственное значение.

Смежные категории, рассмотренные в работе, также требуют разграничения. Прежде всего недобросовестность не тождественна незаконности. Если лицо прямо нарушило запрещающую или обязывающую норму, правопорядок располагает самостоятельным основанием для соответствующей реакции. Обращение к добросовестности в таких случаях не является необходимым. Для настоящего исследования интерес представляют иные ситуации, когда текст нормы формально соблюден, но предоставленная законом возможность используется таким образом, что итог поведения не согласуется с назначением права и общими началами гражданского законодательства.

Не следует отождествлять недобросовестность и со злоупотреблением правом. Злоупотребление возникает при осуществлении конкретного субъективного права и в этом смысле является одной из форм недобросовестного поведения. Сама же недобросовестность по содержанию шире. Она может проявиться при возникновении правоотношения, при исполнении обязанностей, в процессе защиты права. Подобное разграничение имеет вполне прикладной характер: сведение всех случаев недобросовестности только к ст. 10 ГК РФ не

позволяет увидеть специальные доказательственные правила, которые действуют или могут действовать в отдельных институтах.

Иной аспект поведения характеризует гражданско-правовая вина. Вопрос о вине обращен к психическому отношению лица к собственному действию и его последствиям. Добросовестность позволяет оценивать поведение несколько шире - с учетом назначения права, законных ожиданий другой стороны, последовательности действий и их фактического результата. Не совпадает с ней и разумность. Неразумное решение далеко не всегда недобросовестно; напротив, недобросовестная модель может быть очень рациональной с точки зрения личной выгоды. Смешивать данные категории, как представляется, нет оснований.

Анализ законодательства и судебной практики показал, что презумпция недобросовестности не является исключительно предложением *de lege ferenda*. Отдельные конструкции с аналогичным доказательственным результатом уже существуют. Иногда законодатель прямо связывает установленные обстоятельства с предположением о недобросовестности или осведомленности лица. В других случаях соответствующего термина в норме нет, однако ее содержание либо данное судом толкование приводит к переносу риска недоказанности на другую сторону. Следовательно, решающим является не название конструкции, а тот юридический результат, который наступает после установления предусмотренных обстоятельств.

По этой причине буквальное наличие в законе слов «презумпция недобросовестности» не может быть единственным критерием. Правовая презумпция обнаруживается прежде всего через логику доказывания. Если установление одного фактического состава позволяет временно считать существующим другой юридически значимый факт, пока заинтересованное лицо не докажет обратное, имеются основания говорить о презумптивном правиле. Наименование, выбранное законодателем, в данном случае вторично.

Исследование специальных составов второй главы позволило провести еще одно разграничение - между непосредственным и опосредованным

действием презумпции. При первой модели предполагается сама недобросовестная направленность поведения. При второй презюмируется отдельный факт, который затем влияет на итоговую оценку поведения. По опосредованной модели построены предложения применительно к кабальной сделке, исковой давности и единой потребности заказчика при закупках малого объема. Для потребительских отношений предложен иной вариант: при наличии специального фактического состава предполагается именно недобросовестное осуществление права.

Общим требованием для обеих моделей остается опровержимость. Если лицо лишено возможности доказать обратное, презумпции как таковой уже нет. Вместе с тем одного несогласия с возникшим предположением недостаточно. Опровергающее объяснение должно соотноситься с установленными обстоятельствами, быть внутренне непротиворечивым и допускать проверку. В противном случае доказательственное правило теряет практический смысл.

Применительно к п. 3 ст. 179 ГК РФ наиболее сложным для потерпевшего является доказывание того, что другая сторона воспользовалась его тяжелым положением. Собственные обстоятельства - наличие тяжелой ситуации, вынужденность сделки, экономическую невыгодность условий - потерпевший, как правило, еще может подтвердить. Гораздо сложнее доказать направленность поведения контрагента, особенно когда тот не совершал каких-либо прямо запрещенных действий. Именно здесь и возникает наиболее заметная доказательственная асимметрия.

Поэтому предложено связывать изменение доказательственного риска с тремя обстоятельствами, установленными в совокупности: вынужденностью сделки вследствие стечения тяжелых обстоятельств, крайней невыгодностью условий и осведомленностью либо должной осведомленностью другой стороны о положении потерпевшего. После их доказанности использование тяжелого положения предполагается. Контрагент может опровергнуть такое предположение, показав, что он не знал и не должен был знать о соответствующих обстоятельствах либо что условия сделки имели

самостоятельное экономическое объяснение, соответствовали обычным условиям оборота и не были обусловлены положением потерпевшего.

Свобода договора при таком подходе не отрицается, как не возникает и автоматической недействительности сделки. Изменяется лишь распределение риска применительно к наиболее труднодоказуемому элементу состава. При традиционном подходе обязанность доказать использование тяжелого положения нередко становится для потерпевшего практически непреодолимой. Предлагаемая презумпция снимает именно эту проблему, оставляя другой стороне полноценную возможность доказать обратное.

С исковой давностью возникает сходная, хотя и не тождественная ситуация. Заявление о ее применении предусмотрено законом и само по себе не может рассматриваться как недобросовестное действие. Иная оценка возможна, когда именно предшествующее поведение ответчика стало причиной того, что требование не было предъявлено вовремя, после чего тот же ответчик ссылается на истечение срока. В таком случае буквальное применение п. 2 ст. 199 ГК РФ способно дать лицу преимущество за счет обстоятельств, созданных им самим.

Юридическое значение имеют действия или бездействие, совершенные до истечения срока и исключившие либо существенно затруднившие обращение за судебной защитой. В качестве примеров можно назвать сокрытие необходимых сведений, сообщение недостоверной информации, создание иных препятствий для предъявления требования. Если такие обстоятельства доказаны, связь между поведением ответчика и пропуском срока предлагается предполагать. При этом ответчик вправе показать, что соответствующей связи не было, его действия имели самостоятельное разумное объяснение либо истец, располагая необходимыми сведениями и реальной возможностью, все же мог своевременно обратиться в суд.

Пока возникшее предположение не опровергнуто, применение исковой давности как основания для отказа в иске представляется необоснованным. Однако и здесь необходим предел. Без специального решения законодателя данное правило не должно распространяться на объективный десятилетний срок,

предусмотренный п. 2 ст. 196 ГК РФ. В данном случае значение имеет уже не только поведение сторон, но и необходимость обеспечить устойчивость гражданского оборота, исключив неопределенно длительное сохранение спорного состояния.

При анализе закупок малого объема обнаружилась другая проблема. Само количество контрактов, близость дат или совпадение поставщика еще не свидетельствуют об искусственном дроблении. Хозяйственная деятельность вполне может потребовать нескольких самостоятельных закупок, возникших последовательно и не связанных между собой. Поэтому механически сложить стоимость договоров и на этом основании сделать вывод о недобросовестности заказчика было бы неправильно.

Определяющим, по нашему мнению, является вопрос о заранее известной единой потребности заказчика. На ее наличие способны указывать взаимосвязанные предметы закупок, общий хозяйственный результат, временная близость договоров, отсутствие у каждой закупки самостоятельного хозяйственного значения. Установление этих обстоятельств в совокупности позволяет предполагать, что потребность была единой еще до заключения отдельных контрактов. Заказчик вправе доказать обратное: показать самостоятельное назначение закупок, невозможность заранее определить общий объем либо наличие иных обстоятельств, исключающих направленность на обход конкурентной процедуры.

Отдельной оценки требует поведение поставщика, подрядчика или исполнителя. Заключение нескольких контрактов с одним лицом не делает его автоматически участником недобросовестной модели. Необходимо установить, знал ли он о единой потребности заказчика, были ли действия согласованы, имелись ли иные обстоятельства, из которых следует общая направленность на неприменение конкурентного способа определения поставщика. Такой подход позволяет противодействовать искусственному дроблению и одновременно не ставит под сомнение правомерные закупки малого объема, обусловленные самостоятельными хозяйственными потребностями.

В потребительских отношениях ситуация имеет свои особенности. Повышенный уровень защиты потребителя оправдан фактическим неравенством сторон, прежде всего информационным и организационным. Однако специальный статус не исключает действия общего требования добросовестности. Потребительские гарантии существуют для восстановления нарушенного права. Использование их как самостоятельного способа получения выгоды, не связанной с устранением нарушения, уже требует иной правовой оценки.

Поэтому фактическое основание специальной презумпции не может сводиться к активности потребителя либо к большому размеру требования. Требуется установить обстоятельства, указывающие на искажение восстановительного назначения гарантии. К ним могут относиться заведомо недостоверные сведения, сокрытие информации, без которой добровольное исполнение невозможно, уклонение от необходимых действий, необоснованный отказ принять надлежащее исполнение, использование очевидной технической или программной ошибки для существенного увеличения последствий спорной ситуации.

Перечислить все возможные варианты такого поведения заранее вряд ли возможно. Практика гражданского оборота меняется, вместе с ней меняются и способы недобросовестного использования предоставленных возможностей. Поэтому главным является не внешняя форма отдельного действия, а его направленность. Суду необходимо установить, действительно ли потребитель добивается восстановления нарушенного права либо соответствующая гарантия используется уже для получения самостоятельного необоснованного преимущества.

Определенная основа для подобной оценки в действующем законодательстве уже имеется. Пункт 7 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей» допускает освобождение от потребительского штрафа, если добровольное удовлетворение требования оказалось невозможным вследствие поведения самого потребителя. Вместе с тем данная норма регулирует только

одно последствие и не решает вопрос о недобросовестном осуществлении права в целом. По этой причине предложено специальное доказательственное правило, в котором должны быть определены фактическое основание презумпции, возможность ее опровержения и пределы правовых последствий.

При этом действительно нарушенное право потребителя должно сохранять защиту. Недобросовестность при осуществлении отдельных правомочий не дает оснований игнорировать нарушение, допущенное продавцом, исполнителем или изготовителем. Ограничение возможно лишь в той части притязания, которая возникла вследствие поведения самого потребителя и направлена на получение необоснованного преимущества. Именно такой подход позволяет, по нашему мнению, сохранить охранительную направленность специального законодательства, не выводя потребителя за пределы общего требования добросовестности.

Исследование подтвердило также, что презумпцию недобросовестности нельзя относить к самостоятельным способам защиты гражданских прав. Она не заменяет признание права, недействительность сделки, взыскание убытков и иные предусмотренные законом последствия. Ее функция иная. Посредством презумпции изменяется доказательственная позиция сторон при установлении юридически значимых обстоятельств, что в дальнейшем обеспечивает применение того способа защиты, который уже предусмотрен законом.

Возникновение презумпции, безусловно, не освобождает суд от исследования доказательств. Не становится менее строгим и требование к мотивировке судебного акта. Скорее наоборот: чем более оценочной является категория, тем яснее должно быть объяснение ее применения. Сначала устанавливаются обстоятельства, образующие фактическое основание. Затем необходимо показать, почему именно их совокупность делает сомнение в добросовестности обоснованным и оправдывает перенос риска. Только после этого оцениваются объяснения и доказательства, представленные для опровержения, и определяется соответствующее правовое последствие.

Последовательность имеет принципиальное значение. Без нее ссылка на недобросовестность способна превратиться в удобную, но практически непроверяемую формулу. Судебный акт должен содержать указание на конкретные обстоятельства, вызвавшие сомнение, их взаимосвязь и оценку доводов лица, на которое был перенесен доказательственный риск. Иными словами, мотивировка здесь является не внешним дополнением к презумпции, а одним из условий, препятствующих ее произвольному применению.

Настоящая работа, конечно, не исчерпывает все возможные сферы действия предложенной конструкции. В гражданском обороте существуют и другие отношения, где формальная правомерность сочетается с выраженной информационной и доказательственной асимметрией. Однако одной сложности доказывания для расширения презумпции недостаточно. Необходимо выявить устойчиво повторяющуюся модель поведения, сформировать специальный фактический состав, показать объективную затруднительность обычного доказывания и, что особенно важно, сохранить для лица реальную возможность опровержения.

Дальнейшего исследования требуют отрицательные признаки недобросовестности применительно к отдельным видам отношений, допустимый объем возлагаемого доказательственного бремени, соотношение материально-правовых и процессуальных последствий, влияние презумпции на единообразие судебной практики. При этом направление дальнейшей разработки должно оставаться достаточно осторожным. Презумпция недобросовестности не может превратиться в общее подозрение всех участников гражданского оборота. Иначе исключительное правило фактически вытеснит презумпцию, закрепленную в п. 5 ст. 10 ГК РФ, что противоречило бы самой логике предложенной конструкции.

Подводя итог, полагаем, что презумпция недобросовестности должна иметь исключительный характер. Ее назначение состоит не в облегчении доказывания само по себе, а в преодолении доказательственной асимметрии в тех случаях, когда внешне правомерная модель поведения содержит

совокупность объективируемых признаков отклонения от стандарта добросовестности. Исходное доверие к участнику оборота, специальный фактический состав, обязательная возможность опровержения и мотивированная судебная оценка образуют пределы использования такой презумпции. При соблюдении этих условий она способна повысить эффективность защиты гражданских прав и одновременно не позволяет получить необоснованное преимущество за счет одной только формальной правомерности поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1.1. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. № 0001202210060013.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2026. № 24. Ст. 3099.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410; 2025. № 26 (часть I). Ст. 3508.

4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207; 2025. № 31. Ст. 4658.

5. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1001; 2025. № 31. Ст. 4661.

6. Закон РФ от 07 февраля 1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140; 2025. № 28. Ст. 3834.

7. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 25 сентября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1; 2025. № 31. Ст. 4666.

8. Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 04 августа 2026 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785; 2026. № 32. Ст. 4516.

9. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002. № 209–210; 2026. № 24. Ст. 3106.

10. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 04 августа 2026 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652; 2026. № 32. Ст. 4527.

11. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4962.

12. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1.2. Проекты нормативных правовых актов

13. Проект федерального закона № 667365-8 «О внесении изменений в Федеральный закон „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд“ и статьи 5 и 8 Федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Проект федерального закона № 958802-8 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О защите прав потребителей“» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/958802-8> (дата обращения: 29.08.2025).

1.3. Правовые акты, утратившие силу

15. Декрет СНК РСФСР от 23 января 1919 г. «О расчетных операциях между советскими учреждениями, советскими и находящимися в ведении или под контролем советских организаций предприятиями и о приобретении ими предметов за наличный расчет» // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 22.

16. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; Свод законов РСФСР. Т. 2. С. 7.

17. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (ред. от 02 июля 2013 г.) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105; 2013. № 27. Ст. 3463.

1.4. Иные официальные документы

18. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

19. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407948149/> (дата обращения: 18.01.2024).

20. Письмо Минэкономразвития России от 29 марта 2017 г. № Д28и-1353. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Письмо ФАС России от 14 ноября 2019 г. № ИА/100041/19 «О порядке применения пунктов 4, 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд“». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Информационное письмо Минфина России от 08.06.2022 № 24-01-07/54275. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Письмо ФАС России от 10 февраля 2026 г. № ГР/9863/26 «О рассмотрении обращения». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

II. Научная и специальная литература

2.1. Монографии

24. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.

25. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Ж.-Л. Бержель; пер. с фр. Г.В. Чуршукова; под общ. ред. В.И. Даниленко. – М.: NOTA BENE, 2000. – 576 с.

26. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Кн. 4: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 5-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 910 с.

27. Булаевский, Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография / Б.А. Булаевский. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2017. – 240 с.

28. Вавилин, Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – 416 с.

29. Виниченко, Ю.В. Категория разумности в гражданском праве России / Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 171 с.

30. Волков, А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике: анализ более

250 судебных дел о злоупотреблении правом / А.В. Волков. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 960 с.

31. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – 2-е изд. – М.: Статут, 2020. – 414 с.

32. Динесман, И.Ю. Кабальные сделки и ростовщичество / И.Ю. Динесман. – М.; Л., 1926. – 48 с.

33. Доронина, Н.Г., Семилютина, Н.Г., Казанцев, Н.М. [и др.] Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Н.Г. Доронина, Н.Г. Семилютина, Н.М. Казанцев [и др.]; отв. ред. А.В. Габов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Статут, 2015. – 400 с.

34. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В.И. Емельянов. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 160 с.

35. Зейдер, Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н.Б. Зейдер. – М.: Юридическая литература, 1966. – 192 с.

36. Ильин, И.А. Теория права и государства / И.А. Ильин; под ред. В.Л. Томсинова. – 2-е изд., доп. – М.: Зерцало-М, 2014. – 550 с.

37. Каминская, В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В.И. Каминская. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 132 с.

38. Кант, И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – 544 с.

39. Канторович, Я.А. Основные идеи гражданского права / Я.А. Канторович; с предисл. А. Малицкого. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1928. – 310 с.

40. Карапетов, А.Г., Савельев, А.И. Свобода договора и ее пределы / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. – М.: Статут, 2012. – Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. – 452 с.

41. Карапетов, А.Г., Савельев, А.И. Свобода договора и ее пределы / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. – М.: Статут, 2012. – Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. – 453 с.
42. Кириллова, М.Я., Крашенинников, П.В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность / М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинников. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2016. – 80 с.
43. Кирюшкин, Р.А. Злоупотребление правом: монография / Р.А. Кирюшкин. – М.: КНОРУС, 2021. – 192 с.
44. Клейнман, А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права: очерки по истории / А.Ф. Клейнман. – М.: Изд-во Московского университета, 1967. – 119 с.
45. Кратенко, М.В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты / М.В. Кратенко. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 208 с.
46. Крашенинников, Е.А. Гражданское право и процесс. Избранные труды / Е.А. Крашенинников; отв. ред. Ю.В. Байгушева. – М.: Юрайт, 2020. – 1125 с.
47. Кузнецова, О.А. Презумпции в российском гражданском праве / О.А. Кузнецова. – Пермь, 2002. – 164 с.
48. Ларенц, К., Канарис, К.-В. Методология юриспруденции / К. Ларенц, К.-В. Канарис; пер. с нем. К.В. Нама. – М.: М-Логос, 2024. – 357 с.
49. Лобовиков, В.О. Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права / В.О. Лобовиков. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1984. – 272 с.
50. Лугманов, Р.Р. Информационные обязанности, вытекающие из принципа добросовестности: правовой и экономический анализ: монография / Р.Р. Лугманов. – Электрон. изд. – М.: М-Логос, 2022. – 293 с.
51. Лукьяненко, М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность: монография / М.Ф. Лукьяненко. – М.: Статут, 2010. – 423 с.

52. Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом: теоретико-правовое исследование / А.А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 352 с.
53. Мейер, Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях / Д.И. Мейер. – Казань, 1854. – 127 с.
54. Новицкий, И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. / И.Б. Новицкий. – М.: Статут, 2006. – Т. 1. – 460 с.
55. Ойгензихт, В.А. Воля и волеизъявление: очерки теории, философии и психологии права / В.А. Ойгензихт. – Душанбе: Дониш, 1983. – 256 с.
56. Ойгензихт, В.А. Презумпции в советском гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 190 с.
57. Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / Р.Ю. Банников, О.И. Величкова, Е.А. Евтухович [и др.]; под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Статут, 2023. – 272 с.
58. Петражицкий, Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права / Л.И. Петражицкий. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2025. – 418 с.
59. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут, 1998. – 353 с.
60. Поротикова, О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О.А. Поротикова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 256 с.
61. Семенов, В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства / В.М. Семенов. – М.: Юридическая литература, 1982. – 152 с.
62. Сериков, Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / Ю.А. Сериков; науч. ред. В.В. Ярков. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 184 с.
63. Соловьев, В.С. Право и нравственность: очерки из прикладной этики / В.С. Соловьев. – СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1897. – 179 с.
64. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Городец, 2004. – 272 с.

65. Филиппов, П.М., Белоножкин, А.Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребления им / П.М. Филиппов, А.Ю. Белоножкин. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2009. – 248 с.
66. Чичерин, Б.Н. Философия права. Избранные сочинения. – М.: Юрайт, 2023. – 371 с. ISBN 978-5-534-11862-9. Текст: электронный / Б.Н. Чичерин // Образовательная платформа «Юрайт»: сайт. URL: <https://urait.ru/bcode/513670> (дата обращения: 27.11.2023).
67. Черданцев, А.Ф. Толкование советского права: теория и практика / А.Ф. Черданцев. – М.: Юридическая литература, 1979. – 168 с.
68. Шиткина, И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография / И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2022. – 316 с.
69. Шишмарева, Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2018. – 239 с.
70. Юдельсон, К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон. – М.: Госюриздат, 1951. – 295 с.

2.2. Учебная и справочная литература

71. Асосков, А.В., Байбак, В.В., Бевзенко, Р.С. [и др.] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. Электрон. изд. Ред. 1.0. – М.: М-Логос, 2020. – 1469 с.
72. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве / В.К. Бабаев. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. – 124 с.
73. Байбак, В.В., Бевзенко, Р.С., Беляева, О.А. [и др.] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.

74. Байбак, В.В., Бевзенко, Р.С., Будылин, С.Л. [и др.] Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с.
75. Барац, С.М. [и др.] Гражданское и торговое право: энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 10 т. / С.М. Барац [и др.]; сост. В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2020. – Т. 6: «Определение» – «Презумпция». – 385 с.
76. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2013. – 310 с.
77. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2008. – Т. 1. – 584 с.
78. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садилов. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 1997. – XXII, 778 с.
79. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1: Части первая, вторая ГК РФ / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2009. – 926 с.
80. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»: постатейный / А.М. Баринов, А.Ю. Бушев, О.А. Городов [и др.]; под ред. В.Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 1200 с.
81. Нерсисянц, В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник / В.С. Нерсисянц; Институт государства и права РАН; под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 816 с.
82. Пирогова, Е.С., Курбатов, А.Я. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для вузов / Е.С. Пирогова, А.Я. Курбатов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 281 с.
83. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010. – 1208 с.

2.3. Статьи в научных журналах и иных изданиях

84. Lowenthal, M.A., Pastuszewski, B.E., Greenwald, M.E. Time Bars in Specialized Federal Common Law: Federal Rights of Action and State Statutes of Limitations / M.A. Lowenthal, B.E. Pastuszewski, M.E. Greenwald // Cornell Law Review. 1980. Vol. 65, iss. 6. P. 1011–1105. URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/clr/vol65/iss6/3> (accessed: 18.08.2026).

85. Абакумова, Е.Б. Принципы добросовестности и разумности в корпоративных правоотношениях / Е.Б. Абакумова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 4. – С. 32–40.

86. Агамагомедова, С.А. Экономическая солидарность: конституционный принцип и ценность экономического взаимодействия / С.А. Агамагомедова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 114–138.

87. Агарков, М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М.М. Агарков // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424–436.

88. Азаров, Д.В. О некоторых вопросах правоприменения по делам о банкротстве граждан / Д.В. Азаров // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 1 (29). – С. 77–84.

89. Акопян Дж.А. Оценочные понятия в отечественном праве // ИС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30056988 (дата обращения: 05.03.2024).

90. Антонов, В.Ф. Правила социалистического общежития в советских нормативных актах / В.Ф. Антонов // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 73–79.

91. Антонов, М.А. Добросовестность как общеправовой принцип российского права / М.А. Антонов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 137–141.

92. Антонов, М.А. Злоупотребление правом в сфере защиты прав потребителей / М.А. Антонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2026. – № 2 (169). – С. 142–147.

93. Антонов, М.А. Недобросовестность при искусственном дроблении закупок у единственного поставщика / М.А. Антонов // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15. – № 10А. – С. 238–244.

94. Антонов, М.А. Презумпция недобросовестности как инструмент защиты прав кредиторов в банкротстве / М.А. Антонов // Юридическая наука. – 2024. – № 11. – С. 129–133.

95. Антонов, М.А. Признание заявления о применении исковой давности злоупотреблением правом / М.А. Антонов // Правовая система и вызовы современности: материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках V Международного юридического молодежного форума: в 2 ч. – Уфа, 2020. – С. 9–13.

96. Антонов, М.А. Философско-правовое понимание принципа добросовестности / М.А. Антонов // Экономика, управление, общество: история и современность: материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск, 2024. – С. 257–259.

97. Баринов, Н.А. Размышления о предмете гражданского права / Н.А. Баринов // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 2 (78). – С. 68–78.

98. Белова, Ю.Н. Правовые механизмы осуществления закупки у единственного поставщика отдельными видами юридических лиц: основания, особенности признания и заключения договора / Ю.Н. Белова // Правоприменение. – 2025. – Т. 9. – № 2. – С. 130–139.

99. Белоусов, С.А., Суменков, С.Ю. Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ / С.А. Белоусов, С.Ю. Суменков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 45–50.

100. Бельдина, О.Г., Бурлака, С.Н. Потребительский экстремизм в современных реалиях / О.Г. Бельдина, С.Н. Бурлака // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11 (239). – С. 382–383.

101. Борейшо, Д.В., Папилин, И.И. Обзор практики применения нормы статьи 434.1 ГК РФ / Д.В. Борейшо, И.И. Папилин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 5. – С. 178–203.

102. Бронникова, М.Н. Проблемы применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений / М.Н. Бронникова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2007. – № 1. – С. 55–68.

103. Бутнев, В.В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав / В.В. Бутнев // Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990. – С. 5–17.

104. Бушев, А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева / А.Ю. Бушев // Закон. – 2023. – № 9. – С. 156–169.

105. Веденеев, Е.Ю. Роль презумпций в гражданском праве, арбитражном и гражданском судопроизводстве / Е.Ю. Веденеев // Государство и право. – 1998. – № 2. – С. 43–49.

106. Витрянский, В.В. Гражданский кодекс и суд / В.В. Витрянский // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 7. – С. 129–133.

107. Витрянский, В.В. Защита слабой стороны в договоре / В.В. Витрянский // Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. – М.: Статут, 2001. – С. 792–803.

108. Власов, А.А., Двалишвили, Л.З. Недобросовестность ответчика как основание неприменения судом срока исковой давности / А.А. Власов, Л.З. Двалишвили // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 4. – С. 1056–1068.

109. Волос, А.А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации / А.А. Волос // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17. – № 3. – С. 84–105.

110. Волос, А.А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота / А.А. Волос // Lex Russica. – 2023. – Т. 76. – № 6. – С. 128–137.

111. Габов, А.В. Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 39–47.

112. Габов, А.В. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории / А.В. Габов // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2022. – Т. 47. – № 2. – С. 271–298.

113. Габов, А.В. Притворные сделки в отечественном праве: история и современность / А.В. Габов // Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 211–226.

114. Гаджиев, Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 1. – С. 16–28.

115. Гальперин, М.Л. «Кобра» грозит судебными штрафами. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 ноября 2021 года № 304-ЭС21-20371 / М.Л. Гальперин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 5 (99). – С. 5–12.

116. Гаранин, И.И. Неправомерные и противоправные действия в системе гражданских правонарушений / И.И. Гаранин // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 4. – С. 88–92.

117. Голанова, Ю.А. Потребительский экстремизм как угроза для предпринимателей / Ю.А. Голанова // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 16. – С. 175–183.

118. Голубцов, В.Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права / В.Г. Голубцов // Lex Russica. – 2019. – № 8. – С. 37–50.

119. Голубцов, В.Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения / В.Г. Голубцов // Российский юридический журнал. – 2020. – № 2. – С. 142–150.

120. Грось, Л. О некоторых вопросах доказывания в уголовном судопроизводстве с позиций преподавателя гражданского процессуального права / Л. Грось // Мировой судья. – 2009. – № 5. – С. 24–28.

121. Губин, Е.П. Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права / Е.П. Губин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 1. – С. 36–46.

122. Гурьева, С.Р. Обеспечение конкуренции при заключении государственных контрактов / С.Р. Гурьева // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 3. – С. 136–146.

123. Гутников, О.В. Защита гражданских прав в концепции развития гражданского законодательства / О.В. Гутников // Проблемы совершенствования гражданского законодательства: материалы IV Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся, Москва, 28 октября 2009 г. / отв. ред. В.М. Жуйков. – Москва, 2010. – С. 45–51.

124. Двалишвили, Л.З. О правовой природе принципа добросовестности / Л.З. Двалишвили // Мировой судья. – 2023. – № 4. – С. 33–37.

125. Демкина, А.В. Добросовестное и недобросовестное поведение на преддоговорном этапе / А.В. Демкина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 4. – С. 6–14.

126. Добрецов, Г.Б. Обеспечение баланса интересов заказчика и защиты конкуренции при осуществлении публичных закупок / Г.Б. Добрецов // Российское конкурентное право и экономика. – 2022. – № 3. – С. 58–71.

127. Дождев, Д.В. Добросовестность (*bona fides*) как правовой принцип / Д.В. Дождев // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 96–128.

128. Жабровский, Р.А. Негативные аспекты деления закупки на части / Р.А. Жабровский // Право в Вооруженных Силах. – 2018. – № 2. – С. 33–37.
129. Закупень, Т.В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданами-заемщиками / Т.В. Закупень // Банковское право. – 2015. – № 1. – С. 23–30.
130. Зарубина, М.Н. О законодательных уловках ограничения права на обращение в суд с исками о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок / М.Н. Зарубина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, вып. 2, ч. 1. – С. 349–356.
131. Зарубина, М.Н. Принцип добросовестности государственных органов и должностных лиц при рассмотрении дел особого производства / М.Н. Зарубина // Юридическая наука. – 2022. – № 6. – С. 45–49.
132. Зарубина, М.Н. Принцип судебного руководства как эффективное средство реализации целей и задач правосудия в исковом производстве / М.Н. Зарубина // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7 (235). – С. 358–361.
133. Захаров, Д.Е. Противоправность как условие ответственности за нарушение договора / Д.Е. Захаров // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 2. – С. 54–57.
134. Илюшина, М.Н. Реформа института о недействительности сделок: современное состояние и нерешенные проблемы / М.Н. Илюшина // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 2 (11). – С. 4–10.
135. Иоффе, О.С., Грибанов, В.П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав / О.С. Иоффе, В.П. Грибанов // Советское государство и право. – 1964. – № 7. – С. 76–85.
136. Исаенкова, О.В. Право на судебную защиту: некоторые проблемы реализации / О.В. Исаенкова // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: материалы IV

Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 18 февраля 2016 г. / редкол.: А.В. Герасимов, Д.Б. Данилов, М.В. Жаботинский [и др.]. Краснодар, 2016. – С. 6–11.

137. Исмаилов, А.Ю. Добросовестность – мера присутствия морального начала в правовой сфере индивидуального бытия человека / А.Ю. Исмаилов // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пенза; Прага, 2011. – С. 8–12.

138. Кабанова, И.Е. Некоторые аспекты реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в правоотношениях с участием органов публичной власти и их должностных лиц / И.Е. Кабанова // Гражданское право. – 2014. – № 5. – С. 23–26.

139. Калина, В.Ф., Милохова, А.В. Гражданско-правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория / В.Ф. Калина, А.В. Милохова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2018. – № 3 (13). – С. 125–133.

140. Карлявин, И.Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве / И.Ю. Карлявин // *Lex Russica*. – 2015. – № 1 (98). – С. 130–140.

141. Кашанина, Т.В. Оценочные понятия в советском праве / Т.В. Кашанина // Правоведение. – 1976. – № 1. – С. 25–31.

142. Колодуб, Г.В. К вопросу о механизме защиты гражданских прав / Г.В. Колодуб // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы III ежегодной Международной научно-практической конференции, Иркутск, 19–20 сентября 2014 г. / под ред. Н.П. Асланян, Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 66–70.

143. Коновалов, А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике / А.В. Коновалов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 4–14.

144. Кубрава, А.Б. Соотношение принципов свободы договора и добросовестности / А.Б. Кубрава // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 107–109.

145. Кузбагаров, А.Н. Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовые аспекты / А.Н. Кузбагаров // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159, кн. 2. – С. 418–425.

146. Курбатов, А.Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности / А.Я. Курбатов // Черные дыры в российском законодательстве. – 2001. – № 1. – С. 115–120. URL: https://www.cfin.ru/press/black/2001-1/03_01_kurbatoff.shtml (дата обращения: 29.08.2025).

147. Лескова, Ю.Г., Жукова, Ю.Д., Павлова, К.П. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных стран / Ю.Г. Лескова, Ю.Д. Жукова, К.П. Павлова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 2 (40). – С. 264–289.

148. Матузов, Н.И. Право и политика: антиподы или союзники? / Н.И. Матузов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 6 (101). – С. 11–26.

149. Михайлов, С.В. Значение категории добросовестности для обязательственных отношений и последствий недействительности договоров цессии / С.В. Михайлов // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2006. – С. 174–193.

150. Монастырский, Ю.Э. Современное значение понятия «степень вины» при привлечении к ответственности директоров в корпоративном праве России / Ю.Э. Монастырский // Хозяйство и право. – 2022. – № 8. – С. 33–56.

151. Нам, К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины / К.В. Нам // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17. – № 6. – С. 74–89.
152. Нилов, И.Л. Возникновение потребительского экстремизма / И.Л. Нилов // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5 (36). – С. 21–25.
153. Нилов, И.Л. Потребительский экстремизм как одна из форм злоупотребления гражданскими правами / И.Л. Нилов // Экономика, социология и право. – 2017. – № 3. – С. 119–122.
154. Новицкий, И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 124–181.
155. Ожегова, Г.А. К понятию «потребительский экстремизм» / Г.А. Ожегова // Юрист. – 2014. – № 14. – С. 15–19.
156. Поляков, М.А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве / М.А. Поляков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 385–389.
157. Попондопуло, В.Ф. Ответственность за нарушение обязательств: общая характеристика и проблемы / В.Ф. Попондопуло // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 1. – С. 79–101.
158. Поснов, И.В., Темботов, Р.А. Злоупотребление потребителем правами на защиту (потребительский экстремизм) / И.В. Поснов, Р.А. Темботов // Образование и право. – 2022. – № 9. – С. 44–48.
159. Потапенко, Е.Г. Оптимизация арбитражного процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права / Е.Г. Потапенко // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 112–153.
160. Потапенко, С.В., Зарубин, А.В. Недействительность сделок с пороками воли, вызванными виновным поведением контрагента либо иных лиц / С.В. Потапенко, А.В. Зарубин // Известия Байкальского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 123–127.

161. Потеева, А.В. О злоупотреблении правом на обращение с заявлением о применении исковой давности: вопросы правовой квалификации / А.В. Потеева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 2 (82). – С. 107–114.

162. Пустомолотов, И.И. Категория «недобросовестность» в гражданском законодательстве / И.И. Пустомолотов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 120–125.

163. Райников, А.С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция / А.С. Райников // Вестник гражданского права. – 2023. – Т. 23. – № 2. – С. 50–80.

164. Решетникова, И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе / И.В. Решетникова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 16–28.

165. Родионова, О.М. Метод правового регулирования публичных закупок в условиях их цифровизации / О.М. Родионова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2020. – № 1 (17). – С. 8–11.

166. Рыженков, А.Я. Юридический состав кабальной сделки: проблемы теории и практики / А.Я. Рыженков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 2 (16). – С. 151–159.

167. Савин, К.Г. К проблеме влияния преступления на исчисление срока исковой давности / К.Г. Савин // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 103–134.

168. Савранская, Д.Д. Кабальные сделки / Д.Д. Савранская // Сделки, представительство, исковая давность: сб. работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2017. – С. 399–451.

169. Сафаева, Н.Р. Косвенные иски по корпоративным спорам. Особенности доказывания / Н.Р. Сафаева // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 369–381.

170. Сергеев, А.П., Терещенко, Т.А. Можно ли признать заявление об истечении исковой давности злоупотреблением правом? / А.П. Сергеев, Т.А. Терещенко // Закон. – 2014. – № 8. – С. 91–101.

171. Скловский, К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К.И. Скловский // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 79–94.

172. Скловский, К.И. Применение права и принцип добросовестности / К.И. Скловский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 94–118.

173. Соловых, С.Ж. Право на судебную защиту и его реализация в арбитражном судопроизводстве / С.Ж. Соловых // Научный портал МВД России. – 2012. – № 4. – С. 101–105.

174. Соловых, С.Ж. Система процессуальных гарантий субъективных процессуальных прав лиц, участвующих в арбитражном судопроизводстве: понятие и эффективность / С.Ж. Соловых // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 5. – С. 196–201.

175. Соломин, С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы / С.К. Соломин // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2016. – № 2 (47). – С. 75–85.

176. Тарасенко, Ю.А. Злоупотребление правом: теория проблемы с точки зрения применения статьи 10 ГК РФ в арбитражном процессе / Ю.А. Тарасенко // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов. – Брянск, 2003. – Вып. 7. – С. 131–140.

177. Тарасов, М.Ю., Ступаченко, Е.В. Закупка у единственного поставщика: вопросы правоприменительной практики и совершенствования законодательства / М.Ю. Тарасов, Е.В. Ступаченко // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10 (226). – С. 220–224.

178. Ульянищев, В.Г., Бадаева, Н.В. «Принцип добросовестности» и идея «справедливости» в гражданском праве / В.Г. Ульянищев, Н.В. Бадаева // Юридические исследования. – 2018. – № 9. – С. 30–46.

179. Усольцев, Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя – актуальная проблема современной цивилистики / Е.Ю. Усольцев // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 6 (285). – С. 106–110.
180. Усольцев, Е.Ю. Понятия «потребительский экстремизм» и «злоупотребление потребителем правом»: сравнительный анализ / Е.Ю. Усольцев // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 12 (243). – С. 108–112.
181. Усольцев, Е.Ю. Проблема определения и соотношения понятий «недобросовестность», «злоупотребление правом» и «шикана» / Е.Ю. Усольцев // Современный юрист. – 2022. – № 1 (38). – С. 49–58.
182. Федин, И.Г. Добросовестность как правовая категория / И.Г. Федин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4 (89). – С. 21–30.
183. Фогельсон, Ю.Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике / Ю.Б. Фогельсон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 9. – С. 103–116.
184. Хомяков, А.Н., Алиев, В.А., Москвитин, О.А., Бочинин, И.П. Недопустимость имитации соблюдения закона при заключении государственного контракта с единственным поставщиком (на примере уголовно-исполнительной системы) / А.Н. Хомяков, В.А. Алиев, О.А. Москвитин, И.П. Бочинин // Российское конкурентное право и экономика. – 2020. – № 4 (24). – С. 84–89.
185. Цыбулевская, О.И. Злоупотребление правом как нравственная проблема / О.И. Цыбулевская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2003–2004. Вып. 6. – С. 56–62.
186. Цыбуленко, З.И. Проблемы осуществления субъективных гражданских прав в России / З.И. Цыбуленко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 3 (98). – С. 39–46.
187. Чагин, К. Закупки у единственного поставщика по Закону № 223-ФЗ / К. Чагин // Прогосказ.рф. – 2019. – № 11. – С. 40–49.

188. Черниловский, З.М. Презумпции и фикции в истории права / З.М. Черниловский // Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 98–105.
189. Шагалиева, В.А. Закон «О защите прав потребителей»: проблемы неверного толкования и злоупотребления. Потребительский экстремизм / В.А. Шагалиева // Science Time. – 2015. – № 1. – С. 485–490.
190. Шайхутдинова, А.И., Самотоина, А.Е., Матюшенков, Р.Ю. Практика применения статьи 179 ГК РФ: угроза, обман, кабальность / А.И. Шайхутдинова, А.Е. Самотоина, Р.Ю. Матюшенков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 4. – С. 162–179.
191. Шеменева, О.Н. Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам / О.Н. Шеменева // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 343–353.
192. Шереметьева, А.К., Галиева, В.Д. Исключительность неконкурентных процедур как форма защиты публичных интересов / А.К. Шереметьева, В.Д. Галиева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 172–174.
193. Юдин, А.В. «Злоупотребление правом на обращение» по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц / А.В. Юдин // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 108–114.
194. Юдин, А.В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве / А.В. Юдин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2014. – № 1 (15). – С. 39–44.
195. Яценко, Т.С. Антисоциальные явления в гражданском праве: понятие и меры противодействия им / Т.С. Яценко // Юрист-Правоведь. – 2007. – № 1. – С. 82–87.
196. Яценко, Т.С. Механизм защиты прав добросовестных вкладчиков: современное состояние и перспективы совершенствования / Т.С. Яценко // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 8. – С. 36–48.

197. Яценко, Т.С. Правовая категория злоупотребления правом в теории цивилистики / Т.С. Яценко // *Философия права*. – 2008. – № 2. – С. 45–51.

198. Яценко, Т.С. Роль запретов в гражданско-правовом механизме охраны публичных интересов / Т.С. Яценко // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. – 2014. – № 1. – С. 69–74.

2.4. Диссертации и авторефераты диссертаций

199. Астемирова, Л.А. Презумпции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Астемирова. – М., 2010. – 24 с.

200. Баулин, О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.В. Баулин. – М., 2005. – 42 с.

201. Беджаше, Л.К. Институт исковой давности в механизме принудительной защиты субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.К. Беджаше. – Краснодар, 2004. – 30 с.

202. Богдан, В.В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Богдан. – Курск, 2015. – 389 с.

203. Воложанин, В.П. Юридические предположения в советском гражданском праве и процессе: дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Воложанин. – Свердловск, 1953. – 274 с.

204. Волосатова, Л.В. Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Волосатова. – М., 2005. – 195 с.

205. Вострикова, Л.Г. Сроки осуществления защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук / Л.Г. Вострикова. – М., 2000. – 159 с.

206. Грибков, Д.А. Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Грибков. – М., 2009. – 26 с.

207. Дроздова, Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.Ю. Дроздова. – Иркутск, 2004. – 26 с.

208. Зарубин, А.В. Недействительность сделок с пороками воли: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Зарубин. – Краснодар, 2004. – 28 с.
209. Карпова, А.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Карпова. – Самара, 2022. – 254 с.
210. Кравченко, А.А. Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): правовые вопросы: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Кравченко. – М., 2020. – 270 с.
211. Кротова, Е.Н. Неправомерные деяния в системе юридических фактов: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Кротова. – Нижний Новгород, 2022. – 266 с.
212. Кузнецова, О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук / О.А. Кузнецова. – Екатеринбург, 2007. – 430 с.
213. Латыпов, Д.Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук / Д.Н. Латыпов. – Пермь, 2022. – 482 с.
214. Малкина, В.И. Конфликт интересов в юридических лицах: дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Малкина. – М., 2021. – 197 с.
215. Мильков, А.В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Мильков. – М., 2015. – 41 с.
216. Нам, К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: дис. ... д-ра юрид. наук / К.В. Нам. – М., 2021. – 472 с.
217. Никиташина, Н.А. Юридические предположения в механизме правового регулирования (правовые презумпции и фикции): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Никиташина. – Абакан, 2004. – 30 с.
218. Потапова, О.А. Принципы гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Потапова. – Ульяновск, 2002. – 172 с.

219. Савин, К.Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / К.Г. Савин. – М., 2019. – 204 с.
220. Савсерис, С.В. Категория «недобросовестность» в налоговом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Савсерис. – М., 2006. – 22 с.
221. Седова, Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук / Ж.И. Седова. – М., 2024. – 569 с.
222. Соловых, С.Ж. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук / С.Ж. Соловых. – Саратов, 2019. – 481 с.
223. Усольцев, Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Усольцев. – Новосибирск, 2023. – 204 с.
224. Фролова, Н.Ю. Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Ю. Фролова. – Казань, 2010. – 24 с.
225. Чистякова, Ю.А. Социальные презумпции как регулятор общественных отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю.А. Чистякова. – Нижний Новгород, 2004. – 28 с.
226. Шмелева, М.В. Концепция государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации: в 2 т.: дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Шмелева. – Саратов, 2022. – 1134 с.
227. Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Юдин. – СПб., 2009. – 47 с.
228. Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Юдин. – СПб., 2009. – 537 с.
229. Яценко, Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т.С. Яценко. – М., 2016. – 51 с.

III. Материалы правоприменительной практики

230. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1229-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

231. Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 371-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Иванова Александра Геннадьевича и Титовой Оксаны Александровны на нарушение их конституционных прав п. 1 ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

232. Определение Конституционного Суда РФ от 3 ноября 2006 г. № 445-О «По жалобам граждан Бронникова Валерия Акимовича и Володина Николая Алексеевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 2. Ст. 408.

233. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „ПАГ“» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2018. № 0001201802150012.

234. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2021 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 22. Ст. 3913.

235. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 октября 2015 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.И. Каминской, А.М. Савенкова, Л.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6311.

236. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2022 г. № 59-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи

19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М.Д. Малинина» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 2. Ст. 547.

237. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 июня 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 7; 2022. № 8.

238. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

239. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

240. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

241. Определение Верховного Суда РФ от 01 октября 2024 г. № 310-ЭС24-15353 по делу № А68-14380/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

242. Определение Верховного Суда РФ от 04 декабря 2015 г. № 303-ЭС15-15181 по делу № А51-25601/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

243. Определение Верховного Суда РФ от 05 сентября 2022 г. № 309-ЭС22-15317 по делу № А50-17597/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

244. Определение Верховного Суда РФ от 16 сентября 2024 г. № 308-ЭС24-15301 по делу № А32-36337/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

245. Определение Верховного Суда РФ от 19 января 2022 г. № 309-ЭС21-26288 по делу № А07-30809/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

246. Определение Верховного Суда РФ от 19 февраля 2015 г. № 302-ЭС15-20 по делу № А19-1916/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

247. Определение Верховного Суда РФ от 20 октября 2021 г. № 306-ЭС21-19043 по делу № А55-21340/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

248. Определение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2019 г. № 306-ЭС19-1536 по делу № А72-6442/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

249. Определение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 306-ЭС21-24260 по делу № А55-3529/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

250. Определение Верховного Суда РФ от 25 июня 2021 г. № 309-ЭС21-9326 по делу № А60-2745/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

251. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

252. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 12 августа 2014 г. № 67-КГ14-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

253. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 января 2024 г. № 4-КГ23-90-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

254. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 г. № 19-КГ17-10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

255. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 49-КГ21-22-К6 по делу № 2-1117/2020 // СудАкт.ру: судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/kosAeRBjAgLv/> (дата обращения: 01.09.2025).

256. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2023 г. № 49-КГ22-28-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

257. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08 октября 2024 г. № 300-ЭС24-6956 по делу № СИП-295/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

258. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 307-ЭС21-22424 по делу № А13-12911/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

259. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2020 г. № 310-ЭС19-26526 по делу № А84-2224/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

260. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 305-ЭС21-19707 по делу № А40-35533/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

261. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-21196(2) по делу № А41-70837/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

262. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03 июня 2019 г. № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

263. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 ноября 2016 г. № 305-ЭС16-9313 по делу № А40-91532/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

264. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 марта 2017 г. № 304-ЭС17-1552 по делу № А27-12177/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

265. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 октября 2021 г. № 305-ЭС16-20151 (14, 15) по делу № А40-168854/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

266. Постановление Верховного Суда РФ от 07 октября 2019 г. № 73-АД19-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

267. Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (ред. от 30 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

268. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. 2013. № 31.

269. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.06.2013 № 37/13 по делу № А23-584/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

270. Постановление Президиума ВАС РФ от 12 июля 2011 г. № 2518/11 по делу № А01-1223/2010 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 10.

271. Постановление Президиума ВАС РФ от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

272. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.2013 № 18045/12 по делу № А40-37822/12-55-344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

273. Определение ВАС РФ от 18 мая 2010 г. № ВАС-5949/10 по делу № А53-8430/2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

274. Определение ВАС РФ от 28.08.2013 № ВАС-13131/12 по делу № А40-47704/10-44-231Б. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

275. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03 июня 2025 г. № Ф01-1302/2025 по делу № А79-5405/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

276. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 июня 2023 г. № Ф01-3180/2023 по делу № А43-27092/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

277. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 8 ноября 2019 г. № Ф01-5331/19 по делу № А38-887/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

278. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 марта 2021 г. № Ф02-683/2021 по делу № А33-29555/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

279. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 марта 2022 г. № Ф03-844/2022 по делу № А73-9549/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

280. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24 июля 2023 г. № Ф03-3034/2023 по делу № А16-1399/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

281. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05 марта 2024 г. № Ф04-7833/2024 по делу № А81-4478/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

282. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07 ноября 2022 г. № Ф04-5465/2022 по делу № А45-15729/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

283. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 июня 2024 г. № Ф04-2045/2024 по делу № А70-18633/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

284. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 января 2024 г. № Ф04-6660/2023 по делу № А45-14250/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

285. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 июля 2021 г. № Ф04-3420/2021 по делу № А67-941/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

286. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 октября 2019 г. № Ф05-16157/19 по делу № А41-2077/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

287. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 сентября 2019 г. № Ф05-18216/17 по делу № А40-111/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

288. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 ноября 2018 г. по делу № А72-6442/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

289. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 октября 2019 г. № Ф06-51747/19 по делу № А65-11502/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

290. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 декабря 2018 г. № Ф07-13867/18 по делу № А56-112500/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

291. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 мая 2024 г. № Ф08-3828/2024 по делу № А32-36337/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

292. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 июня 2021 г. № Ф08-5999/2021 по делу № А63-13627/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

293. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.03.2025 № Ф08-1403/2025 по делу № А32-30063/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

294. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 ноября 2023 г. № Ф09-6711/23 по делу № А34-18781/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

295. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 апреля 2021 г. № Ф09-2579/21 по делу № А60-25700/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

296. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 января 2021 г. № Ф09-8456/20 по делу № А34-17483/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

297. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.08.2019 № Ф09-4412/19 по делу № А60-42282/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

298. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 мая 2022 г. по делу № А50-17597/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

299. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.08.2024 № Ф10-3171/2024 по делу № А64-11748/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

300. Постановление ФАС Московского округа от 05 мая 2009 г. № КГ-А40/3400-09. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

301. Постановление ФАС Московского округа от 20 декабря 2011 г. по делу № А40-52212/11-34-455. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

302. Постановление ФАС Московского округа от 25 сентября 2009 г. № КГ-А41/9854-09. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

303. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07 ноября 2006 г. № Ф08-5243/2006 по делу № А63-420/2005-С2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

304. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 22 августа 2012 г. № Ф05-8702/12 по делу № А40-124729/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

305. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 24 августа 2012 г. № Ф09-6425/12 по делу № А60-29583/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

306. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07 июля 2025 г. № 18АП-5943/2025 по делу № А07-42725/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

307. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 мая 2016 г. № 12АП-4461/16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

308. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 августа 2018 г. по делу № А72-6442/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

309. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 28 января 2025 г. № 01АП-8082/2024 по делу № А79-5405/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

310. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 февраля 2024 г. № 15АП-21450/2023 по делу № А32-36337/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

311. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 марта 2022 г. по делу № А50-17597/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

312. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2015 г. № 17АП-11779/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

313. Определение Арбитражного суда Московской области от 8 февраля 2017 г. по делу № А41-90911/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

314. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14 апреля 2015 г. по делу № А40-172810/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

315. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 2 декабря 2020 г. по делу № А40-88352/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

316. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 4 января 2019 г. по делу № А56-71401/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

317. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 22 ноября 2023 г. по делу № А32-36337/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

318. Решение Арбитражного суда Пермского края от 09 декабря 2021 г. по делу № А50-17597/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

319. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 11 января 2021 г. по делу № А65-1094/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

320. Решение АС Республики Хакасия от 11 сентября 2018 г. по делу № А74-11147/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

321. Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 23 декабря 2010 г. по делу № А59-3448/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

322. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 13 сентября 2021 г. по делу № А63-14720/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

323. Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 25 апреля 2018 г. по делу № А72-6442/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

324. Решение Арбитражного суда Чувашской Республики - Чувашии от 24 октября 2024 г. по делу № А79-5405/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

325. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 сентября 2022 г. № 88-21596/2022 по делу № 2-4850/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

326. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2023 г. по делу № 88-26038/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

327. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 09 марта 2022 г. по делу № 33-1765/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

328. Апелляционное определение Московского городского суда от 08 августа 2017 г. по делу № 33-30570/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

329. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 10 декабря 2019 г. по делу № 33-14546/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

330. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 12 марта 2020 г. по делу № 33-3354/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

331. Апелляционное определение СК по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 26 июня 2018 г. по делу № 33-20129/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

332. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 14 февраля 2020 г. по делу № 33-1150/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

333. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 20 февраля 2019 г. по делу № 33-3856/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

334. Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 21 января 2020 г. по делу № 33-372/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

335. Апелляционное определение СК по гражданским делам Ульяновского областного суда от 19 ноября 2019 г. по делу № 33-4653/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

336. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 9 августа 2004 г. № КА-А40/6740-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

337. Решение Евпаторийского городского суда Республики Крым от 10 апреля 2023 г. по делу № 2-477/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

338. Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 18 февраля 2016 г. по делу № 2-293/16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

339. Решение Пресненского районного суда города Москвы от 27 сентября 2021 г. № 02-0152/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

340. *Moviecolor Ltd. v. Eastman Kodak Co.*, 288 F.2d 80 (2d Cir. 1961).

IV. Электронные ресурсы

341. Антонова, Е.В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства) / Е.В. Антонова // КонсультантПлюс: студенту и преподавателю. 2018. URL: <https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/archive/2018/> (дата обращения: 18.08.2026).

342. Зорькин, В.Д. Под знаком обновленной Конституции / В.Д. Зорькин. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96> (дата обращения: 18.08.2026).

343. Исковая давность и злоупотребление правом: взболтать, но не смешивать // Право.ru. 2016. 27 окт. URL: <https://pravo.ru/old/review/view/134923/> (дата обращения: 05.04.2025).

344. Момотов, В.В. Добросовестность как модель поведения в законодательстве и судебной практике: выступление на заседании Клуба имени

Д.Н. Замятина / В.В. Момотов. URL: <http://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/34063>
(дата обращения: 21.02.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предлагаемые изменения в законодательство:

- *Изменения в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации:*

1. дополнить п. 3 ст. 179 ГК РФ абзацем следующего содержания:

«Если потерпевшим доказано, что сделка была совершена вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для него условиях, а также установлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что другая сторона знала или должна была знать о тяжелом положении потерпевшего, предполагается, что другая сторона воспользовалась указанными обстоятельствами, пока ею не доказано иное»;

2. дополнить п. 2 ст. 199 ГК РФ абзацами следующего содержания:

«Если сторона, заявившая о применении исковой давности, в период течения срока исковой давности совершала действия или допускала бездействие, объективно способные исключить либо существенно затруднить своевременное предъявление требования другой стороной, в том числе скрывала сведения, необходимые для обращения за судебной защитой, сообщала недостоверную информацию либо иным образом препятствовала своевременному предъявлению требования, и указанные обстоятельства доказаны, предполагается, что пропуск срока исковой давности обусловлен таким поведением, пока стороной, заявившей о применении исковой давности, не доказано иное.

В случае, предусмотренном настоящим пунктом, истечение срока исковой давности не является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

Положения настоящего пункта в указанной части не применяются к сроку, установленному п. 2 ст. 196 настоящего Кодекса, если иное не предусмотрено законом».

- *Изменения в Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»:*

1. дополнить ст. 93 Закона № 44-ФЗ частью 15.1 следующего содержания:

«15.1. Заключение нескольких контрактов в пределах ограничений, предусмотренных частью 15 настоящей статьи, само по себе не является основанием для вывода об искусственном разделении единой потребности заказчика.

Единая потребность заказчика в товарах, работах или услугах при заключении нескольких контрактов на основании пункта 4 части 1 настоящей статьи предполагается при доказанности совокупности следующих обстоятельств: взаимосвязанности предметов закупок, направленности закупок на достижение единого хозяйственного результата, временной близости заключения контрактов и отсутствия самостоятельного хозяйственного значения каждой закупки, если заказчиком не доказано иное.

Искусственным разделением единой потребности заказчика признается заключение нескольких контрактов на основании пункта 4 части 1 настоящей статьи при наличии заранее известной заказчику единой потребности, удовлетворение которой направлено на достижение единого хозяйственного результата, если разделение такой потребности осуществлено в целях неприменения конкурентного способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя).

Само по себе заключение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) нескольких контрактов в отношении единой потребности заказчика не свидетельствует о его участии в ее искусственном разделении. Участие поставщика (подрядчика, исполнителя) в искусственном разделении единой потребности заказчика устанавливается с учетом его осведомленности о такой потребности, согласованности действий с заказчиком либо иных обстоятельств, свидетельствующих о совместной направленности их поведения на неприменение конкурентного способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя)».

• *Изменения в Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»:*

1. дополнить главу I Закона РФ «О защите прав потребителей» статьей 16.2 следующего содержания:

«Статья 16.2. Пределы осуществления потребителем прав, предусмотренных настоящим Законом

Права потребителя, предусмотренные настоящим Законом, осуществляются добросовестно, в соответствии с их назначением и с учетом недопустимости извлечения преимущества из незаконного или недобросовестного поведения.

Требование потребителя предполагается заявленным недобросовестно, если лицом, которому оно предъявлено, доказана совокупность обстоятельств, свидетельствующих о том, что потребитель знал или исходя из очевидных обстоятельств не мог не знать об отсутствии оснований для предъявления соответствующего требования либо своими действиями или бездействием создал такие основания или существенно увеличил неблагоприятные последствия спорной ситуации, пока потребителем не доказано иное.

О наличии обстоятельств, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи, могут свидетельствовать, в частности, сообщение потребителем заведомо недостоверных сведений, сокрытие сведений, имеющих существенное значение для добровольного удовлетворения требования, уклонение от совершения необходимых действий, без которых лицо, которому предъявлено требование, объективно лишено возможности его добровольно удовлетворить, необоснованный отказ от принятия надлежащего исполнения, использование очевидной технической, программной или иной ошибки лица, которому предъявлено требование, а также иное поведение, направленное на получение преимущества в отрыве от восстановительного назначения потребительской защиты.

При признании требования потребителя заявленным недобросовестно суд отказывает в защите права полностью или в соответствующей части либо применяет иные последствия, предусмотренные статьей 10 Гражданского

кодекса Российской Федерации, в той мере, в какой соответствующее требование или его размер обусловлены недобросовестным поведением потребителя.

Отказ в защите не допускается в части, направленной на восстановление реально нарушенного права потребителя, если такое нарушение не обусловлено его недобросовестным поведением».